

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 1 (25)

2023

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, мл. науч. сотр., НОЦ исторических исследований и анализа

Технический секретарь

А. Е. Жукова, мл. науч. сотр., НОЦ исторических исследований и анализа

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС77-68612,
March 04, 2016
The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the list of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Junior researcher, Scientific and Educational Center of Historical Research and Analysis

Technical secretary

A. E. Zhukova, Junior researcher, Scientific and Educational Center of Historical Research and Analysis

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia
S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Е. П. Барина, П. С. Кабытов** [8]
Повседневная жизнь провинциальной дворянской семьи в пореформенный период на страницах воспоминаний А. Э. Фридрихс
- Н. Е. Жукова, Т. В. Паликова** [26]
«...не верьте официальным сообщениям сплошная ложь, даже неприкрытая получше»: письмо Е. А. Сергеевой (Танской) о событиях 9 января 1905 г. в г. Верхнеудинск
- Н. Д. Козлов** [40]
История повседневности в российских учебниках истории России XX в.

ИСТОРИЯ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

- А. В. Белова** [54]
Отношение к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в.
- В. В. Карпова** [78]
«...он отравляет детскую душу»: учащиеся и российский кинематограф в начале XX века
- Н. А. Мицюк, Н. Л. Пушкарева** [96]
Социальные эксперименты и поиск оптимальных путей в формировании нового института родительства в 1900–1930-е гг.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Д. И. Гетьман** [117]
Влияние жилищных условий Санкт-Петербурга на здоровье детского населения второй половины XIX – начала XX в.

А. В. Крюкова Извозчики и их пассажиры на курортах Черноморского побережья Кавказа на рубеже XIX – XX вв.	[130]
Т. В. Емельянова Инструкторские курсы при Комиссии по огородам при Петроградском областном комитете Всероссийского союза городов (1917–1922 гг.)	[142]
С. А. Власов Труд, быт, досуг первостроителей Комсомольска-на-Амуре – повседневная жизнь жителей дальневосточного города в 1930-е гг.	[161]
Сведения об авторах	[181]

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

- Ekaterina P. Barinova, Petr S. Kabytov** [8]
Daily life of a provincial noble family in the post-reform period in the memoirs of A. E. Friedrichs
- Natalia E. Zhukova, Tatiana V. Palikova** [26]
"...don't believe the official reports, a solid lie, even undisguised": E. A. Sergeeva (Tanskaya) letter about the events of January 9, 1905 to Verkhneudinsk
- Nikolay D. Kozlov** [40]
The history of everyday life in Russian textbooks of the History of Russia of the 20th century

HISTORY OF MOTHERHOOD AND CHILDHOOD

- Anna V. Belova** [54]
Attitude towards girls in noble families in the 18th – middle of the 19th centuries
- Veronika V. Karpova** [78]
"...it poisons the child's soul": pupils and Russian cinema at the beginning of the 20th century
- Natalia A. Mitsyuk, Natalia L. Pushkareva** [96]
Social experiments and the search for optimal ways in the formation of a new institution of parenthood in the 1900s and 1930s

REGIONAL EVERYDAY LIFE

- Diana I. Get'man** [117]
The Influence of the housing conditions of St. Petersburg on the health of the child population in the second half of the 19th – early 20th centuries

Anna V. Kryukova Cabmen and their passengers in the resorts of the Black Sea coast of the Caucasus at the turn of the 19 th – 20 th centuries	[130]
Tatyana V. Emelyanova Instructor courses of Gardening commission by Petrograd Regional Committee of the All-Russian Union of Cities (1917–1922)	[142]
Sergey A. Vlasov Labor, life, leisure of the first builders of Komsomolsk-on-Amur – the daily life of residents of the Far Eastern city in the 1930s	[161]
About Authors	[181]

Повседневная жизнь провинциальной дворянской семьи в пореформенный период на страницах воспоминаний А. Э. Фридрихс

Е. П. Баринава, П. С. Кабытов

В документах личного фонда А. Э. Фридрихс, хранящихся в рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинском доме), содержится разнообразный пласт исторической информации, позволяющей осуществить реконструкцию родословной семьи дворян Племянниковых, охарактеризовать особенности дворянского быта и его трансформацию на протяжении лонгитюдного периода. Мемуарист стремилась связать воедино различные интерпретации рассказов своих ближайших родственников и создать целостную картину семейного прошлого дворянского рода Племянниковых. Авторы показывают влияние личных убеждений и эмоций мемуариста на использование повседневного опыта и семейных традиций. Доказано, что мемуарист воспроизводит мельчайшие нюансы дворянского быта, пытается передать следующим поколениям своеобразие жизни дворян и тем самым воссоздать голос эпохи.

В статье осуществлен комплексный анализ материалов личного фонда, определена тематика базовой информации. К числу основных тем, затронутых автором воспоминаний, относились система воспитания дворянских детей, помещичье хозяйство, особенности взаимоотношений помещиков с крестьянами как в дореформенный, так и пореформенный период. Сравнительно-сопоставительный анализ воспоминаний различных представителей дворянского рода Племянниковых позволил выявить общую информацию, сохраненную в коллективной памяти потомков.

Ключевые слова: российское дворянство, Оренбургская губерния, Самарская губерния, А. Э. Фридрихс, Племянниковы, повседневная жизнь, историческая память.

Для цитирования: Баринава Е. П., Кабытов П. С. Повседневная жизнь провинциальной дворянской семьи в пореформенный период на страницах воспоминаний А. Э. Фридрихс // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 8–25. DOI 10.35231/25422375_2023_1_8

Введение

Воспоминания и заметки А. Э. Фридрихс зафиксировали панораму повседневной жизни провинциального дворянства в пореформенный период. Заинтересовавшись историей семьи в подростковом возрасте, она на протяжении всей своей жизни неоднократно обращалась к истории рода, занималась поиском документов и устных свидетельств, бережно хранила фотографии как членов семьи, сослуживцев отца и знакомых матери, так и общественных деятелей. На страницах воспоминаний присутствуют свидетельства о значимых исторических событиях в стране. Уже в ранней юности она стала интересоваться судьбами представителей многочисленного дворянского рода Племянниковых и их ближайших родственников и знакомых. Характерно, что мемуарист подробно воспроизводит общую для данной дворянской семьи память о прошлом рода, стремится показать судьбу того или иного родственника в контексте исторических событий.

Автор предприняла колоссальные усилия для того, чтобы история рода не была подвергнута забвению. В частности для придания особой значимости воспоминаниям она включила в них сюжет об учебе В. И. Ленина в Симбирской гимназии и упомянула, что ее родственники, члены семьи Глассон, были знакомы и дружили с семьей В. И. Ульянова. В 1931 г. автор прислала воспоминания, документы и фотографии из Ялты, где она проживала по адресу: г. Ялта, ул. Учан-Су, д. 8, кв. 9 (в настоящее время – ул. Бирюкова), в адрес Пушкинского дома Института русской литературы Академии наук Советского Союза.

В эго-документах А. Э. Фридрихс структурирована та наиболее значимая информация, которая, с ее точки зрения, была достойна сохраниться в воспоминаниях. В этой связи продуктивным является выявление роли эмоционального контекста в трансляции значимых событий семейной памяти дворянского рода. Научная значимость этих уникальных неопубликованных источников позволяет исследователю возвратиться из небытия историю дворянского рода, представить его коллективную память, построить диалог между представителями разных поколений одной семьи. И в этом плане, безусловно, знаковым является тот факт, что расшифровкой

воспоминаний занималась потомок семьи Племянниковых – Ю. А. Набока.

Особенностям повседневного быта, усадебной культуры, воспитанию дворянского сословия в пореформенный период посвящено множество исследований в рамках различных научных направлений: истории повседневности, социальной истории, генеалогии и истории культуры [1–4]. Авторы акцентируют внимание на роли образа жизни, системы воспитания, национальных культурных традиций, которые влияли на формирование системы ценностей, личностных пристрастий, настроения и политическое поведение дворянства [5; 6].

В научных трудах, посвященных отдельным представителям дворянского рода Племянниковых, содержатся данные, характеризующие их хозяйственную и общественную деятельность, приводятся генеалогические сведения [7; 8]. В статье Е. В. Мишаниной представлена история дворянского рода Карамзиных по линии Ф. М. Карамзина в Оренбургской и Самарской губерниях, дается описание повседневного быта помещиков в 50–60-е гг. XIX в. [9]. В воспоминаниях потомков дворянского рода [10; 11; 12], биографических изданиях [13; 14], научных статьях [15; 16] содержатся фрагментарные сведения, позволяющие лишь частично реконструировать судьбу представителей многочисленной дворянской семьи Племянниковых накануне и после Великой российской революции и проследить перипетии их жизни.

Современные исследователи отмечают наличие в воспоминаниях представителей одного рода единство в трансляции значимых событий истории семьи, обусловленное влиянием семейных традиций, системой воспитания, самоидентификацией. Различия в интерпретации общей канвы событий связаны чаще всего с эмоциональным контекстом восприятия тех или иных событий или неточностями в реконструкции исторической реальности [17; 18].

Сравнительно-сопоставительный анализ нарратива воспоминаний А. Э. Фридрихс позволил реконструировать повседневную жизнь провинциальной дворянской семьи в пореформенный период. Совмещение микро- и макровидения делают возможным определить механизмы сохранения в семейной памяти значимой информации, показать воздействие эмоци-

онального фона на воспроизводство и передачу повседневного опыта и семейных традиций. Возможности методов Digital history позволяют представить коллективное высказывание рода, выявить неточности и погрешности в реконструкции исторической реальности автором эго-источников. С этой целью были проанализированы материалы центральных и региональных архивов, воспоминания и интернет-источники, которые позволили показать особенности повседневного быта дворянской семьи Племянниковых в середине XIX в.

Результаты

В фонде Александры Эдуардовны Фридрихс (1871 – после 1931) содержалось 29 документов. Среди них фотографии членов семьи: Анфисы Петровны Карамзиной (прабабки), Федора Михайловича Карамзина (прадеда), двоюродного деда – Николая Федоровича Карамзина, дяди – депутата I Государственной думы Василия Андреевича Племянникова, матери – Елизаветы Андреевны Фридрихс (Племянниковой), отца – Эдуарда Густавовича Фридрихса, дяди – Алоиза Густавовича Фридрихса [19, д. 14–16; 20, 26–28].

В фонде хранятся рукописи ее матери, Е. А. Фридрихс «Как я познакомилась с нашими поэтами» и «Моя няня», с альтернативным названием «Большая барышня» [19, д. 8, 9]. Возможно, это пробы пера будущей детской писательницы, ее черновики и литературные наброски, так как в 1886 г. ею на собственные средства в типографии Э. Гоппе был издан сборник рассказов для детей [20]. Мать привила дочери любовь к истории и литературе, о чем косвенно свидетельствуют сохранившиеся в фонде рукопись с описанием первого морского путешествия А. Э. Фридрихс по Балтийскому морю [19, д. 4] и ее школьное сочинение о судьбе бабушки Елизаветы Федоровны Племянниковой (Карамзиной).

К сожалению, судьба автора восстановлена нами только фрагментарно. Есть предположение, что ее жизнь в 1910-х гг. была связана с Министерством иностранных дел, так как часть воспоминаний написано на пустых бланках отдела печати и второго департамента министерства. В 1919 г. она жила в Омске в семье своего двоюродного брата Н. Э. Свенцицкого, выпускника Михайловского военного училища (1884), затем в Ялте.

По-видимому, Александра Эдуардовна проявляла большой интерес к истории своей семьи. В фонде сохранилось несколько вариантов воспоминаний автора, родословной и истории жизни семьи, а также подготовительный материал для них. Рассказ о жизни ее двоюродного деда, Николая Федоровича Карамзина, очевидно, записан со слов матери. В источниках присутствуют разночтения в данных о годах его жизни.

Мемуарист указывает датой рождения 1805 г., а датой смерти – 1865 г., уточняя, что он умер в г. Бузулуке от болезни сердца [19, д. 5, л. 1, 3]. Также существуют сведения о его рождении в 1800, 1802 или 1803 гг. и смерти в 1867 г. В с. Преображенка на родовом семейном кладбище в ограде церкви сохранилась могила Н. Ф. Карамзина, на которой указаны точные даты жизни (06.12.1802 – 30.08.1867) [9, с. 283].

Н. Ф. Карамзин окончил Пажеский корпус, с 1822 г. служил прапорщиком в Екатеринбургском гренадерском полку. После выхода в отставку в 1829 г. избирался судьей Бузулукского уездного суда (1833–1836). На протяжении трех сроков был уездным предводителем дворянства, с 1854 г. был председателем Самарской палаты гражданского суда. Однако по состоянию здоровья в 1856 г. был уволен с государственной службы. Владел имением в с. Преображенка (первоначальные названия – Михайловка, Карамзиха) Бузулукского уезда Самарской губернии (в настоящее время – Бузулукский район Оренбургской области).

Автор воссоздает образ Н. Ф. Карамзина, который был «очень ласков с племянницами, баловал их, и они очень его любили» [19, д. 5, л. 4]. Она подчеркивает его изящные, светские манеры и подробно описывает его внешность:

«...он был высокий, довольно полный старик с замечательно-белым, благородным лицом, крупным правильным носом, черными большими живыми глазами под черными густыми бровями, но уже в темном парике. Он носил усы и французскую бородку» [19, д. 5, л. 2].

В рукописи присутствует описание внешнего вида и интерьера усадьбы. Характеризуя его отношения с крепостными крестьянами, мемуарист отмечает, что им «...жилося лучше, чем вольным». Она называет его «большим либералом», так

как накануне реформы 1861 г. он планировал раздать крепостным по пять десятин земли на душу без выкупа. К его удивлению, эта инициатива не была поддержана крепостными [19, д. 5, л. 3].

А. Э. Фридрих подробно рассказывает о любовных похождениях своего двоюродного деда и судьбе его внебрачных потомков от Калерии Егоровны, горничной его матери. Автор воспоминаний и сама в детстве встречалась с нею и ее внебрачными дочерьми, у одной из которых – Аскитрии Николаевны – был «карамзинский тип» лица. Она упоминает, что они «жили очень скромно и чистенько, и принимали ласково и хлебосольно» во флигеле поместья в Карамзинке. Однако «землю не обрабатывали», так как у них не было работников, занимались только пчельником и домашним хозяйством. Она свидетельствует о помощи своего дяди (В. А. Племянникова), как опекуна над именем, в решении их материальных проблем [19, д. 31, л. 16].

Автор реконструирует биографии своих ближайших родственников. Она отмечает, что ее дед, Андрей Васильевич Племянников (09.08.1799–1861), был очень строг. К моменту ее рождения он уже умер. Однако, видимо, со слов матери и теток, она рисует портрет заботливого и умного человека, сильно любившего свою жену – «миниатюрную брюнетку с тонкими чертами лица, черными глазами и волосами – добрую, кроткую женщину, любимую всеми за ее ангельскую доброту и характер и готовность всегда помочь в болезнях и в нужде, и заступиться перед разгневанным барином» [19, д. 6, л. 1].

В сочинении «Как поживешь, так и прослывешь», написанном А. Э. Фридрих в 1885 г., она приводит свидетельства крестьян о доброте своей бабушки Елизаветы Федоровны Племянниковой (в девичестве – Карамзиной) и ее помощи крепостным, покупке ею медикаментов в уездном городе Бузулуке, лечении крестьян и заступничестве за крепостных перед мужем. Она упоминает ее помощницу – дворовую женщину Левтину (возможно – Алевтину), которая «...каждое утро обходила деревню и докладывала Елизавете Федоровне о больных» [19, д. 1, л. 3].

После смерти жены в 1846 г. А. В. Карамзин не стал жениться вторично. В семье было семеро детей: сыновья Фёдор

(12.03.1837 – 1898) и Василий (13.01.1845–23.11.1914); дочери Елизавета, в замужестве Фридрихс (14.11.1834–15.12.1916), Александра, в замужестве – Глассон (19.12.1838–15.01.1907, Самара), Надежда, в замужестве Ковзан (21.05.1840–03.04.1913, умерла от рака желудка в Самаре), Софья, в замужестве Свенцицкая (1.07.1842–?), и Анфиса, в замужестве Слободчикова (12.11.1843–16.09.1913). Даты их жизни скорректированы нами на основе анализа разнообразных источников: памятных книжек и адрес-календарей, генеалогических баз данных, а также трудов исследователей [13]. Нами выявлено, что мать мемуариста, Е. А. Фридрихс, умерла в 1916 г. в Неаполе [21, с. 738].

Значительный интерес представляет описанная автором система воспитания детей. Её основу составляли традиции и неослабный контроль родителей за поведением детей. Характеризуя ее, она пишет о том, что А. В. Племянников контролировал «малейшие подробности» поведения детей, следил за их здоровьем, одеждой и уроками. Автор приводит распорядок дня детей: подъем в 7 ч утра, обязательный приход к отцу, завтрак, затем различные занятия: рукоделие, уроки, музицирование. Отец семейства любил литературу, поэзию и музыку. Видимо, в доме была большая библиотека. Отец требовал от дочерей, чтобы каждая из них не менее часа в день занималась игрой на фортепьяно.

По давней традиции в обязанности старшей дочери входили присмотр за младшими детьми, встреча гостей до прихода отца, а также игра с гостями в карты по воскресеньям. Мемуарист отмечает, что ее мать рано научилась читать (в 5–6 лет), и чтение стало одним из любимых ее занятий [19, д. 6, л. 2]. Самым большим наказанием для детей было недовольство отца их поведением, когда он переставал с ними разговаривать. Особенно боялись дочери, если «он звал кого-нибудь из них в кабинет, значит [провинившейся] предстоял выговор...» [19, д. 2, л. 11].

В воспоминаниях представлено описание дома, который А. Э. Фридрихс называет «настоящим барским домом крепостного времени». Она упоминает различные категории дворовой прислуги, перечисляет количество дворовых и их обязанности, среди которых было несколько поваров, 15 горничных, семь лакеев, конюхи, прачки, столяр, кузнец, мельник и др. Хозяйство носило фактически натуральный характер.

В мемуарах приводятся данные о том, что крепостные ткали, шили, вышивали гладью, плели кружева, а также занимались изготовлением козловой обуви [19, д. 6, л. 5]. Она приводит сведения о помещичьем хозяйстве, которое внучка оценивала как «образцовое», поскольку доходы и расходы находилось под строгим контролем хозяина:

«...велся счет коровам, лошадям, овцам; записывалось, когда овцы должны были ягниться, ...сколько и какие ягнята родились, ... тоже о лошадях и коровах.... вписывалось, сколько ...получалось муки, овса и проч., сколько расходовалось...» [19, д. 6, л. 6].

После смерти отца в 1833 г. деду автора Андрею Васильевичу в наследство досталось с. Покровское. В качестве приданого от жены он получил часть имения при с. Карамзино Бузулукского уезда Самарской губернии. Также, по свидетельству мемуариста, в его собственности находилась д. Ащериново Симбирской губернии (возможно – сельцо Ащерино Алатырского уезда Симбирской губернии), которое он называл «золотым дном».

Архивные источники свидетельствуют, что его отношения с крепостными крестьянами зачастую имели конфликтный характер. Косвенно это подтверждает и автор воспоминаний, отмечая, что сначала ее бабушка, а затем мать неоднократно заступались за «провинившихся» крестьян и дворовых людей.

Бузулукский уездный предводитель дворянства, характеризуя А. В. Племянникова, отмечал, что хотя им пока не совершено действий, «превышающих власть, предоставленную помещикам», но его следует считать «заслуживающим внушения и необходимых мер к обузданию строптивого характера». Крестьяне обвиняли А. В. Племянникова в наказании розгами, кулаками и арапником, жаловались, что он принуждает работать на него в воскресные дни и производит «с них поборы, как-то: барана, гуся и прочее...» [7, с. 22–23].

В 1849 г. губернатор В. А. Обручев даже обращался в Сенат с просьбой «наложения опеки» на имения Андрея Васильевича, а также двух его братьев, живших неподалеку и не уступавших ему в жестокости [14, с. 264]. В этой связи А. В. Племянников предпринял поездку в Оренбург, где ходатайствовал перед губернатором о «справедливом» решении «по несчастному

делу о моих крестьянах», во встречном прошении обвиняя их в воровстве, грубости, пьянстве, неповиновении.

Тогда же, в январе 1850 г., Т. Г. Шевченко написал на заказ акварельный портрет А. В. Племянникова, в котором передал не только портретное сходство, но и надменный нрав этого помещика.

В воспоминаниях есть сведения о судьбе некоторых слуг. Эти истории, как правило, были связаны с любовными переживаниями и трагедиями, поскольку данные сюжеты особенно были интересны для автора. Она пишет и о перипетиях жизненного пути тех людей, которые фактически стали членами её семьи, дает характеристику их личностных качеств и основных вех жизни.

Ею воссоздан привлекательный образ Анны Евграфовны, крепостной девушки Е. Ф. Плямянниковой. А. Э. Фридрихх отмечает ее деловые качества, говорит о её «уме и энергии». Она констатирует, что та пришла в дом в качестве приданого бабушки, а затем стала незаменимой помощницей. В начале она была нянькой старшего сына Федора, затем младшей дочери Анфисы, а после ее замужества – нянчила ее 10 детей и вела хозяйство вплоть до своей смерти от холеры в 1892 г. в возрасте 78 лет в Самаре, где жила в тот момент семья А. А. Слободчиковой [19, д. 6, л. 6].

В семье Племянниковых у каждого ребенка была своя няня. Причем часто, по свидетельству мемуариста, она нянчила не только свою воспитанницу, но и ее детей, после того как та выходила замуж. Со слов матери она приводит сведения о типичной будничной и праздничной одежде детей. В будни они носили простую удобную одежду, девочки – ситцевые платья. Для выездов в гости и на балы они имели специально купленные с этой целью родственниками отца в Петербурге наряды: «кисейные <платья> ...нежных цветов и красивые шелковые кушаки, затканые узорами...». В приданом их матери осталось много красивой одежды, из которой девочкам шили карнавальные костюмы и бальные платья. У каждой барышни было две горничные, которые причесывали, одевали и обували их на балы или выезды. Мемуарист упоминает, что барышни заступались перед отцом за своих горничных, а по праздникам устраивали своеобразные соревнования: кто лучше нарядит своих горничных [19, д. 6, л. 3, 5].

А. Э. Фридрих упоминает приезды гостей, а также поездки повзрослевших девушек на балы в уездный город Бузулук. Она сообщает, что глава семейства считался состоятельным помещиком, а потому у девушек не было отбоя от кавалеров, и они достаточно рано вышли замуж. Подробно описывает первые увлечения своей матери и теток, воспроизводит круг общения молодых девушек: соседей Лукиных, семейство Булгаковых, с которыми Племянниковы находились в дальнем родстве. Не обойдены вниманием мемуариста и взаимоотношения дальних и близких родственников.

Автор воспоминаний пишет и о любовных переживаниях своей матери. В этой связи она описывает интриги родственников, по тем или иным причинам препятствующих заключениям браков. Причем интересы влюбленных они не принимали в расчет. По инерции родители и ближайшие родственники продолжали считать, что интересы семьи превыше всего, и они должны «устроить» семейное счастье детей, а потому навязывали им свою волю. Мемуарист подчеркивает, что дочери вынуждены были беспрекословно подчиняться воле отца. С большим сочувствием она описывает эмоциональное состояние своей мамы, которая «...поплакала, потосковала, но делать было нечего...», так как отца было «невозможно послушаться» [19, д. 6, л. 3]. Но все-таки дочь послушалась отца.

В воспоминаниях описаны перипетии знакомства её матери со своим будущим мужем Эдуардом Густавовичем Фридрихс (1827–7.09.1874). Уделяется внимание не только его ухаживаниям, но и их тайной переписке. Мать автора воспоминаний поведала дочери о своих впечатлениях о будущем муже: «Он б[ыл] худощав, среднего роста, стройн[ый], с правильн[ыми] черт[ами] лица, серыми небольш[ими] глазами, высоким лбом, густ[ыми] кудряв[ыми] бакенбардами и усами... по моде того времени. Он б[ыл] хорошо образован и воспитан, характер у него б[ыл] лёгкий, деликатный, он очень любил музыку и хорошо рисовал. Кроме нем[ецкого] яз[ыка], он хорошо говорил по-французски и по-русски, не произносил только буквы «ы»» [19, д. 3, л. 11].

Этот роман завершился свадьбой в мае 1856 г. Но в другом варианте воспоминаний приводится датой замужества 1858 г.

[19, д. 3, л. 2]. Скорее всего, точная дата заключения брака – 1858 г., так как в воспоминаниях указывается, что первый ребенок в семье, Леонид, родился в 1860 г. Автор отмечает, что первоначально отец невесты, А. В. Племянников, был против брака дочери. Обида отца на дочь была столь велика, что он не разговаривал с ней целый год.

Тем не менее в приданое Елизавете Андреевне он дал 6000 р. Кроме того, еще тысяча рублей была выделена на обзаведение хозяйством. Такие же денежные суммы в приданое отец дал и остальным своим дочерям. Кроме денег молодая семья получила также мебель красного дерева, рояль, лошадей, экипажи, двух дворовых людей и кучера [19, д. 3, л. 11].

Мемуарист пишет о том, что ее тетка, Надежда Андреевна, в возрасте 18 лет вышла замуж за 38-летнего вдовца с четырьмя маленькими детьми – Ивана Игнатьевича Ковзана (25.05.1819–22.12.1884), который приобрел имение двоюродного брата Андрея Васильевича Племянникова – Н. Ф. Племянникова. И. И. Ковзан обучался в Чаусовском уездном училище, перечислен из могилевских дворян в самарское дворянство. Коллежский асессор. Владел 1063 дес. земли у с. Никольское Покровской волости в 1883 г.

От первого брака с Марией Алоизиевной у него было четыре ребенка: Константин (02.07.1850–?); Иван Владислав (15.01.1855–?); Валерия (1855–27.08.1899, в браке – Родзевич), Александра (10.11.1846–?; в 1-м браке – Шапошникова, во 2-м – Иванова). В браке с Надеждой Андреевной в семье родилось еще шестеро детей: Александр (18.08.1862–03.01.1917), депутат III и IV Государственной думы; Мария (28.07.1872–?); Софья (30.09.1873–1929, в замужестве Ключева); Надежда первая (19.01.1876–?); Петр (13.09.1878–?); Надежда вторая (15.03.1884–?).

Вскоре другая сестра, 16-летняя Софья, вышла замуж за поляка Эдуарда Викентьевича Свенцицкого (1833–19.01.1896, умер в Оренбурге, грудная жаба), потерявшего правую руку в сражениях в период Крымской войны. Он вышел в отставку в чине подпоручика и был назначен городничим уездного города Бузулука [19, д. 2, л. 1–2]. Э. В. Свенцицкий был перечислен из дворян Каменец-Подольской губернии в Самарскую в 1869 г. и владел д. Завидное (Ново-Никольская волость) и 2081 дес. земли в Юмуран-Табынской волости в 1883 г.

Софья Андреевна владела 494 дес. земли при с. Перевозниково Лабазинской волости. В семье было 11 детей: сыновья Андрей (02.02.1859–1927), Николай (23.07.1864 – после 1919), Викентий (29.01.1869–?), Василий (01.03.1871–?), Владимир (11.07.1876–?), Александр (09.05.1879–?), Федор (1882–17.01.1883), Федор второй (14.03.1886–03.01.1887); дочери Анфиса (02.08.1862–?, в замужестве Конопелкина, учительница приходской школы), Надежда (30.10.1866–?, муж Василий Семенович Ободовский (1861–11.11.1914, земский деятель, депутат Государственной думы IV созыва от Самарской губернии); Елизавета (12.04.1874–1960, в замужестве Кедрина) и Мария (?–?). Семья жила в Бузулуке и в Самаре.

Автор упоминает о разделе имущества после смерти А. В. Племянникова между его сыновьями. Старший сын, Федор Андреевич (14.03.1837 – после 1898), служил в армии, затем после выхода в отставку в чине подпоручика избирался депутатом Дворянского собрания (1864–1866, 1881–1890). Он совместно с братом Василием владел 3050 дес. земли. Кроме того, в единоличном владении у него находилось 1399 дес. земли в с. Покровском (Племянниково). В воспоминаниях приведена характеристика дяди как человека доброго, мягкого и неконфликтного. По мнению мемуаристки, семейная жизнь у него была полна событиями, «отравившими» его существование.

Автор констатирует, что между Племянниковыми и Ковзан «дружбы не было» [19, д. 31, л. 11]. Вероятно, это было связано с тем, что сестры Племянниковы неприязненно относились к жене брата – Софье Николаевне Булгаковой (09.07.1841 – после 1908 г). По свидетельствам матери мемуаристки, она не советовала брату жениться на Софье и тем самым нажила себе врага. В воспоминаниях приведены примеры жестокого обращения Анны Андреевны Племянниковой (Ждановой), матери Софьи, с крестьянами, а Софьи – с горничными. Мать автора осуждала Софью за издевательства над ними. Были случаи, когда она «...капала горячей свечой на лицо спящих девушек». Она шпионила за ними, подслушивала разговоры барышень и жаловалась на них матери [19, д. 6, л. 4].

Василий Андреевич учился в Самарской гимназии, но курса не окончил. А. Э. Фридрих пишет об участии своей матери в образовании ее брата, которому для подготовки к посту-

плению в Петербургский университет были наняты учителя, только что окончившие университет: В. П. Острогорский, А. Н. Острогорский, Вебер и др. Однако В. А. Племянников «... от уроков больше отлынивал... и так к университету не подготовился...» [19, д. 3, л. 4]. В 1871–1878 гг. он выполнял обязанности писца 1-го разряда в штате Бузулукского уездного дворянства. В 19 лет он стал заниматься сельским хозяйством в имении при д. Красная Слободка, расположенном в 65 км от Бузулука. В собственности В. А. Племянникова находилось 1354 дес. земли при д. Красная Слободка и с. Преображенском Булгаковской волости.

После свадьбы молодая семья недолго жила в г. Бузулуке и Симбирске, а затем Э. Г. Фридрихс был переведен в Санкт-Петербург, где он служил бухгалтером в интендантстве Военного министерства [19, д. 3, л. 1, 2]. Там Е. А. Фридрихс познакомилась со своими дальними родственниками, ряд фотографий которых в настоящее время хранится в фонде: крестной и дальней родственницей матери автора по линии Карамзинных – А. И. Мухиной (Дороховой) и ее семьей, двоюродным братом Федором Ивановичем Шапошниковым (02.01.1829–?), его дочь Верой Федоровной Шапошниковой [19, д. 19, 30]. Молодая семья принимала у себя и ходила в гости к сослуживцам Э. Г. Фридрихса: А. С. Селенинову, А. Г. Гернценвицу, М. В. Гриневицу. В качестве развлечений упоминаются игра в карты, музицирование, обсуждение книг.

В памяти автора воспоминаний ее мать предстает заботливой сестрой, которая не забывала приобретать подарки для своих сестер, живших в провинции, и помогавшей им в воспитании племянников и подготовке их к поступлению в высшие учебные заведения. Мемуаристка упоминает своего двоюродного брата Андрея Свенцицкого, которого родители отправили в Петербург в 11-летнем возрасте для подготовки к поступлению в Петербургский кадетский корпус [11, с. 96; 15; 16], а также детей И. И. Ковзана от первого брака: Ивана, поступившего в кадетский корпус, и Валерию – в женский институт [12], прослеживает их судьбу. Весьма впечатляют сведения о благотворительной деятельности Елизаветы Андреевны, которая шила «...халаты на больных <лечебницы> богоугодн[ых] заведений, а впоследствии лечебницы душевнобольных Николая Чудотв[орца]» [19, д. 3, л. 3].

Есть в воспоминаниях и сюжет об отдыхе дворянских семей. Упоминается, что летом Е. А. Фридрихс по возможности с мужем, подругой или одна уезжала из Санкт-Петербурга на морские купанья в Ревель, к родным в деревню или снимала дачу в Парголово. Во время отдыха у своего доктора Гупиуса в местечке Гапсала на Балтийском море Елизавета Андреевна познакомилась с вдовой В.Г. Белинского Марией Васильевной и её дочерью, 16-летней Ольгой Виссарионовной, чьи фотографии хранились в их домашнем архиве, затем в фонде. Они были переданы в 1981 г. в Литературный музей Пушкинского дома. Мемуаристка свидетельствует о том, что ее мать как гостя Белинских часто присутствовала при ежедневном чтении дочери, по требованию своей матери, «...вслух что-ниб[удь] из произвед[ений] отца...» [19, д. 3, л. 13].

Обсуждение и выводы

В процессе изучения архивных материалов личного фонда А. Э. Фридрихс установлено, что ее воспоминания не свободны от ошибок и неточностей. Как правило, эти просчеты были связаны с неполнотой информации, которую она фиксировала во время записей воспоминаний своих респондентов, противоречивостью сведений, а также отсутствием данных. Доказано, что она стремилась показать членов своей семьи достойными представителями дворянского рода. Об этом убедительно свидетельствует как содержание, так и структурирование исторической информации.

Ценность воспоминаний А. Э. Фридрихс состоит в том, что в них приведены сведения, по-видимому, чернового характера о дворянских семьях, находившихся с семьей Племянниковых в родственных отношениях: Ждановых, Булгаковых, Обуховых, Логиновых и др. Но вполне естественно в центре ее повествования находится история семьи Племянниковых, а потому она уделяет особое внимание воссозданию образов близких родственников: родителей, дедушек, теток, дядей, двоюродных братьев и сестер. Истории их повседневной жизни в дореформенный период она воспроизводит на основе рассказов своей матери и теток.

Анализ текстов воспоминаний позволил установить, что автором был осуществлен тщательный отбор исторической

информации, о чем свидетельствует ее многолетняя работа над этими текстами. Она воспроизводит на страницах воспоминаний наиболее значимые, с ее точки зрения, события семейной истории. Эмоциональный контекст проявляется как в личных оценках автора тех или иных лиц и событий, так и в попытках передать сохранившуюся родовую память о характерах и значимых поступках своих родных, воспроизвести оценки их деятельности.

Тем самым автор стремится создать положительный образ представителей дворянского рода. Особое внимание она уделяет описанию быта провинциальной дворянской семьи в до- и пореформенный период. Говоря об отношениях дворян и крестьян, автор старается воссоздать идеальный образ помещика, заботящегося о своих крепостных. И в то же время она не может не включать в текст своих мемуаров те жизненные реалии повседневности, которые нарушали этот «благостный» мир дворянской жизни.

Список литературы

1. Афуksenов Ф. Н. Повседневная жизнь российского дворянства в XIX веке // *Modern Science*. – 2022. – № 1–1. – С. 89–93.
2. Веремко В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. 232 с.
3. Милешина Н. А. Повседневная жизнь российского дворянства XVIII – начала XX столетия в оценках советских и современных исследователей // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. – 2010. – Т. 84. – № 5. – С. 200–207.
4. Пономарева М. А. Семейный уклад и его роль в становлении мировоззрения российского поместного дворянства в конце XIX – начале XX веков (на примере воспоминаний С. Е. Трубецкого, А. А. Корнилова, В. В. Розанова) // *Былые годы*. – 2021. – № 16 (1). – С. 316–323. DOI: 10.13187/bg.2021.1.316
5. Барина Е. П., Трубицын И. О. Основные направления изучения дворянских корпораций в современной историографии // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. – 2022. – № 2. – Т. 28. – С. 8–16. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-8-16
6. Иерусалимский Ю. Ю., Леднева Н. К. Современная отечественная литература о российском дворянстве XIX – начала XX в.: региональный аспект // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. – 2013. – № 1. – С. 23–28.

7. Баринаева Е. П. Дворяне Бузулукского уезда Племянниковы // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. – Т. 2. – С. 20–24.

8. Мишанина Е. В. Оренбургское поместное дворянство: история, быт, культура. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2017. 336 с.

9. Мишанина Е. В. Особое свидетельство. Хроники Оренбургских Карамзиных // Гостиный Двор. – 2016. – № 4 (55). – С. 266–289.

10. Бианки В. В. Воспоминания о детстве и отрочестве // Бианковский альманах. Вып. 8. Памяти Виталия Витальевича Бианки: литературно-краеведческое изд. / ред. О. А. Носковой. – Великий Новгород, 2022. – С. 9–12.

11. Свенцицкий А. Б. Они были последними? М.: Грааль, 1997. 144 с.

12. Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальных... Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.

13. Алексущина Т. Ф. Полный биографический словарь дворян Самарской губернии. Самара, 2015. 503 с.

14. Большаков Л. Н. Оренбургская Шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: энцикл. одиннадцати лет 1847–1858. Оренбург: ДиМур, 1997. 511 с.

15. Дробница Л. Стихи офицера // Российская провинция. – 2019. – 12 декабря. – С. 17.

16. Каминский В. В. Генерал Красной армии генерал М. Г. Снегов жену-дворянку, как и Родину, не предал... // История повседневности. – 2016. – № 1 (1) – С. 32–39.

17. Жердева Ю. А., Сумбурова Е. И., Черкасова М. В. Архив и память: проблемы реконструкции семейной памяти о поздней Российской империи // Былые годы. – 2019. – №51(1). – С. 357–365. DOI: 10.13187/bg.2019.1.357

18. Shatokhin I. T., Shatokhina S. B., Radchenko M. L. The Heuristic Capabilities of the Family Epistolary Texts in the Russian State // Laplage em Revista. – 2021. – № 7. – Рр. 182–187. DOI:10.24115/S2446-6220202171686p.182-188

19. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 321. Оп. 1.

20. Фридрихс Е. А. Детям старшего возраста: сб. рассказов. СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1886. 160 с.

21. Талалай М. Российский некрополь в Италии. М.: ООО «Старая Басманная», 2014. 908 с.

Daily life of a provincial noble family in the post-reform period in the memoirs of A. E. Friedrichs

Ekaterina P. Barinova, Petr S. Kabytov

The documents of A. E. Friedrichs' personal collection, stored in the manuscript department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House), contain a diverse layer of historical information, enabling the reconstruction of the family lineage of the Plemyanikovs, to characterize the features of noble life

and its transformation throughout the longitudinal period. The memoirist sought to link different interpretations of the stories of her closest relatives and to create a coherent picture of the family past of the Plemyannikov family of nobility. The authors show the influence of the memoirist's personal beliefs and emotions on the use of everyday experiences and family traditions. It is proved that the memoirist reproduces the smallest nuances of the nobility's life, tries to pass on to the next generations the peculiarities of the life of the nobility and thereby recreate the voice of the era. The article provides a comprehensive analysis of materials from his personal collection, and defines the themes of basic information. The main subjects touched by the author of the memoirs included the system of upbringing of the children of the nobility, the landlords' economy, the peculiarities of relations between the landlords and the peasants, both in the pre-reform and post-reform periods. A comparative analysis of the memoirs of various representatives of the Plemyannikov family of nobility has enabled us to identify common information, preserved in the collective memory of descendants.

Key words: Russian nobility, Orenburg province, Samara province, A. E. Friedrichs, Plemyannikovs, everyday life, historical memory.

For citation: Barinova, E. P., Kabytov, P. S. (2023) Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo dvoryanskogo sem'i v poreformennyi period na stranitsakh vospominaniy A. E. Fridrikhs [Daily life of a provincial noble family in the post-reform period in the memoirs of A. E. Friedrichs]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 8–25. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_8

References

1. Afuksenov F. N. (2022) *Povsednevnyaya zhizn' rossijskogo dvoryanstva v XIX veke* [Everyday life of the Russian nobility in the XIX century] // *Modern Science*. № 1–1. Pp. 89–93. (In Russ.)
2. Veremenko V. A., Zhukova A. E. (2020) *Vospitatel'nye praktiki v dvoryansko-intelligentskikh sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Educational Practices in the Noble-Intelligent Families of Russia in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries]. Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina. (In Russ.)
3. Mileshina N. A. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' rossijskogo dvoryanstva XVIII – nachala XX stoletiya v ocenках sovetskikh i sovremennykh issledovatelej* [Everyday life of the Russian nobility of the XVIII – early XX century in the assessments of Soviet and modern researchers] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya.1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in education, science and culture]. Vol. 84. №5. Pp. 200–207. (In Russ.)
4. Ponomareva M. A. (2021) *Semeinyi ukhad i ego rol' v stanovlenii mirovozzreniia rossijskogo pomestnogo dvorianstva v kontse XIX – nachale XX vekov (na primere vospominanii S. E. Trubetskogo, A. A. Kornilova, V. V. Rozanova)* [Family way and his role in the formation of the worldview of the Russian local nobility in the late XIX – early XX centuries (on the example of the memoirs of S. E. Trubetsky, A. A. Kornilov, V. V. Rozanova)] // *Bylye gody* [Bylye gody]. № 16 (1). Pp. 316–323. DOI: 10.13187/bg.2021.1.316. (In Russ.)
5. Barinova E. P., Trubicyn I. O. (2022) *Osnovnye napravleniya izucheniya dvoryanskikh korporacij v sovremennoj istoriografii* [The main directions of the study of noble corporations in modern historiography] // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]. № 2. Vol. 28. Pp. 8–16. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-2-8-16. (In Russ.)
6. Ierusalimskij YU. YU., Ledneva N. K. (2013) *Sovremennaya otechestvennaya literatura o rossijskom dvoryanstve XIX – nachala XX v.: regional'nyj aspekt* [Modern Russian literature about the Russian nobility of the XIX – early XX century: regional aspect] // *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of P. G. Demidov Yaroslavl State University. Humanities series]. № 1. Pp. 23–28. (In Russ.)

7. Barinova E. P. (2020) *Dvoryane Buzulukского uезда Plemyanikovy* [The nobles of Buzuluk uyezd Plemyanikovs] // *Desyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen* [Tenth Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon.]. Orenburg: OGPU Publ. Vol. 2. Pp. 20–24. (In Russ.)
8. Mishanina E. V. (2017) *Orenburgskoe pomestnoe dvoryanstvo: istoriya, byt, kul'tura* [Orenburg local nobility: history, life, culture]. Orenburg: OOO IPK «Universitet». (In Russ.)
9. Mishanina E. V. (2016) *Osoboe svidetel'stvo. Khroniki Orenburgskikh Karamzinykh* [Special evidence. Chronicles of the Orenburg Karamzins] // *Gostinyi Dvor* [Gostiny dvor]. № 4 (55). Pp. 266–289. (In Russ.)
10. Bianki V. V. (2022) *Vospominaniya o detstve i otrochestve* [Memories of childhood and adolescence] // *Biankovskij al'manah. Vyp. 8. Pamyati Vitaliya Vital'evicha Bianki: literaturno – kraevedcheskoe izd.* [Biankovsky Almanac. Issue 8. In memory of Vitaly Vitalievich Bianchi: literary and Historical publ.] Ed. O. A. Noskova. Veliky Novgorod. Pp. 9–12. (In Russ.)
11. Svencickij A. B. (1997) *Oni byli poslednimi?* [Were they the last?]. Moscow: Grail. (In Russ.)
12. Slobodchikov V. A. (2005) *O sud'be izgnannikov pechal'nyh... Harbin. SHanhaj.* [About the fate of the sad exiles... Harbin. Shanghai]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)
13. Aleksushina T. F. (2015) *Polnyj biograficheskij slovar' dvoryan Samarskoj gubernii* [Complete biographical dictionary of the nobles of Samara province]. Samara. (In Russ.)
14. Bol'shakov L. N. (1997) *Orenburgskaya Shevchenkovskaya enciklopediya: Tyur'ma. Soldatчина. Sылka: encikl.odinnadcati let 1847–1858.* [Orenburg Shevchenko Encyclopedia: Prison. A soldier's wife. Link: the encyclopedia.eleven years 1847–1858]. Orenburg: DiMur. (In Russ.)
15. Drobnica L. (2019) *Stihi oficera* [Poems of an officer] // *Rossiyskaya provinciya* [Russian province]. December 12. P. 17. (In Russ.)
16. Kaminskij V. V. (2016) *General Krasnoj armii general M.G.Snegov zhenu-dvoryanku, kak i Rodinu, ne predal...* [General of the Red Army General M. G. Snegov did not betray his noble wife, as well as his Homeland...] // *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday life]. № 1 (1). Pp. 32–39. (In Russ.)
17. Zherdeva Yu. A., Sumburova E. I., Cherkasova M. V. (2019) *Arkhiv i pamyat': problemy rekonstruktsii semeinoj pamyati o pozdnei Rossiiskoi imperii* [Archive and Memory: The Reconstruction of the Family Memory of the Late Russian Empire] // *Bylye gody* [Bylye gody]. № 51(1). Pp. 357–365. DOI: 10.13187/bg.2019.1.357. (In Russ.)
18. Shatokhin I. T., Shatokhina S. B., Radchenko M. L. (2021) The Heuristic Capabilities of the Family Epistolary Texts in the Russian State // *Laplage em Revista*. № 7. Pp. 182–187.
19. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (RO IRLI)*. [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (RO IRLI)]. F. 321. Op. 1.
20. Fridrihs E.A. (1886) *Detyam starshego vozrasta: Sb. rasskazov* [For older children: Collection of stories]. St. Petersburg: Tip. E. Hoppe. (In Russ.)
21. Talalaj M. (2014) *Rossiiskij nekropol' v Italii* [Russian necropolis in Italy]. Moscow: OOO «Staraya Basmannaya». (In Russ.)

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Статья поступила в редакцию 24.10.2022
Одобрена после рецензирования 27.11.2022
Принята к публикации 12.12.2022

«...не верьте официальным сообщениям, сплошная ложь, даже неприкрытая получше»: письмо Е. А. Сергеевой (Танской) о событиях 9 января 1905 г. в г. Верхнеудинск

Н. Е. Жукова, Т. В. Паликова

Представленная статья посвящена анализу письма Екатерины Александровны Сергеевой (в замужестве Танской), студентки высших женских (Бестужевских) курсов, о событиях начала первой русской революции 1905–1907 гг. Для Екатерины расстрел демонстрации утром 9 января 1905 г., как и все произошедшее после, стало большим эмоциональным потрясением, о чем она написала родным и друзьям в родной город Верхнеудинск. Екатерина хотела донести, в противовес официальной версии, точную картину народного шествия к царю и последующих за ним событий.

Авторы посчитали, что письмо нуждается в верификации и подтверждении отражения разнообразных настроений, что невозможно без сопоставления с иными источниками личного происхождения. Письмо Екатерины демонстрирует, как события государственного масштаба становились обстоятельствами, проникающими в частную жизнь и способными кардинально ее изменить. Данный исторический документ – одно из немногих свидетельств о начале революционных событий, адресант которого человек, выросший на восточной окраине империи, что придает письму определенное своеобразие. Немаловажной характеристикой письма является его женское авторство, которое обуславливает эмоциональность и глубину изложения и дает некоторое представление об отношении населения империи к политическим процессам начала XX в.

Ключевые слова: история повседневности, источники личного происхождения, письма, дневники, Санкт-Петербург, Верхнеудинск, Екатерина Александровна Сергеева.

Для цитирования: Жукова Н. Е., Паликова Т. В. «...не верьте официальным сообщениям, сплошная ложь, даже неприкрытая получше»: письмо Е. А. Сергеевой (Танской) о событиях 9 января 1905 г. в г. Верхнеудинск // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 26–39. DOI 10.35231/25422375_2023_1_26

Введение

События 9 января 1905 г., вошедшие в историю как «кровавое воскресенье», стали одним из ключевых событий первой русской революции. Расстрел мирного, безоружного шествия рабочих к Зимнему дворцу в стране, где не было граждан, а были только подданные, не оставил монархии и шанса на реформы.

Анализируя причины, ход и последствия «кровавого воскресенья», исследователи, как правило, отдают предпочтение свидетельствам людей, которые сыграли ту или иную роль в произошедшем. Но масштабная политическая трагедия отозвалась в сердцах жителей всей империи, которые писали о ней в письмах родственникам и друзьям, оставляли дневниковые записи, воспоминания. Однако голоса «простых» очевидцев событий, особенно женские, не слышны до сих пор. Без этих голосов картина начала первой российской революции не является полной и релевантной. Подобное свидетельство времени оставила Екатерина Александровна Сергеева (в замужестве Танская), написав письмо родным и друзьям в г. Верхнеудинск (Забайкальская область до 1918 г.), в котором она описывает перипетии тех исторических дней.

Биография автора письма для Российской империи была нетипичной. Екатерина родилась в г. Чите, в семье офицера Санкт-Петербургского Нешлотского полка, сосланного по одной версии за выступление против своего командира, по другой – за дуэль. В отличие от многих своих сверстниц она имела возможность получить хорошее образование. После завершения третьего класса прогимназии в Верхнеудинске, куда семья переехала в 1880-х гг., Екатерина окончила Троицкосавскую женскую гимназию (г. Троицкосавск, Забайкальская область), обучаясь в которой, она жила отдельно от семьи. Затем поступила в Верхнеудинское трехклассное приходское училище на должность учительницы, где проработала около двух лет.

Работая в приходском училище, Екатерина Сергеева не оставляла мысли продолжить свое образование в столице Российской империи, где у нее проживали многочисленные родственники. Она приехала в Петербург девятнадцатилетней девушкой летом 1904 г., за полгода до начала

революционных событий, для обучения на высших женских (Бестужевских) курсах. Следовательно, перед нами молодая провинциальная девушка с некоторым образовательным багажом, опытом и навыками самостоятельной жизни и мышления.

Для отечественной историографической традиции тематика анализа женщинами революционных процессов начала XX в. не нова. Советские историки по сложившейся традиции говорили о некоей «решенности женского вопроса» в ходе Октябрьской революции [1]. Представители данного научного направления оставляли за этой теоретической рамкой разнообразные проблемы женского понимания и участия в общественно-политических процессах начала 1900-х гг. Историография советского периода активнее работала с биографиями женщин-большевичек [2], уделяя вниманием женщин других политических пристрастий и тем более «наблюдательниц» исторического процесса.

Первые конкретно-исторические исследования об участии женщин в маевках, забастовках начала XX в. появились в период «застоя» 1970-х гг. [3] «Перестроечная» эпоха способствовала изучению участия женщин в политических процессах вообще и в революционном движении в частности. На рубеже 1980–1990-х гг. опубликованы научные труды об участии в забастовках не только работниц, но и представительниц средних социальных слоев: продавщиц, преподавательниц и учениц школ и гимназий [4; 5].

Безусловно, одним из самых заметных явлений в постсоветской «женской» историографии стали работы О. А. Хасбулатовой [6], в которых автор показала работу женских организаций в России во второй половине XIX – начале XX в. Деятельность большинства женских организаций была направлена на установление равных с мужчинами гражданских и политических прав.

На рубеже XX–XXI вв. исследования женского политического участия смещаются в сторону всевозможных традиционных представлений о женском. Например, О. В. Будницкий усматривал в женском терроризме религиозные основания [7]. Другие исследователи обращали внимание на женскую благотворительность [8; 9], показав ее историческое значение

для развития гражданского самосознания. В этом контексте нельзя не отметить работу Н. Л. Пушкаревой [10], в которой характеризуется развитие исторических знаний о женском политическом участии в революционных процессах начала XX в.

Региональных историков также интересовала судьба единственной женщины-большевички, видной партийной деятельницы Бурятия 1920-х гг. Марии Михайловны Сахьяновой. Ее, в том числе и дореволюционная политическая биография, освещена в работах А. А. Бартановой [11], Б. Б. Батуева [12], Л. В. Кураса [13], где рассмотрены различные периоды ее деятельности. Однако в целом проблематика отношения женщин к революционным процессам начала XX в., в силу определенной источниковой скудности, не стала популярной среди представителей региональной исторической науки.

Исследование основано на принципах исторической науки, среди которых определяющую роль играет принцип историзма. Среди применяемых методов исследования большая роль отведена текстологическому анализу письма Е. А. Сергеевой (Танской), позволившему атрибутировать текст и выделить ряд макро- и микроконтекстов. Применение сравнительно-исторического метода помогло поместить письма в исторический контекст, соотнести их с историческими событиями. При помощи микроисторического метода осуществлялось многостороннее рассмотрение объекта изучения, выявление этапов его внутренней эволюции.

Письмо Екатерины Сергеевой посвящено в большей своей части изложению событий начала первой российской революции. Нами была проведена атрибуция источника, в результате которой было подтверждено авторство, установлено, что местом написания письма стал Санкт-Петербург. Относительно датировки письма мы предполагаем, что оно написано не ранее второй половины января 1905 г. Для того чтобы показать отражаемость в письме неких социальных настроений и верифицировать изложение, был привлечен ряд иных источников личного происхождения. Искусственно отбирать источники по гендерному основанию представляется менее результативным, сужающим информационные возможности документа.

Общая тональность письма отражает эмоциональное состояние адресанта, ее лихорадочную торопливость, выраженную в частых сокращениях, недописанных или написанных с орфографическими ошибками окончаниями слов, часто в отсутствии пунктуации, что в предшествующих и последующих письмах почти не встречается, и лучше всего отражает ее отношение к происходящему, свидетельствует о ее желании как можно полнее описать события, ничего не забыть и не упустить.

Предваряя изложение, необходимо отметить еще одну важную деталь. Смеем утверждать, что Екатерина являлась свидетельницей не всех событий, описываемых в письме, что подтверждается, например, «географией» повествования. Однако ее вовлеченность в события и природное любопытство позволили «увидеть» и передать многостороннюю картину произошедшего.

Результаты

Екатерина начинает письмо с эмоционального обращения к родным: «Милые мои и дорогие, скоро, видимо, опять придется увидеться». Уже в первой строчке письма сделан акцент на личностном отношении к государственным, политическим событиям: Екатерина связывает грядущие изменения своей частной жизни с произошедшими событиями, она выражает надежду на то, что ее семья и друзья в курсе, но предостерегает их не верить «официальным сообщениям, сплошная ложь, даже неприкрытая получше» [14, л. 240]. В противоположность официальной версии Екатерина пытается донести до родных и друзей, как ей кажется, точную картину народного шествия к Зимнему дворцу и событий вокруг него.

Эмоциональный характер женских описаний, от восторга до трагических переживаний, придает источникам личного происхождения известное своеобразие. «Завтра в Петербурге стотысячная рабочая толпа несет ко дворцу петицию. Что будет? Чем им ответят? Выстрелами? Захотят ли войска? Вопросы и вопросы», – писала в дневнике 8 января уже эмигрантка А. В. Тыркова [15, с. 67].

Изложение событий Екатериной начинается с «предисловия» о том, что происходило в Петербурге накануне. «В три

дня забастовали все заводы, типографии, телефонная, электрическая станции, товарные железнодорожные станции и т.д. ...» «8-го вечер[ом] депутация из лиц, имена которых: профессор Гессен [И. В. Гессен], Кареев [Н. И. Кареев], Анековский [Н. Ф. Анненский], литераторы Пешехонов [А. В. Пешехонов] и Горький [А. М. Горький], гласный думы Кедров [Е. И. Кедрин] и еще некоторые отправились к Святополк-Мирскому...» [П. Д. Святополк-Мирский], «... и просили, чтоб те передали государю, что народ просит выйти его завтра к ним и что рабочие своею и жизнью семей ручаются за его жизнь». Екатерина не пишет о том, что обращавшиеся не достигли успеха, но отмечает: «...были выпущены аншлаги¹, в котором[ых] писалось, что скопление народа строго воспрещается законом и что против них будет употреблена вооруженная сила» [14, л. 240].

Смысловым центром письма стало непосредственно само «кровавое воскресенье», которое произвело на Екатерину большое впечатление. С утра 9 января рабочие направились к Зимнему дворцу, «шли с иконами, портретами государя, хоругвями, шли стройно, тихо, безоружно. Не было перочинных ножей, не только что ружей или револьверов. Но им не дали дойти до площади. Взводы или батальоны (я не знаю, как называется) встретили их дружными залпами. Народ валился стенами» [14, л. 240].

Не менее эмоциональную запись об этом дне оставила мемуаристка А. В. Богданович: «Господи! В эту минуту в Петербурге творится ужасное: войска – с одной стороны, рабочие – с другой, точно два неприятельских лагеря. На Троицком мосту кавалерия, конногвардия и кавалергарды преградили им путь (рабочих было более 20 тыс. человек), дали залп, отбили несколько хоругвей, но поп ускользнул. Много было раненых и убитых...» [16, с. 330]. На автора произвело впечатление противостояние демонстрантов и войск, что и вызвало такую яркую реакцию.

Продолжая письмо в Верхнеудинск, Екатерина слегка картинно описывает происходившее дальше: «женщины плакали, закрывая собою своих детей, и, пораженные пулями, падали на них же. Молодые рабочие, подхватив на руки девушек

¹ Средства наглядной агитации.

и старых, бежали, перепрыгивали с мостов на лед, падали и тут же, разбитые в дребезги, умирали. Портреты и иконы, прострелянные валялись на земле и растаптывались ногами лошадей. Стон, плач, крики и пальба целый день висели над Петербургом» [14, л. 241].

При описании событий Екатерина не изображала вышедших как безвольных жертв действий правительственных войск. Насилие породило ответное насилие. «Достать оружие надо было, во что бы то ни стало», – писала Екатерина родным. И хотя «был разграблен магазин Шаффа», «перестрелка шла по всему Петербургу» [14, л. 241], – отмечала она. «Самыя кровопролитныя стачки были у Нарвской заставы, на Васильевском острове и на площади Зимнего дворца. На 4-й линии нашего острова были устроены баррикады, 1-я баррикады России. Окна дворцов, в особенности во дворцах Сер. Ал. [Сергей Александрович, великий князь], были все перебиты, масса военных были избиты[а], генерала толпа, растерзав, бросила в Фонтанку» [14, л. 241], – продолжает подробное описание Екатерина. «Сегодня [10 января] волнения на улицах продолжаются. На Васильевском острове, Петербургской и Выборгской сторонах народ идет массами, разбито много магазинов и проч.» [16, с. 329], – «подтвердила» Богданович на следующий день.

Гораздо менее экспрессивной представляется дневниковая запись главного управляющего Невской бумагопрядильной фабрикой К. И. Монкера. «Все спокойно по соседству. Весь народ отправился в город, чтобы присоединиться к великой рабочей демонстрации Гапона и отправиться процессией к Зимнему дворцу. Войска стреляли в народ, и многие были убиты и ранены» [17, с. 62] – это просто констатация. Таким образом, сопоставление письма Е. А. Сергеевой с другими источниками личного происхождения дает основание утверждать, что сведения, сообщенные ей о шествии 9 января родным, являются, с одной стороны, аналогичными тому, о чем говорилось в городе. С другой стороны, попытка Екатерины передать трагизм разворачивающейся на ее глазах революции делает источник более художественным и объемным.

Затем Екатерина предпринимает попытку расширить свое повествование, сначала хронологически. Вот как она описы-

вает последующие события: «10-го рабочие ходили по улицам, электрические станции не работали, на улицах поэтому была темнота, все окна магазинов были забиты; патрули все время сталкивались с рабочими, ... перестрелка шла по всему Петербургу. Убитыми и ранеными не было числа...» [14, л. 241]. Сергеевой в своем дневнике «вторит» Монкер: «Беспорядки происходили в городе сегодня вечером и продолжались всю ночь. В 6 час. вечера толпа остановила электрические станции и улицы были погружены в темноту до 9 час. вечера» [17, с. 62].

Интересна оценка Сергеевой деятельности священника Гапона, в образ которого она буквально влюблена и с нескрываемым восхищением описывает дальнейшие его действия, в связи с тем, что на Гапона была «учинена самая настоящая облава», ... «ему пришлось снять одежду священника». Екатерина последовательно рисует романтический образ революционера. «Это замечательный человек. Я пошлю вам его фотографию. Смелое энергичное лицо, правда, глаза его горят каким-то фанатическим огнем, но впечатление получается невыразимо хорошее» [14, л. 241].

В биографии Гапона есть и слежка, и переодевание, и укрытельство на квартире литератора Ф. Д. Батюшкова. Подробности, приведенные Екатериной в письме, в очередной раз свидетельствуют и о ее осведомленности, и о желании понять и «увидеть» происходящее в столице.

Другие «свидетельницы» событий по-разному характеризуют личность Гапона, и если Богданович с сожалением восклицала: «Какое это у нас правительство, что не арестовало этого нахала, сколько жертв еще у нас будет из-за этого анархиста в рясе!» [16, с. 330], то Тыркова-Вильямс в феврале 1905 г. писала: «Гапон, несомненно, был в Париже. И вожаки, вероятно, его видели. Я читаю это в их глазах и там же вижу, что и они поверили в его силу. ... Как хочется мне видеть его» [15, с. 68].

Понимая, что информация из столиц поступает в Верхнеудинск медленно и не полностью, Екатерина старается расширить представления своих родных о январских событиях 1905 г. О географии революционного движения она писала: «В Варшаве до сих пор льется кровь. Мне рассказывал подробности очевидец, это настоящая война. В Саратове забастовала даже часть полиции, и полицмейстер с надзирателями подал

в отставку. ... В Риге убито до 400 человек. Сегодня слышала, что в Томске на Сибир[ской] жел[езной] дор[оге] тоже забастовка» [14, л. 242].

Необходимо отметить верную оценку общероссийского масштаба революции, данную Екатериной в своем письме, подчеркнув при этом ее ориентированность на слухи и мнения неких очевидцев. Однако в условиях нарушенных коммуникаций слухи зачастую становились единственным источником информации.

Во второй половине письма повествование Екатерины приобретало все более личностный характер. Революция вызвала подъем демократических настроений в университетской среде, и Сергеева, слушательница Бестужевских высших женских курсов, не могла не отразить это в описании событий. Девушка сообщала, что «многие профессора на банкете выразили», что сейчас не время заниматься: «1) без достижения академической свободы; 2) до тех пор, пока личность профессора и студента не будет свободна; 3) пока полицейская власть не будет вторгаться во внутреннюю жизнь, т. е. при существующем строе заниматься нельзя» [14, л. 242]. Однако героиня не предпринимала попыток выразить свое отношение к «банкетной» кампании и требованиям профессуры.

Даже описывая «свою» сферу жизни, Екатерина постоянно пыталась выйти за рамки личной повседневности. «Горный» [институт] закрыт до осени профессорами, Политехнический [институт] то же самое. Институт гражданских инженеров и военно-медицинская академия закрыты студентами. В техническом сегодня сходка, после чего закроют» [14, л. 243]. Здесь Екатерина демонстрирует собственную позицию и говорит о необходимости солидаризироваться с забастовавшими учебными заведениями. «... учиться все равно нет сил, да и нельзя учиться одним нам, когда все учебные заведения закрыты. Сейчас узнала, что путейцы тоже забастовали...» [14, л. 243].

Завершая описание январских событий 1905 г., Екатерина просила маму не беспокоиться о ней, потому что она «здорова и благополучна», хотя «теперь не за что нельзя ручаться». Далее она рассказала о случившемся с артисткой императорских театров Кузой Ефросиньей [Валентиной] Ивановной. Последняя была выслана из Петербурга за то, что, повстречав-

шись с «полками, возвращавшимися после бойни с Невского, и увидя знакомых офицеров кричала им "поздравляю вас, герои, с блестящей победой!"». Подтверждение рассказу Екатерины можно найти у А. В. Амфитеатрова, который указывал, что «...в сердечном порыве поступила Валентина Ивановна Куза в роковой день 9-го января, за что и уволена личным его величества приказом от службы в императорских театрах» [18, с. 41].

Существовавшая в силу объективных экономико-географических причин разорванность информационного поля в стране тревожила Екатерину. В письме она задает вопрос родным и друзьям: «Меня страшно интересует [как] реагирует Сибирь на эти события?» В нашем распоряжении нет документов, которые можно однозначно интерпретировать как ответ Екатерине, но в одном из своих писем ее будущий муж М. В. Танский сообщал своей невесте: «К счастью, у нас здесь спокойно. Мы, как зрители, любуемся издали за тем, что происходит... любуемся с захватывающим интересом и большим сочувствием к разыгрывающейся трагедии, но дальше этого не идем... камня не положим для будущего великого». И продолжал: «Жизнь даже опомниться не дает, так как каждый день несет свои нужды, свое кропотливое дело... Где уж тут революцию делать! ...» [19, л. 27].

В завершении своего «обзора» событий января 1905 г. Екатерина Сергеева эмоционально утверждала: «Пусть что бы ни было и что бы ни говорили, но это начало революции. За границей Николая называют «Николаем последним!» Это было эффектным резюме Екатерины, ее попыткой, не лишенной известной объективности, подвести итог сказанному и перейти к изложению частных вопросов, накопившихся несмотря на происходящие исторические события. Поскольку нашей целью является изучение начала революции 1905–1907 гг. глазами одной из жительниц Петербурга, то описание ее частной жизни здесь будет уместно опустить.

Обсуждение и выводы

Перед нами письмо, посвященное описанию случившегося 9 января 1905 г. расстрела мирной рабочей демонстрации и начала первой русской революции 1905–1907 гг., написанное

молодой сибирской девушкой, которая волею судеб оказалась в центре исторических событий. Значение данного источника в региональном контексте видится в следующем. Во-первых, это единственное из известных нам свидетельств о «кровавом воскресеньи», оставленное жителем Верхнеудинска, города, расположенного на восточной окраине империи, что придает документу определенное своеобразие.

Во-вторых, уникальность письма, принадлежащего женщине, во многом обусловлена его эмоциональностью, по которой можно судить об отношении представителей различных групп населения к политическим событиям. В-третьих, очевидно, что для Екатерины Сергеевой морально-эмоциональная оценка происходящего превалировала над аналитической характеристикой процесса.

Однако природное любопытство и несомненная живость ума позволили ей представить объемную картину происходящего в письме родным и друзьям, рассказывая о событиях, непосредственным участником и свидетелем которых она не являлась. Екатерина с самого начала письма определила происходящее как нечто, что способно изменить и уже меняет ее повседневную жизнь, а не фон, на котором эта жизнь протекает.

Список литературы

1. Любимова С. Т. Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М.: Знание, 1967. 32 с.
2. Подляцук П. И. Товарищ Инесса: документальная повесть. М.: Политиздат, 1963. 248 с.
3. Строкова И. Х. Женщины Самарской губернии в первой русской революции // Большевицские организации Поволжья в революции 1905–1907 гг. / под ред. В. А. Степанова и др. – Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1977. – С. 85–94.
4. Еникеев Э. А. Большевики и учащая молодежь Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 87 с.
5. Воронежцев А. В. Земская интеллигенция Саратовской губернии в годы первой русской революции // Четыре века: сб. ст. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – С. 68–85.
6. Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
7. Будницкий О. Терроризм и террористы // Знание – сила. – 2005. – № 1. – С. 28–29.
8. Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: Свято-Димитриев. уч-ще сестер милосердия, 2001. 252 с.
9. Гаврюшин С. И. Императрица Мария Федоровна и её деятельность по созданию системы благотворительных учреждений в России // Женщина в российском обществе. – 2002. – № 1.

10. Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Женское участие в политической жизни начала XX в. (советская и постсоветская историография) // *Женщина в российском обществе*. – 2017. – № 2 (83). – С. 15–34.

11. Бартанова А. А. Женщины Советской Бурят-Монголии: исторический очерк. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1952. – 120 с.

12. Батыев Б. В. Мария Михайловна Сахьянова: страницы политической биографии. – Улан-Удэ, 1992.

13. Курас Л. В. М. М. Сахьянова, Э.-Д. Ринчино и монгольская революция 1921 г. // *Власть*. – 2010. – № 6. – С. 150–152.

14. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1778. Е. А. Танская – заслуженный учитель РСФСР. Оп. 1. Д. 118.

15. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / сост. Н. И. Канищева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 1111 с.

16. Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.-Л.: Л. Д. Френкель, 1924.

17. Колюшницына Н. В. Дневник К. И. Монкера – главного управляющего невской бумагопрядильной фабрикой в Санкт-Петербурге 1905–1917 гг. // *Вестник архивиста*. – 2016. – № 2. – С. 52–69.

18. Амфитеатров А. Лекция в Высшей Русской Школе общественных наук в Париже, прочитанная в пользу парижской кассы русских эмигрантов. Женева: Издание автора, 1905.

19. ГАРБ. Ф. Р-1774. Семья Танских – старожилы г. Верхнеудинска. Оп. 1. Д. 37.

"...don't believe the official reports, a solid lie, even undisguised": E. A. Sergeeva (Tanskaya) letter about the events of January 9, 1905 to Verkhneudinsk

Natalia E. Zhukova, Tatiana V. Palikova

The article presented to the reader's attention is devoted to the analysis of a letter by Ekaterina Alexandrovna Sergeeva (married Tanskaya), a student of higher women's (Bestuzhev) courses, about the events of the beginning of the first Russian revolution of 1905-1907. For Ekaterina, the shooting of the demonstration on the morning of January 9, 1905, like everything that happened after, was a great emotional shock, about which she wrote to her family and friends in her hometown of Verkhneudinsk. Catherine saw the purpose of writing the letter in order to give, in contrast to the official version, an accurate picture of the people's march to the tsar and the events following it. The authors considered that the letter needs verification and confirmation of the reflection of various moods, which is impossible without comparison with other sources of personal origin. As a conclusion, the authors note that Catherine's letter, as a historical source, has the following features: state-scale events are considered as a circumstance that penetrates into private life and can radically change it. This historical document is one of the few evidences of the beginning of revolutionary events, the addressee of which is a person who grew up

on the eastern outskirts of the empire, which gives the letter a certain originality. An important characteristic of the letter is its female authorship, which determines the emotionality and depth of the presentation and gives a minimal idea of the attitude of the population of the empire to the political processes of the early 20th century.

Key words: the history of everyday life, sources of personal origin, letters, diaries, St. Petersburg, Verkhneudinsk, Ekaterina Alexandrovna Sergeeva.

For citation: Zhukova, N. E., Palikova, T. V. (2023) «...ne ver'te ofitsial'nym soobshcheniyam sploshnaya lozh', dazhe neprikrytaya poluchshe»: pis'mo Ye. A. Sergeevoy (Tanskoy) o sobytiyakh 9 yanvarya 1905 goda v g. Verkhneudinsk [... do not believe the official reports, it's a complete lie, even better undisguised': a letter from E. A. Sergeeva (Tanskaya) about the events of January 9, 1905 in the city of Verkhneudinsk]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 26–39. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_26

References

1. Lyubimova S. T. (1967) *Oktyabr'skaya revolyuciya i polozhenie zhenshchin v SSSR* [The October Revolution and the status of women in the USSR]. M.: Znaniye. (In Russ.)
2. Podlyashchuk P. I. (1963) *Tovarishch Inessa: dokumental'naya povest'* [Comrade Inessa: documentary story]. M.: Politizdat. (In Russ.)
3. Strokova I. X. (1977) *Zhenshchiny Samarskoj gubernii v pervoj russkoj revolyucii // Bol'shevistskie organizacii Povolzh'ya v revolyucii 1905–1907 gg.* [Women of Samara province in the first Russian Revolution // Bolshevik organizations of the Volga region in the revolution of 1905–1907] / pod red. V. A. Stepanova i dr. Kujbyshev: Kujbyshev. gos. un-t. Pp. 85–94. (In Russ.)
4. Enikeev E. A. (1990) *Bol'sheviki i uchashchayasya molodezh' Kazani* [Bolsheviks and students of Kazan]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russ.)
5. Voronezhcev A. V. (1991) *Zemskaya intelligenciya Saratovskoj gubernii v gody pervoj russkoj revolyucii* [Zemstvo intelligentsia of Saratov province during the first Russian Revolution] // *CHetyre veka: sbornik statej* [Four Centuries: collection of articles]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. Pp. 68–85. (In Russ.)
6. Hasbulatova O. A., Gafizova N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Women's movement in Russia (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t. (In Russ.)
7. Budnickij O. (2005) *Terrorizm i terroristy* [Terrorism and terrorists] // *Znanie – sila* [Knowledge is power]. № 1. Pp. 28–29. (In Russ.)
8. Posternak A. V. (2001) *Ocherki po istorii obshchin sester miloserdija* [Essays on the history of the Sisters of Mercy communities]. M.: Svyato-Dimitriev. uch-shche sester miloserdija. (In Russ.)
9. Gavryushin S. I. (2002) *Organizacionnoe ustrojstvo i deyatel'nost' Vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii, 1797–1917 gg.: avtoref. ... kand. ist. nauk* [Organizational structure and activity of the Department of the institutions of Empress Maria, 1797–1917: abstract. ... candidate of Historical Sciences]. Moskva. (In Russ.)
10. Pushkareva I. M., Pushkareva N. L. (2017) *Zhenskoe uchastie v politicheskoj zhizni nachala XX v. (Sovetskaya i postsovetskaya istoriografiya)* [Women's participation in the political life of the early twentieth century. (Soviet and post-Soviet historiography)] // *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. № 2 (83). Pp. 15–34. (In Russ.)
11. Bartanova A. A. (1952) *Zhenshchiny Sovetskoj Buryat-Mongolii. Istorijskij ocherk* [Women of Soviet Buryat Mongolia. Historical essay]. Ulan-Ude: Burmangiz. (In Russ.)
12. Batuev B. B. (1992) *Mariya Mihajlovna Sah'yanova: stranicy politicheskoj biografii* [Maria Mikhailovna Sakhyanova: pages of political biography]. Ulan-Ude. (In Russ.)
13. Kuras L. V. (2010) *M. M. Sah'yanova i E.-D. Rinchino i Mongol'skaya revolyuciya 1921 g.* [M. M. Sakhyanova and E.-D. Rinchino and the Mongolian Revolution of 1921] // *Vlast'*. № 6. Pp. 150–152. (In Russ.)

14. Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buryatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia]. F. R-1778 «E. A. Tanskaya zasluzhennyi uchitel' RSFSR». Op. 1. D. 118.

15. Kanishcheva N. I. (ed.) (2012) *Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovo: Dnevnik. Pis'ma* [The legacy of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: Diaries. Letters]. Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)

16. Bogdanovich A. V. (1924) *Tri poslednih samoderzhca. Dnevnik A. V. Bogdanovich* [The last three autocrats. Diary of A. V. Bogdanovich]. Moskva.-Leningrad: L. D. Frenkel'. (In Russ.)

17. Kolyshnicyna N. V. (2016) *Dnevnik K. I. Monkera – glavnoupravlyayushchego nevskoj bumagopryadil'noj fabrikoy v Sankt-Peterburge 1905–1917 gg.* [Diary of K. I. Monker, the chief manager of the Nevsky paper spinning factory in St. Petersburg, 1905–1917] // *Vestnik arhivista* [Bulletin of the Archivist]. № 2. Pp. 52–69. (In Russ.)

18. Amfiteatrov A. (1905) *Lekciya v Vysshej Russkoj SHkole obshchestvennyh nauk v Parizhe, pročitannaya v pol'zu parizhskoj kassy russkih emigrantov* [Russian Russian Higher School of Social Sciences lecture in Paris, delivered in favor of the Paris cash Register of Russian emigrants]. Zheneva: Izdanie avtora. (In Russ.)

19. GARB. F. R-1774 «Sem'ya Tanskih – starozhily g. Verhneudinska». Op. 1. D. 37.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Статья поступила в редакцию 28.07.2022

Одобрена после рецензирования 30.10.2022

Принята к публикации 19.11.2022

История повседневности в российских учебниках истории России XX в.

Н. Д. Козлов

В статье на основе общего анализа историографии повседневности, вузовских и школьных учебников предпринята попытка показать, как достижения современной историографии, исследующей повседневную жизнь, нашли отражение в образовательном процессе, в вузовских и школьных учебниках истории России XX в. Дана характеристика постсоветских учебников и учебных пособий для вузов и общеобразовательных школ, в которых в разной степени получили освещение проблемы повседневной жизни и частично общественные настроения в разные периоды отечественной истории XX в. Сделаны выводы о том, что учебная литература, изданная в 1990-е гг., проблемы повседневности специально не освещала, лишь попутно затрагивала ее отдельные аспекты, характеристика которых отличалась излишне политизированным подходом. С начала XXI в. в связи с усилением интереса государства и общественности к вопросам истории и достижениями современной отечественной историографии в исследовании проблем повседневности стали издаваться учебники, системно излагающие в курсе истории России XX в. повседневную жизнь. В целом же учебная литература продолжает отставать от достижений историографии повседневности.

Ключевые слова: История России XX в., историография, повседневная жизнь, учебные пособия и учебники истории для вузов, учебники истории для средней школы.

Для цитирования: Козлов Н. Д. История повседневности в российских учебниках истории России XX в. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 40–53. DOI 10.35231/25422375_2023_1_40

Введение

В советской историографии в изучении истории приоритетными были вопросы государственного строительства, экономического развития, деятельности политических партий и общественных организаций, революций и войн, преимущественно политическая история. Вместе с тем нельзя сказать, что жизнь народа была вне поля зрения советской историографии. В определенной мере отдельные стороны повседневной жизни населения находили отражение в работах, характеризующих социальную политику советского государства, в которых затрагивались материально-бытовые проблемы, включая жилищные условия, вопросы питания, одежды и быта, медицинского обслуживания, некоторые другие стороны жизни людей.

В российской историографии актуальность и значимость проблемы истории повседневности, основные направления ее исследования в начале XXI в. сформулировал и убедительно обосновал академик Ю. А. Поляков, который в докладе на заседании ученого совета Института российской истории Российской академии наук отмечал, что «повседневная жизнь – это и есть настоящая история».

«Изучая историю человека в повседневности, мы действительно в полной мере делаем человека главным действующим лицом, ставим его в центр исторического процесса» [1, с. 291, 308]. В статье, которая была опубликована на основе доклада, академик писал, что важнейшей задачей современной историографии является изучение «самого человека как такового, его жизни, какой она была и какой стала» [2].

За прошедшие десятилетия история повседневности стала занимать одно из центральных мест в современной отечественной историографии. В 1994 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась одна из первых международных конференций на тему «Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы», в которой участвовали ведущие российские и зарубежные историки, социологи, экономисты, литераторы и др. В докладах и опубликованных материалах были поставлены и нашли освещение такие проблемы повседневной жизни, как военная повседневность, становление нового быта, формирование ментальности советских граждан и другие аспекты [3].

В начале XXI в. изучение повседневности стало одним из наиболее активно развивающихся направлений отечественной историографии.

В трудах российских историков получили обоснование концептуально-методологические принципы, методы и источники, понятийный аппарат изучения повседневности¹ [4–8]. Вопросы военной повседневности освещены в трудах Е. С. Сеньявской [9], А. С. Сеньявского [10] и других историков. Повседневной жизни рабочих, их материально-бытовому положению, социально-психологическому облику, производственной и другим аспектам повседневности посвящены исследования В. Б. Аксенова, Г. В. Андреевой, А. Г. Борина, О. В. Гончаровой, Т. В. Дорониной, А. Г. Елизова, С. В. Журавлева, С. Е. Пызиной, С. Е. Паниной, Г. Г. Корноуховой, Е. И. Косякова, А. В. Мордвинцевой, О. В. Ольневой, С. А. Рафиковой, А. К. Соколова, В. С. Тяжелниковой и ряда других авторов [11; 12], работы которых выполнены на материалах отдельных городов и регионов. Следует отметить, что проблемы городской повседневности получили наибольшее внимание исследователей.

Различные аспекты сельской повседневности исследуются в трудах С. Д. Багдасарян, В. Б. Безгина, А. В. Боярчук, А. Г. Григорьевой, Д. В. Давыдова, В. А. Котельникова, Л. В. Лебедевой. Семейной и детской повседневности XIX–XX вв. посвящены труды В. А. Веремченко [13; 14].

Отметим, что проблемы повседневности получили освещение и в фундаментальных трудах, посвященных узловым проблемам отечественной истории. В 10-м томе «Государство. Общество и война», подготовленного Министерством обороны 12-томного издания «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», фронтовым будням, повседневной жизни городского населения и сельских жителей в условиях фашистской оккупации посвящено 143 из 864 с. текста всего тома [15, с. 251–393].

Регулярно проводятся научные конференции, издаются научные сборники и монографические работы, исследующие

¹ Досова Б. А., Байгожина Г. М., Баймуканова М. Т. Методологический потенциал истории повседневности по оценкам представителей российской историографии // Вестник КарГУ. 2016. URL: <https://articlekz.com/15450>; Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL: <https://www.perspektivy.info.php?ID=50280>; Сактаганова З. К., Абдрахманова К. К. «История повседневности» в современной российской историографии. URL: <https://article.kz.com/article/5137>.

различные аспекты повседневной жизни, анализу которых посвящены историографические труды¹ [5–7].

Одним из центров изучения истории повседневности стала кафедра истории России ЛГУ имени А. С. Пушкина, возглавляемая доктором исторических наук, профессором В. А. Веременко. Здесь ежегодно проводятся международные конференции, посвященные различным аспектам повседневной жизни в истории России, регулярно издаются материалы конференций и научный журнал «История повседневности».

Целью данной статьи является характеристика отражения истории повседневности в вузовских и школьных учебниках истории России XX в.

Результаты

В постсоветский период в нашей стране сменилось несколько поколений учебников истории, но вопрос об их содержании продолжает быть актуальным и дискуссионным.

В результате смены общественного строя в России в конце XX столетия изменились приоритеты экономического и социально-политического развития, обновилось содержание вузовских и школьных учебников по истории России. Происходил отход от советских концепций и точек зрения в освещении истории.

Однако несмотря на значительное количество новых учебников для вузов и школ, содержание которых претерпело изменения, структурный подход в большинстве случаев по-прежнему остался традиционным. Центральное место в них занимают вопросы социально-экономического и политического развития, революции и войны, культурной жизни, развития образования и научных достижений.

Прежде всего отметим, что в начале XXI в. история повседневности в качестве самостоятельной дисциплины включена в учебные планы ряда вузов для студентов, обучающихся по направлению магистратуры – Педагогическое образование, направленность – «педагогическое образование» и академического бакалавриата, появились учебники, разработаны программы и учебно-методические пособия для студентов² [16–19].

¹ Досова Б. А., Байгожина Г. М., Баймуканова М. Т. Методологический потенциал истории повседневности по оценкам преподавателей российской историографии // Вестник КарГУ. 2016. URL: <https://articlekz.com/15450>; Сақтаганова З. К., Абдрахманова К. К. «История повседневности» в современной российской историографии. URL: <https://article.kz.com/article/5137>.

² Баринава Е. П. История повседневности: учебно-методическое пособие. Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2020. URL: https://samara.mgpu.ru/files/elibrary/Barinova_Istoriya_povsednevnosti_ump/pdf.

Однако в подавляющем большинстве вузовских учебников истории такие стороны повседневности, как жилищные условия, состояние медицинского обслуживания и торговли, обеспечение продовольствием и другими товарами первой необходимости и другие, как правило, специально не выделяются и не рассматриваются, а в обобщенной форме в общегосударственных масштабах лаконично характеризуются в разделах, посвященных социальной политике государства.

Многие другие стороны повседневной жизни: сфера услуг, досуг, отдых, спорт, праздничные обряды, праздники и традиции, семья, брак, гендерные проблемы и др. – как правило, не упоминаются. Подобный подход к вопросам повседневности характерен для подавляющего большинства имеющихся вузовских учебников.

Одним из первых шагов по включению истории повседневности в курс истории России стало издание учебных пособий, рекомендованных в качестве дополнительных к курсу «История России» и адресованных студентам и преподавателям вузов, учителям и учащимся старших классов и средних специальных учебных заведений, с целью расширения, дополнения и углубления знаний о повседневной жизни россиян.

В 2007 г. коллективом преподавателей МГУ им. М. В. Ломоносова были подготовлены и изданы под редакцией Л. И. Семенниковой учебные пособия: «Российская повседневность: от истоков до середины XIX в.» (М.: Университет, 2007. 240 с.) и «Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI в.», которые в дальнейшем неоднократно переиздавались [18]. Различные стороны повседневной жизни сельского населения были охарактеризованы в краткой учебном пособии, подготовленном В. Б. Безгиным и рекомендованном студентам, изучающим историю России и региона [20].

Из многих учебников и учебных пособий остановимся лишь на некоторых, которые наиболее удачны с точки зрения освещения вопросов повседневности.

Следует отметить, что возросшее внимание и интерес к вопросам повседневности проявились в отдельных учебниках, изданных в конце XX в. В «Истории России XX столетия» (основные проблемы) В.А. Поцелуева (М.: Владос, 1997. 511 с.), рекомендованной в качестве учебного пособия для студентов

высших учебных заведений, наряду с опосредованным, фрагментарным освещением вопросов повседневности в контексте социально-экономического развития, включена характеристика духовного состояния советского общества (с. 234–249) и специальная глава «Материальное положение народа в годы построения "основ социализма"», в которой автор осветил производственную занятость населения, уровень доходов, потребление и материальное обеспечение, «роскошь верхов» и «нищету низов» (с. 218–233).

Несколько больше внимания в сравнении с другими уделено освещению отдельных сторон повседневной жизни в учебнике «Новейшая история Отечества. XX в.» (учеб. для студ. высш. учеб.: в 2 т. / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М.: Владос, 2002). Наиболее полно это проявилось в гл. 12 второго тома, посвященной послевоенным годам (1946–1953), где отдельными подпунктами получили освещение денежная реформа, отмена карточек, снижение и уровень цен и их влияние на повседневную жизнь (с. 245–247), голод 1946–1948 гг. и положение в деревне (с. 250–259), духовная, культурная и общественно-политическая жизнь (с. 259–265) и демографическое состояние советского общества (с. 266).

Одним из первых учебных пособий для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, освещающим последовательно и достаточно полно повседневную жизнь населения страны, рекомендованным учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности «История», стала «Новейшая история России 1914–2010» под редакцией профессора М. В. Ходякова [17].

В учебнике в каждой главе, в хронологической последовательности, освещающей историю Отечества XX в., специальные подпункты посвящены характеристике повседневной жизни. Они имеются практически во всех главах: периода первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны, нэпа и советской модернизации в 20–30-х гг., Великой Отечественной войны и советского общества в послевоенные годы (1945–1953), периода «оттепели» и СССР в 1965–1991 гг.

В целом из 538 с. общего объема учебника прямо или опосредованно проблемам повседневности уделена 91 с. содержа-

ния. В соответствующих разделах характеризуются трудовая и бытовая повседневность (жилье, питание, торговля и цены, проблемы дефицита, одежда) стереотипы поведения и нравов, эволюция морали и девиантное поведение, досуг, затронуты вопросы взаимоотношения полов (с. 261) и семейных отношений (с. 309). В настоящее время этот учебник для вузов можно считать наиболее полным и удачным с точки зрения освещения повседневности.

В постсоветский период сменилось несколько поколений школьных учебников. Учебники 1990-х гг., когда Правительство России освободило учебные заведения «от идеологической и административной регламентации»¹, как утверждал профессор МГУ Г. М. Алексеев, на треть были написаны «по заказу фонда Сороса»². Они писались под диктовку иностранцев с целью принизить роль нашего Отечества в мировой истории. Учебники этого периода, по мнению ведущего научного сотрудника Российского института стратегических исследований В. Д. Кузнецевского, были написаны «без государственного взгляда на историю России» [21, с. 165–172].

Нет необходимости останавливаться на анализе содержания и концепций школьных учебников 1990-х гг., так как он всесторонне сделан в трудах современных историков. Однако в контексте рассматриваемой темы отметим, что вопросы повседневной жизни в них специально не ставились и не рассматривались, затрагивались лишь попутно, эпизодически при характеристике других сюжетов. В большинстве из них внимание авторов акцентировалось на негативных явлениях в жизни людей, а оценки и умозаключения отличались политизированностью, имели обличительную и уничижительную направленность, чему способствовали также специально подобранный дополнительный материал, свидетельства и документы.

В результате возросшего внимания и интереса власти и общества к истории страны, ее роли в патриотическом воспитании подрастающих поколений и средства консолидации народа с начала XXI в. происходят позитивные изменения в качестве учебников. Дальнейшему их улучшению будет спо-

¹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. 1995. С. 3. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9031729>

² Алексеев Г. М. Екатеринбургская инициатива. URL: https://www.km.ru/news/vojna_protiv_rossijskoj_istorii_

собствовать подписанный президентом России закон о введении единых образовательных программ и государственного заказа на учебники основного общего и среднего образования, а также федеральная рабочая программа¹.

Одним из первых учебных пособий, ориентированным на задачи среднего образования, в котором вопросы повседневности были выделены в качестве самостоятельных разделов, стала «Новейшая история России 1945–2006 гг.: книга для учителей» А. В. Филиппова [22].

Повседневности второй половины XX в. в пособии специально посвящены следующие разделы: 7-й – «Повседневная жизнь советских людей после Второй мировой войны», 13-й – «Из коммуналок в отдельные квартиры: повседневная жизнь в годы "оттепели"» и 21-й – «Повседневная жизнь в эпоху развитого социализма» (с. 76–80; 160–168; 258–270). Кроме того, в пособии дана развернутая характеристика общественных процессов и духовного климата общества в 1945–2006 гг.

В настоящее время на общем фоне линейки школьных учебников по истории России XX в. по освещению повседневной и духовной жизни народа заметно выделяется «История России. 10 класс», изданная в трех частях под редакцией академика РАН А. В. Торкунова [23].

Во-первых, этим сюжетам выделены значительные объемы в содержании материала во всех пяти главах.

Во-вторых, наряду с освещением этих вопросов попутно с раскрытием процессов, которые происходили в стране, во всех пяти главах пособия присутствуют специальные параграфы, посвященные повседневной жизни и общественным настроениям объемом от 3–5 до 11 с.

В-третьих, содержание этих сюжетов существенно расширяют и углубляют, дают образное представление иллюстративные материалы: красочные плакаты соответствующих периодов, снимки, картины и другие, также фрагменты документов, воспоминания, свидетельства современников и различные дополнительные материалы.

Так, в третьей главе «Великая Отечественная война» специально выделены и освещены следующие вопросы: «Повсед-

¹ Путин подписал закон о единых образовательных стандартах в России. URL: <https://regnum.ru/news/3705888.html?ysclid=198c9k4bb7509250493>

невность военного времени», «Человек на войне», «Церковь и война», «Культурное пространство войны» и «Военные будни и праздники» [23, ч. 2, с. 35–45], которые подкреплены фрагментами документов и семью иллюстративными материалами, среди которых известный плакат художника Н. М. Тоидзе «Родина-мать зовет», фотографии «Школьники записывают в госпитале письма раненых к родным» и «Школьники развешивают плакаты», картина Кукрыниксов «Бегство немцев из Новгорода», киноафишей 1944 г. «В 6 часов вечера после войны» и др. [23, ч. 2, с. 36–42].

Всесторонне, образно и объективно раскрывается повседневная жизнь и общественные настроения и в других главах учебного пособия. В совокупности все это помогает формированию у учащихся исторического сознания, образного, предметного представления об экстремальной военной повседневности, способствует умению сопереживать, воспитанию гражданственности и патриотизма.

Есть основания считать, что это первый учебник истории страны XX в. для средней школы, в котором достаточно полно раскрыта повседневная жизнь народа и общественные настроения на всех этапах развития страны в XX столетии.

Обсуждение и выводы

В заключение вполне уместно напомнить мнение французского историка, специализировавшегося по истории Европы начала XX в., истории России и СССР, принадлежавшего к историографической школе «Анналов» Марка Ферро, который в своей книге «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» подчеркивал: «Образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь. Для каждого из нас это открытие мира, открытие его прошлого, и на сложившиеся в детстве представления впоследствии накладываются как мимолетные размышления, так и устойчивые понятия о чем-то» [24, с. 8].

Анализ учебников истории России XX в. для вузов и школ, изданных в постсоветский период и используемых в образовательном процессе в период с 1991 г. по настоящее время, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, учебники, изданные в 1990-е гг. в условиях политической и идеологической сумятицы соответствовали формально отрицавшемуся, но реально осуществлявшемуся идеологическому курсу тогдашнего руководства страны, формировавшему и эксплуатировавшему комплекс неполноценности, несовершенства предыдущего развития. Повседневная жизнь в них специально не освещалась, лишь отдельные ее аспекты попутно затрагивались в вопросах социально-экономического и общественно-политического развития.

Фрагменты повседневности отличались резким дисбалансом позитивной и негативной информации, специально подобранным дополнительным материалом, излишне политизированным тенденциозным подходом, а авторы, формально сочувствуя народным страданиям, возлагали ответственность за трудности, ошибки и преступления на существовавший в стране «режим».

Во-вторых, усиление в политике государства и интереса общественности к истории в начале XXI в., успехи историографии способствовали разработке программ и учебно-методических материалов и включения в учебные планы курса «Повседневность» по ряду направлений магистратуры и спецкурса для бакалавриата.

В-третьих, в начале XXI были подготовлены и изданы первые учебники и учебные пособия для вузов и школ, в которых повседневная жизнь народа стала занимать достойное место, получила освещение на разных этапах истории России XX в. Вместе с тем в настоящее время в вузах и школах используются как новые, так и старые учебники, в которых единый подход к преподаванию истории и освещение повседневной жизни пока не реализованы.

В-четвертых, в настоящее время наблюдается определенное отставание учебной литературы от научной. Достижения российской историографии повседневности позволяет системно, глубоко и полно освещать повседневную жизнь народа в учебниках истории, что будет способствовать формированию исторической памяти и сознания, национальной самоидентичности.

Список литературы

1. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (Исторические аспекты) // Труды Института российской истории РАН. 1999–2002. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории / отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: ИРИ РАН, 2002. – С. 290–322.
2. Поляков Ю. А. Человек в повседневности // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 126–127.
3. Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. Доклад сделан на международной междисциплинарной конференции, 16–19 августа 1994 г. / сост. А. И. Муравьев, Б. А. Старков. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. Ун-та экономики и финансов, 1995. 156 с.
4. Ильясова А. В. История повседневности в современной российской историографии // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XXI вв.: сборник трудов. – М.: Альянс-Архео, 2012. – С. 279–351.
5. Ипполитов Г. М., Репинецкий А. И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14. – 2012. – № 3. – С. 154–160.
6. Козлов Н. Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI века // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Т. 4. История. – 2014. – № 2. – С. 30–45.
7. Козлов Н. Д. Повседневная жизнь на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны в современной историографии // Война и повседневная жизнь населения России XXVII–XX вв.: Международная научная конференция 14–16 марта 2014 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 37–44.
8. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. – 2014. – № 1. – С. 3–18.
9. Сенявская Е. С. Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтового быта // Человек в российской повседневности: сборник статей. – М., 2001. – С. 131–138.
10. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – Т. 3. Победа. – С. 197–211.
11. Каменский А. Б. Повседневность русского городского обывателя: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2006. 403 с.
12. Лебина Н. Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 483 с.
13. Веременко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX века): монография. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2015. 204 с.
14. Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб.: Европейский дом, 2007. 624 с.
15. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 10. Государство. Общество. Война. – М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
16. Капкан И. В. Культура повседневности: учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2020. 110 с.
17. Новейшая история России 1914–2010: учебное пособие для бакалавров / под ред. М. В. Ходякова. М.: Издательство Юрайт, 2012. 538 с.
18. Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века: учебное пособие / под ред. Л. И. Семенниковой. М.: Кн. Дом Университет, 2010. 243 с.
19. Мир российской повседневности (X – начало XX века): учебное пособие / под ред. Г. И. Аверьяновой. М.: МГПУ, 2013. 339 с.
20. Безгин В. Б. История сельской повседневности: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 88 с.
21. Кузнецhevский В. Д. Без государственного взгляда на историю России // «Расскажу вам о войне...» Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран / отв. ред. Т. С. Гузенкова. М.: РИСИ, 2012.

22. Филиппов А. В. Новейшая история России 1945–2006 гг. Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007. 494 с.

23. История России. 10 класс: в 3 ч. / М. М. Горинов, А. А. Данилов, М. Ю. Моруков и др.; под ред. акад. РАН А. В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. Ч. 1. 175 с.; Ч. 2. 176 с.; Ч. 3. 160 с.

24. Ферро М. Как рассказывают историю своим детям в разных странах. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.

The history of everyday life in Russian textbooks of the History of Russia of the 20th century

Nikolay D. Kozlov

The article, based on the general analysis of the historiography of everyday life and university and school textbooks, attempts to show how the achievements of modern everyday life historiography are reflected in the educational process, in university and school textbooks of the Russian history of the 20th century. The characteristics of post-Soviet textbooks and manuals for universities and general education schools in which the problems of everyday life and partly public moods were covered to varying degrees in different periods of the national history of the 20th century are given. It is concluded, that the educational literature, published in the 1990s, did not specifically cover the problems of everyday life, only incidentally touching on its individual aspects, the characteristics of which differed an overly politicized approach. At the beginning of the 21st century, due to the interest of the state and public to the issues of history and the achievements of modern Russian historiography in the study of the everyday life problems, textbooks systematically presenting everyday life in the course of Russian history of the 20th century appeared. In general, educational literature continues to lag behind the achievements of the historiography of everyday life.

Key words: history of Russia of the 20th century, historiography, everyday life, history textbooks for universities, history textbooks for secondary school.

For citation: Kozlov, N. D. (2023) *Istoriya povsednevnosti v rossiyskikh uchebnikakh istorii Rossii XX veka* [The history of everyday life in Russian textbooks of the History of Russia of the 20th century]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 40–53. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_40

References

1. Polyakov Yu. A. (2002) *Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty)*. *Trudi Instituta rossiyskoy istorii RAN* [A person in everyday life (historical aspects). Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. 1999–2000. Wip.2 / Rossiyskaya akademiya nauk, Institut rossiyskoy isrorii / otw. red. A. N. Sacharow [responsible editor A. N. Sacharow]. M.: IRI RAN. Pp. 290–392. (In Russ.)

2. Polyakov Yu. A. (2000) *Chelovek v povsednevnosti* [A person in everyday life] // *Woprosi istorii* [Questions of History]. № 3. Pp. 126–127. (In Russ.)
3. *Rossiyskaya povsednevnost 1921–1941 gg.: novie podchodi. Dokl. sdelan na mezdnarod. mezdisciplinar. konf., 16–19 avgusta 1994 g.* (1995) [Russian everyday life 1921–1941: new approaches. The report was made at the international interdisciplinary conference, August 16–19, 1994] / compilers A. I. Muravev, B. A. Starkov. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburg. Un-ta Ekonomiki i finansov. (In Russ.)
4. Iliysova A. W. (2012) *Istoriya povsednevnosti v sovremennoy rossiskoy istoriografii* [The History of Everyday Life in Modern Russian Historiography] // *Problemi rossiskoy istoriografii seredini XIX – nachala XXI vv. Sb.tr.* [Problems of Russian historiography of the mid-XIX – early XXI centuries. Collection of works]. M.: Alyans-Archeo. Pp. 279–351. (In Russ.)
5. Ippolitov G. M., Repineckii A. I. (2012) *Istoriya povsednevnosti: nekotorie aspekti genesis a i evolyucii otrasli istoricheskoy nauki* [Daily life studies as a branch of history: some aspects of its genesis and evolution] // *Izvestiya Samarskogo naychnygo centra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 14. №3. Pp. 154–160. (In Russ.)
6. Kozlov N. D. (2014) *Povsednevnyaya zisn v sovetskom tilu v godi Velikoy Otechestvennoy voini v otechestvennoy istoriografii nachala XXI veka* [Everyday life in the Soviet Rear during the Great Patriotic War in the Russian Historiography of the beginning of the XXI century] // *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. Nauch. Zhurnal* [Pushkin Leningrad state university journal. History] (Vol. 4.) *Istoriya.* № 2. Pp. 30–45. (In Russ.)
7. Kozlov N. D. (2014) *Povsednevnyaya zisn na okkupirovannoy territorii v godi Velikoy Otechestvennoy voini v sovremennoy istoriografii* [Everyday life in the Occupied Territory during the Great Patriotic War in Modern Historiography] // *Voina i povsednevnyaya zisn nasekeniya Rossii XVII – XX vv. Mezd. nauch. konf. 14-16 marta 2014 g.* [War and everyday life of the population of Russia of the XXVII–XX centuries. International Scientific Conference March 14–16, 2014]. SPb.: Pushkin Leningrad State University. Pp. 37–44. (In Russ.)
8. Puschkareva N. L., Luybinchakovskiy S. V. (2014) *Ponimanie istorii povsedntvnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoli Annalov k rossiyskoy filosofskoy shkole* ["Everyday life history" in modern historical research: from school of the annals to the russian philosophical school] // *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad state university journal]. №1. Pp. 3–18. (In Russ.)
9. Senyavskaya E. S. (2001) *Povsednevnost rossiyskoy armii v voinach XX veka: ponyatie, struktura i psihologiya frontovogo bita* [The everyday life of the Russian army in the wars of the twentieth century: the concept, structure and psychology of front-line life] // *Chelovek v rossiyskoy povsednevnosti. Sb. st.* [A man in Russian everyday life. Collection of articles]. M. Pp. 131–138. (In Russ.)
10. Senyavskiy A. S., Senyavskaya E. S. (2010) *Voennaya povsednevnost kak predmet istoricheskogo issledovaniya: teoretiko-metodologicheskie problem* [Military everyday life as a subject of historical research: theoretical and methodological problems] // *65 let Velikoy Pobedi. v 6 t.* [65 years of the Great Victory: in 6 volumes]. M.: MGIMO-Universitet. Vol. 3. Victory. Pp. 197–211. (In Russ.)
11. Kamenskiy A. B. (2006) *Povsednevnost russkogo gorodskogo obivately: istoricheskii anekdoti iz provincialnoy zisni XVIII veka* [Everyday life of the Russian urban inhabitant: historical anecdotes from the provincial life of the XVIII century]. M.: RGGU. (In Russ.)
12. Leбина N. B. (2015) *Sovetskaya povsednevnost. Normi i anomalii. Ot voennogo kommunisma k bolschomu stilyu* [Soviet everyday life. Norms and anomalies. From War Communism to Grand Style]. M.: Novoe literaturnoe obosrenie. (In Russ.)
13. Veremenko V. A. (2015) *Deti v dvorynskikh semyach Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): monografiya* [Children in noble families of Russia (the second half of the XIX – the beginning of the XX century): monograph]. SPb.: Pushkin Leningrad state university. (In Russ.)
14. Veremenko V. A. (2007) *Dvorynskay semya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX–nachalo XX vv.)* [The noble family and the state policy of Russia (the second half of the XIX – early XX centuries)]. SPb.: Evropeyskii dom. (In Russ.)
15. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg.* (2014). V 12 t. T. 10. *Gosudarstvo. Obchestvo. Voina* [The Great Patriotic War of 1941–1945 In 12 vols. Volume 10. The State. Society. War]. M.: Kuchkovo pole. (In Russ.)

16. Капкан И. В. (2020) *Kultura povsednevnosti: uchebnoe posobie dly akademicheskogo bakalavriata* [Culture of everyday life: a textbook for academic bachelor's degree]. М.: Yurait. (In Russ.)

17. Codyakov M. V. (ed.) (2012) *Noveisvchaya istoriya Rossii 1914–2010. Uchebnoe posobie dlya bakalavrov* [The modern history of Russia 1914–2010. Study guide for bachelors]. М.: Yurait. (In Russ.)

18. Semennikova L. I. (ed.) (2010) *Rossiyskaya povsednevnost: vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka: uchebnoe posobie* [Russian everyday life: the second half of the XIX – the beginning of the XXI century: textbook]. М.: KDU. (In Russ.)

19. Averynova G. I. (ed.) (2013) *Mir rossiiskoy povsednevnosti (X – nachalo XX veka): uchebnoe posobie* [The world of Russian everyday life (X – the beginning of the twentieth century): textbook]. М.: MGPU. (In Russ.)

20. Bezgin W. B. (2008) *Istoriya selskoy povsednevnosti: ucheb. posobie* [The history of rural everyday life: textbook]. Tambov: TGTU. (In Russ.)

21. Kuznechevskii W. D. (2012) *Bez gosudarstvennogo vzglyda na istoriy Rossii* [Without a state view of the history of Russia] // «Rasskazhu vam o voine...» Vtoraya mirovaya i Velikaya Otechestvennaya voini v uchebnikach i soznanii schkolnikov slavynskikh stran ["I will tell you about the war ..."] The Second World War and the Great Patriotic War in textbooks and in the minds of schoolchildren of Slavic countries] / responsible editor T. S. Guzenkova. М.: RISI. (In Russ.)

22. Filippov A. W. (2007) *Noveisvchaya istoriya Rossii 1945–2006 gg. Kniga dly uchitely* [The modern history of Russia 1945–2006. A book for a teacher]. М.: Prosveschenie. (In Russ.)

23. Torkunova A. W. (ed.) (2016) *Istoriya Rossii. 10 klass. V 3 chastykh.* [The history of Russia. 10th grade. In 3 parts]. М.: Prosveschenit. Ch. 1. 175 p.; Ch. 2. 176 p.; Ch. 3. (In Russ.)

24. Ferro M. (1992) *Kak rasskazivayut istoriyu svoim detyam v raznich stranach* [How to tell a story to their children in different countries]. М.: Wisschaya schkola. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.10.2022

Одобрена после рецензирования 25.11.2022

Принята к публикации 10.12.2022

Отношение к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в.*

А. В. Белова

Статья посвящена отношению взрослых к девочкам в семьях российских дворян в XVIII – середине XIX в. как одной из значимых проблем в современной историографии истории повседневности. На основе исследования неопубликованных архивных документов из личных фондов дворянских родов и опубликованных автодокументальных свидетельств анализируются соотнесенные с этапами жизненного цикла основные проявления эмоциональных реакций и предпочтений, связанных с рождением девочек, родительским уходом за ними, учетом их интересов и потребностей в период детства. В статье исследуется сопряженность устойчивых коллективных представлений и отдельных индивидуальных интенций, выясняются факторы, влияющие на их трансформацию на протяжении изучаемого периода. Особое внимание уделяется проблемам последующей саморефлексии в отношении собственного детства и родительских установок, зафиксированных в эго-документах, проявлениям осознанного отношения к воспитанию. В заключение делается вывод о том, что отношение к девочкам в дворянских семьях было дифференцированным и противоречивым, могло зависеть как от индивидуальных пристрастий взрослых, так и от устоявшегося властного порядка в семейной иерархии.

Ключевые слова: историческая этнология, детство, семья, российские дворянки, дворянские девочки.

Для цитирования: Белова А. В. Отношение к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 54–77. DOI 10.35231/25422375_2023_1_54

* Поддержано программой НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования: социально-исторические и культурно-антропологические перспективы».
© Белова А. В., 2023

Введение

В зрелом и преклонном возрасте многие российские дворянки обращались в мемуарах к событиям и эмоциям собственного детства. Некоторые из них выбирали в качестве осознанно «последних воспоминаний» запись детских впечатлений. Детство, как этап жизненного цикла, подлежало припоминанию, описанию, мысленному «проживанию». Письменный «рассказ» о детстве становился основой нарративной идентичности, своего рода приемлемой «перепрошивкой» автобиографической истории.

Предстоит понять, означает ли сам по себе факт частого обращения к детским воспоминаниям то, что начальный период жизни считался счастливым в их собственном понимании и с точки зрения стороннего наблюдателя? Существует вероятность того, что субъективное восприятие детства как «счастливого» складывалось на контрасте с последующей половозрелой жизнью, ассоциировавшейся прежде всего с «несчастливым» замужеством. Не все авторы мемуарных текстов сумели принять собственный «неудачный», а местами и травматичный жизненный опыт, предав его публичной огласке. Отношение дворянок к детству и к применявшимся в нем воспитательным стратегиям становилось своего рода способом самореабилитации с учетом изменившихся с возрастом ценностных установок.

Методология исследования связана с подходами истории повседневности как «пережитой», иначе называемой историей «изнутри», основанной на анализе «субъективных источников» (мемуаров, писем, дневников). Эти виды источников запечатлели образ детства, отразившийся в глазах самих переживавших его женщин. При этом собственный «образ детства» разительно отличался как от идеализации педагогических трактатов «века Просвещения», так и от принятого в дворянском обществе канона «благородного» воспитания.

Междисциплинарное изучение истории семьи проявилось как научная тема в *этнологии и социальной антропологии*, рассматривающих исторически сложившиеся системы родства, родственные отношения и типы семейной организации. В *исторической демографии* обозначилось посредством выявления динамики критериев рождаемости и смертности, брач-

ности и разводимости, детности и т. д. *Экономическая история* уделила внимание производительному потенциалу домохозяйств, ресурсам и перераспределению семейной собственности, отношениям производства и потребления, структуре хозяйственных связей семьи. В *социальной истории* семья анализировалась одновременно в рамках и социальной страты, и более крупной социальной общности, как агент социализации и в контексте внутрисемейных взаимоотношений.

Новый импульс в исследованиях истории семьи придан субдисциплинами, выделившимися из «новой социальной истории», такими как «*новая демографическая история*» [1], изучающая «влияние представлений (бытующих, господствующих и рождающихся под тем или иным идеологическим воздействием, в том числе религиозным) на демографические процессы» [2, с. 55], и «*история частной жизни*», анализирующая «ту сферу жизни и быта людей, которая зависит от индивидуальных, частных решений» (применительно к семье – «эмоциональные отношения.., связанные со включенностью в свою органическую группу (семью, род)») и «охватывает многие (если не все!) стороны внутренней жизни индивидов», соотношение в их поступках и в личностных оценках «некоторых общих ментальных доминант» и «индивидуальных интенций» [3, с. 98–99].

Меньшее внимание, по сравнению с родственными, хозяйственными, социальными, эмоциональными отношениями, уделялось *властным отношениям в семье*. Ими закладывались основы стратификации и иерархизации общества по признаку пола. Недостаточно изучены *конкретные властные практики*, реализовывавшие доминирование и подчинение внутри семьи. Редким исключением стало исследование А. В. Бекасовой, посвященное властным взаимоотношениям внутри семейно-родственного сообщества, составлявшего ближайшее окружение фельдмаршала графа П. А. Румянцева, на основе частной переписки 1762–1796 гг., в том числе анализ подчиненного положения сыновей в системе семейной иерархии¹.

Историографическая ситуация последней трети XX в. отмечена множественностью интерпретаций истории, плю-

¹ См.: Бекасова А. В. Семья, родство и покровительство в России XVIII в.: «домовое подданство» графа П. А. Румянцева: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 306 с.

ральностью направлений и дискурсов [4–5]. Почти одновременно в конце 60-х гг. XX в. зародились и прошли схожий путь от маргинализации к академическому признанию новые дисциплины: история повседневности [6–9] и история женщин [10]. В 1980-е гг. они дополнились гендерной историей [11]. Предмет *истории повседневности* составили субъективные опыты и переживания конкретных людей [12–15]. Изначально исследовательская сверхзадача сводилась к тому, чтобы «озвучить», в том числе используя потенциал *oral history*, тех, кто, в отличие от представителей элит общества, не оставил письменных свидетельств о собственном прошлом. По мере развития данного направления стало ясно, что исследованию подлежат так называемые «обычные люди» не только из нижних слоев [7, с. 400]. По мнению американского историографа Дж. Иггерса, изучавшего историю повседневности в интернациональном контексте, речь идет о том (если следовать М. Фуко), как отношения господства (власти) сказываются на отношениях между людьми [5, с. 82].

Взаимовлияние истории повседневности и *истории женщин* акцентировалось в трудах историков и этнографов, в частности представительниц немецкой и английской историографий, таких, например, как К. Липп [16] и А. Дэвин [17]. Также оно проявлялось как стремление «сделать видимыми» [18] женщин, вывести из-под окутывавшего их «покрова молчания» (термин М. Перро) [19, с. 45]. *Гендерная история* развила методологические подходы, коренившиеся в истории женщин, исходя из представлений о «мужском» и «женском» как социальном конструкте. В этой дисциплине педалируется, по утверждению Н. Л. Пушкаревой, «постоянное наличие властной компоненты в отношениях между полами» [20, с. 17], анализируются «системы доминирования одних над другими» [20, с. 18] в разных сферах жизнедеятельности, ставится акцент на «изучении иерархий – как в обществе, так и внутри каждого из полов» [11, с. 29].

Дворянские семьи в России в XVIII – середине XIX в. представляли собой преимущественно традиционные социальные структуры, разновозрастные и статусно дифференцированные группы, основанные на внутренней иерархии и функциональной обусловленности поколений, на разграни-

чении гендерных и символических ролей в каждой возрастной категории. Субординированность по половому признаку и по возрасту была негласной нормой организации семейной сферы жизни. Отношения властного доминирования определяли как первичную модель социальных отношений, так и устойчивость самой семейной структуры.

Не составляла исключения и повседневная жизнь членов семьи, прежде всего тех, кто находился в позиции депривированных, т. е. лишенных определенных социальных возможностей. К последним относились дети, причем при любой расстановке властных позиций – девочки. Проблематизация истории женского детства в контексте повседневности российского дворянства может приблизить исследователей к детализации характера внутрисемейных отношений. Нуждается в решении вопрос о соотношении повседневных практик дворянской семьи и гендерной системы в России. Последнюю обычно интерпретируют как патриархатную, но вместе с тем с сильной материнской властью [20, с. 22].

Дворянская семья, будучи полем власти (в значении М. Фуко), становилась и полем «принуждения», посредством которого реализовывались властные практики. Применительно к реалиям российской дворянской повседневности проблема насилия в семье вообще не исследовалась в контексте теоретического осмысления, предложенного Т. де Лауретис [21]. Она проблематизирует «насилие» и признает само понятие сравнительно поздним, настаивает на историческом существовании социальных практик насилия. В частности, утверждает, что «жестокое обращение с детьми было "открыто" уже в 1870-е гг., но впоследствии отошло в тень» [21, с. 351]. Это совсем не означает, что оно отсутствовало в более ранний период. Речь идет также о существовании не только прямого насилия, но и латентного, символического.

Цель данной статьи – выявить специфику отношения взрослых к девочкам в семьях российских дворян от европеизации до модернизации в контексте истории повседневности.

Результаты

Изучение отношения взрослых к девочкам в дворянских семьях позволяет судить о том, что воспитательные стратегии,

которые к ним применялись, были довольно жесткими. Чаще всего более требовательную и «корректирующую» власть над ними реализовывали представительницы и представители «младшего» поколения взрослых, т. е. матери, отцы, гувернантки. В противоположность спокойным и позитивным воспринималось влияние «старшего» поколения.

В качестве одной из причин властного прессинга можно рассматривать отношение к рождению девочек в дворянских семьях. Согласно свидетельствам мемуаристок, на протяжении второй половины XVIII – начала XX в. оно могло быть разнообразным, даже диаметрально противоположным: от «восторженно-радостного» [22, с. 340; 23, с. 68] до совсем «нерадостного» [24, с. 35].

Внешние обстоятельства «появления на свет» девочек трактовались окружающими, а затем и описывались ими самими как предзнаменование «ожидавшей участи» [24, с. 35], «будущей судьбы» [25, с. 9]. Рождение мистифицировалось то в виде «зловещих» [24, с. 35], то, наоборот, «хороших» [25, с. 9] предзнаменований. Это отражало своего рода предзаданность жизненного сценария, предполагало пассивное следование иррациональному предопределению, исключало допустимость представления об осознанном изменении женщиной изначального пути в любой момент жизни.

Матери по-разному относились к появлению дочерей. Как правило, это зависело не столько от пола новорожденной, сколько от количества ранее рожденных детей: была ли девочка первым ребенком своей матери, как А. П. Керн [22, с. 340], или девятнадцатым, как Г. И. Ржевская [24, с. 35]. В последнем случае рождение дочери совпало с кончиной мужа и не воспринималось как способное ее компенсировать. В отличие от А. П. Керн, вспоминая, что мать была «восторженно обрадована» [22, с. 340] ее появлением на свет в 1800 г., Г. И. Ржевская, родившаяся сорок одним годом раньше, в 1759 г., будучи старше даже матери Керн, обрисовала иную, мрачную картину [24, с. 35].

Кроме общего числа детей в дворянских семьях на отношение к рождению девочек могли повлиять такие факторы, как наличие наследников мужского пола и имущественная состоятельность родителей. Княгиня Н. Б. Долгорукая, родившаяся

в 1714 г., подчеркивала в «своеручных» записках особенно позитивную реакцию ее родителей именно на рождение девочки [26, с. 42]. Она объясняла это тем, что они «надежду имели, что я им буду утеха при старости» [26, с. 42]. При всей идеализации своей жизни в родительской семье она тем не менее зафиксировала сам факт приемлемости подобных представлений.

Родители новорожденной Натальи состояли во втором браке. При ее рождении уже были зрелого возраста, свидетельствующего о высоких пределах фертильности. Матери, графине А. П. Шереметевой, урожденной Салтыковой, исполнилось сорок четыре года, а отцу, графу Б. П. Шереметеву, – шестьдесят два [27, с. 450]. Они обладали имущественной состоятельностью и социальным влиянием. Наталья не была их первым ребенком, годом раньше у них родился сын Петр [27, с. 450]. Поэтому формально не было причин испытывать недовольство рождением дочери.

Стоит отметить, что князь М. М. Щербатов (1733–1790) в известном произведении «О повреждении нравов в России» без оптимизма оценивал имущественное состояние Шереметевых. Он относил их к тем «домам», которые «если не в разорение... пришли, но по крайней мере чу[в]ствовали немалую нужду» [28, с. 182]. Дворянский моралист не переоценивал благополучие этого знатного рода, в отличие от Н. Б. Долгорукой, которая идеализировала свое пребывание в родительском доме по сравнению с дальнейшей «бедственной» жизнью в браке.

В 1820-е гг. в частных письмах встречались поздравления с рождением девочек. Судя по ним, как у женщин, так и у образованных мужчин отношение к такому событию было дружелюбным и выражало искреннюю радость от прихода нового человека в мир. По прошествии ста лет от первой четверти XVIII в. родившуюся девочку воспринимали не как «утеху при старости», а как «товарища» [29] в жизни. «Утилитарное» восприятие ребенка женского пола сменилось признанием самоценности детской личности. Вместо иерархизированной модели отношений взрослых с девочкой появлялась партнерская. Затронув высшие слои дворянства, эти изменения тем не менее могут рассматриваться как своеобразная тенденция в истории детства.

Некоторые отцы, если речь шла не о первом ребенке, даже отдавали предпочтение дочери перед сыном: «Я желаю дочь – она будет сестрою Павлу Павловичу. Сын же того и гляди – вместо брата, делается ему барином, чего я не хочу» [30]. Интересная деталь подмечена в способах коммуникации детей между собой – ассоциирование девочек с равноправными горизонтальными отношениями, а мальчиков – с иерархическими вертикальными.

В письмах тверских дворянок 1830–1840-х гг., свидетельствующих о тесных родственных связях провинциальных дворянских семей, заметен неподдельный интерес тетушек к рождению племянниц. Там, где представители второго поколения ощущали себя членами прежней родительской семьи, рождение и крещение дочери у одной из сестер воспринималось остальными как значимое событие, присутствовать на чествовании которого считалось необходимым [31, л. 1–1 об.].

Мария Логгиновна Манзей, дворянка Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, поздравляла в одном из писем невестку Софью Сергеевну и брата Николая Логгиновича Манзея «с прибавлением семейства, следственно с прибавлением радостей и утешений» [32, л. 29 об.] по случаю рождения у них внучки. Сестра Вера Логгиновна по тому же поводу поздравляла с «прибавлением семейства» и сообщала о радостном впечатлении, которое известие о рождении девочки произвело на нее и Марию Логгиновну [32, л. 28 об.]. Сама же «виновница» произошедшего, племянница Елена Николаевна Волкова, урожденная Манзей (до 1826 – после 1865) [32, л. 11; 33, л. 44 об.], в письме выражала надежду на «любящие» чувства «добрых Тетенек» к дочери Соне [34, л. 1–1 об.].

Такого рода эпистолярные свидетельства отражали проявившееся в общественном сознании к середине XIX в. осознание ценности детства и особого детского мира. В семейной переписке сестер Манзей отводилось большое место обсуждению тем, связанных с повседневностью детей, особенно девочек – дочерей и племянниц.

В женских автодокументальных источниках XVIII – середины XIX в. не удастся обнаружить прямые указания на то, что рождение девочки было встречено негативно из-за ее принадлежности к женскому полу. Однако в мужских литературных

произведениях, созданных по автобиографическим мотивам, воспроизводился патриархатный дискурс и озвучивалась позиция отца, который «дочерей считал... ни за что» [35, с. 26]. Вместе с тем появление дочери в контексте разных жизненных обстоятельств могло отражать иные мотивы, например несоответствие самого факта рождения девочки внутренним субъективным ожиданиям ее родителей.

Матери и отцы разделяли обусловленные социальными факторами внешние ментальные и социальные установки и в более поздний период. М. П. Бок, урожденная Столыпина, упоминала в мемуарах об одной из родовых традиций, негативно повлиявших на ее вполне толерантных родителей. В семье долгое время сохранялся своеобразный ритуал благословения первого ребенка мужского пола [36, с. 49]. Этот ритуал символизировал легитимизацию каждого поколения дворянского рода. Родители мемуаристки были удручены, что не они были отмечены семейной честью, тем самым невольно сожалея, что их первым ребенком стала девочка.

В генеалогическом и в социокультурном смысле дворянский род воспринимался как последовательная преемственность нисходящих мужских поколений. Наличие исключительно женского потомства означало его угасание, что разрушало родовую организацию дворянства и считалось нежелательным. И в более ранний период, и в конце XIX в. дворяне-мужчины по-разному относились к рождению девочек, их взгляды могли быть диаметрально противоположными. Встречались те, кто считали возможным утверждать, «что от женщин мало толку на свете», а были и такие, которые с радостью произносили: «Слава Богу, одной женщиной на свете стало больше» [36, с. 49].

Положение родительской пары в иерархии большой дворянской семьи определялось половой принадлежностью первого ребенка. Это влекло за собой подчиненность отношения к детям, в частности девочкам, внешним стандартам социально одобряемых стереотипов и ожиданий. Невозможность родителей соответствовать желаемым образцам компенсировалась жесткими воспитательными стратегиями в отношении тех, кто невольно оказался причиной фрустрации.

В течение второй половины XVIII – первой половины XIX в. обнаружилась и позитивная динамика в том, как сами матери

принимали участие в уходе за детьми. В 1820–1840-е гг. забота о детях стала одной из важнейших сфер повседневной деятельности провинциальных дворянок. Матери теперь сами проводили время с детьми [34, л. 10 об. – 11; 37, с. 168], купали их [37, с. 301] и гуляли [31, л. 5 об. – 6; 34, л. 11] с ними.

В одном из писем В. А. Дьякова писала мужу о прогулках по саду с младенцем. Мать либо сама держала ребенка на руках, либо перевозила в специальной детской коляске. Такие аксессуары входили в обиход как в городском, так и в усадебном быту [31, л. 5 об. – 6]. Матери начинают сознавать потребность в приобретении детской коляски, руководствуясь при этом удобством и пользой не для себя, а для ребенка. Прогулки на свежем воздухе становились продолжительными, а режим дня новорожденного – более экологичным.

Не только усадебный быт, но и столичный предполагал интеграцию в него мира детства. В столичных домах дети раннего возраста разделяли пространство с матерью и ее гостями [38, с. 43]. Становится принятым укачивание детей. Если мать отлучалась, этим занимались специальные девушки, в задачи которых входило ухаживать за детьми [38, с. 43]. Однако даже будучи вверенными таким девушкам, девочки оставались под бдительным материнским контролем [37, с. 300].

В первой половине XIX в. нередко встречались в письмах слова и пожелания в адрес детей, особенно маленьких и младших в семье [33, л. 30 об.; 39, л. 3, 9 об., 107 об.]. Не скрывая эмоционального отношения, и женщины, и мужчины называли их «милыми детками» [39, л. 102 об.], «безценными деточками» [33, л. 28 об., 30], «детушками» [33, л. 28 об., 30 об.], «крошками» [39, л. 19 об., 20], «любезнейшими пташками» [39, л. 60]. В 1830-е гг. в письмах дворянок чаще упоминались дети под уменьшительно-ласкательными именами, такими как Алиша [40, с. 150], Катинька [40, с. 150], Лилинька [32, л. 28 об.]. Матери и бабушки считались с эмоциональным состоянием детей, старались отвлечь их от грустных мыслей в случае переживаний.

«Участие в игре детей» [41, с. 74] теперь ценилось, совместное времяпровождение с ними доставляло удовольствие и взрослым [40, с. 150]. Появлялось такое явление, как совместный досуг взрослых и детей. Этой цели служили обществен-

ные гулянья, которые допускали присутствие детей в публичном, т. е. символически «взрослом», пространстве. Значимыми семейными праздниками становились дни рождения дочерей и племянниц [33, л. 23 об.].

В 1830-е гг. уже ни женщины, ни мужчины не считали недопустимым или ненужным ласкать детей, общаться с ними, следить за особенностями их речи и дикции [42, с. 62]. Еще в конце XVIII в. отцы пеняли матерям за слишком заботливое, с их точки зрения, обращение с детьми [43, л. 4–4 об.]. К 1840-м гг. они не только сменили отношение на уважительное, но и сами все больше включались в вопросы, которые касались детей, их состояния здоровья и ухода за ними [44, л. 23 об.].

Несмотря на происходящие изменения и в середине XIX в. можно было встретить в среднерусском имении дворянина-отца, который, по воспоминанию дочери, «мало обращал на нас внимания, считая воспитание детей женским, а не мужским делом» [45, с. 26]. Мужчины в дворянских семьях часто отсутствовали дома в связи со служебными или хозяйственными разъездами. Однако этих же взглядов придерживались и безвыездно пребывавшие в поместьях, но дистанцировавшиеся от остальных домохозяев за стенами своих «кабинетов» [45, с. 28].

В 1840-х гг. в женских и мужских письмах упоминались заботы матерей по уходу за детьми, которые требовали от них существенной отдачи душевных и физических сил [44, л. 23 об.]. В одном из писем Сергея Ивановича Волкова (1803–...) сообщалось, что он вынужден был из-за обязанностей службы покинуть жену, с которой состоял в браке с 21 апреля 1843 г., на тот момент чуть больше двух лет. Супругу пришлось оставить одну на даче с их маленькой дочерью Софьей, которая родилась 19 января 1844 г. [46, с. 240] и не достигла еще одного года и четырех месяцев [34, л. 2]. В то же время сама Елена Николаевна Волкова писала из Царского Села в вышневолоцкое имение родным о том, как она без посторонней помощи успешно заботится о своей первой, почти полуторагодовалой дочери [34, л. 10 об. – 11].

В первой половине XIX в. матери уделяли особое внимание эмоциональному и физическому развитию детей. В письме 1806 г. дворянки Марьи Ивановны Гусевой к сестре Наталье Ивановне Соймоновой содержались наблюдения за поведени-

ем и речью малолетней дочери, которая была не старше двух лет [39, л. 59]. Софья Сергеевна Манзей, урожденная Яковлева (...– после 1873) [32, л. 13–13 об.], писала невесткам обо всех изменениях самочувствия детей из-за прорезывания зубов [33, л. 25]. Эта информация представляет существенный интерес для женской переписки.

Отмеченные позитивные изменения в отношении взрослых к детям, включая девочек, осознанное повышение ценности детства как такового, формирование специфической сферы детских интересов не компенсировали однако субъективно-негативного «образа детства», который зачастую формировался у самих детей. Свидетельства мемуаристок контрастируют на этот счет с письмами взрослых, а письма самих детей, которых сохранилось немного, можно считать самым безыскусным и неподдельным выражением его восприятия.

Один из примеров детского самоощущения обнаружился в эпистолярном наследии многодетной семьи рязанских дворян Лихаревых. Как и в других дворянских семьях, в ней в середине XIX в. бытовала традиция написания детских писем родителям, которые находились в отъезде. Пятилетняя Вера написала маме, Варваре Александровне Лихаревой, урожденной Астафьевой (1813–1897), самое короткое письмо: «Милая Мама Я жива здорова целую ваши ручки, дочь ваша Вера дурочка» [47, л. 72 об.].

Она писала это вместе со старшими сестрами и братьями, последней на листе, к маме, которая уехала из имения в Рязань по хозяйственным делам. Возникает вопрос: что могло заставить маленькую девочку назвать себя в письме к маме подобным образом. Наверняка, заболевание или отклонение в развитии не позволило бы ей впоследствии выйти замуж и самой родить ребенка. По документам известно, что Вера Александровна, урожденная Лихарева (1854–...), вступила в брак 17 февраля 1891 г. с С. В. Константиновым, а 12 марта 1893 г. родила сына Александра [48, л. 71]. Вряд ли девочка с запаздывающим развитием, если предположить такое, в пять лет умела бы писать прописными буквами.

Так или иначе отношение к младшему ребенку в семье могло ли допускать понимание, что она не такая как все? Хотя сложно это обосновать. Предположим, что она была обычным ребен-

ком. Тогда такое название ей дали в семье старшие дети или взрослые. На формирование самооущения ребенка оценка значимого взрослого оказывает большое влияние, закрепляясь в его эго. Самооценка маленькой девочки в дворянской семье должна была подвергнуться серьезному психологическому испытанию.

Воспитание девочек в дворянских семьях отличала авторитарность, в связи с чем может возникнуть вопрос о праве девочек на «каприз», самовыражение в присутствии взрослых, публичное к себе внимание. Ответ на него предполагает, что не все девочки пользовались равным отношением к себе родителей, поэтому их позволение преступать границы предписываемого поведения распространялось исходя из личных предпочтений одних детей перед другими. В частности, о различном отношении родителей к своим детям [45, с. 12] вспоминала мемуаристка С.В. Ковалевская, урожденная Корвин-Круковская (1850–1891), что оставило отпечаток на образе ее детства.

Среди воспитательных практик особую роль играло ограничение физической активности и подвижности девочек: от тугого пеленания младенцев («мучительного пеленанья») [49, с. 27] до запретов гулять, бегать, прыгать [49], лазить по деревьям [50, с. 17], даже если это вызывало интерес и хорошо у них получалось. На психике юных дворянок болезненно сказывались излишняя строгость [22, с. 342–343; 45, с. 34] взрослых, применение наказаний (от постановки «в угол», иногда «на колени», «засаживания в темную комнату» до битья и драния «за уши до крови») [49, с. 30, 32; 22, с. 350–351; 45, с. 32–35; 50, с. 17; 51, 150–151; 52, с. 424], запугивания [53, с. 384]. Все это приводило к замкнутости, развитию фобий и комплексов [22, с. 343; 45, с. 15; 53, с. 384].

Детство считалось счастливым, если, по словам мемуаристок, их «не наказывали понапрасну» [25, с. 13]. Вместе с тем как раз девочек чаще мальчиков наказывали за активное поведение («резвость») [52, с. 424], что отмечали и мемуаристы-мужчины. При этом нередко девочки становились инициаторами в «чисто детских шалостях» и в совместных детских играх [50, с. 17], вопреки атрибутируемой женскому полу пассивности и попыткам обуздать их активность в процессе воспитания.

Требования к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в., как правило, были выше, чем к мальчикам. Это наблюдалось со стороны обоих родителей. Тем не менее по прошествии многих лет дворянки идеализировали детство. Некогда травматический опыт трансформировался ими в приемлемый. Мысленное возвращение к началу жизни включало ранние впечатления и опыты, в том числе те, о которых сами мемуаристки не могли помнить. Зная о них по рассказам близких, они тем не менее делали их частью собственной идентичности. Переживания детства, включая печальные, способствовали осознанию целостности и полноты прожитой жизни. Дворянки оценивали их как «счастливые» именно по отношению к себе. С позиции жизненного опыта «взрослой» женщины мемуаристки пытались посмотреть на эмоциональные травмы своего детства «другими» глазами, успешно справиться с ними.

Во второй половине XIX – начале XX в. такие мемуаристки, как А. П. Керн, А. В. Щепкина, А. Г. Достоевская, С. В. Ковалевская, пытались осмыслить сами методы родительского воспитания, признавая их негативными. Та же тема звучала и в женской публицистике в 1870–1880-х гг. [54; 55, с. 23–40, 41–67, 68–83]. Вспоминая собственное детство в первой трети – середине XIX в., мемуаристки не просто выражали сожаления о печальных детских опытах, а пытались оценить педагогические стратегии и отношение к себе взрослых. Они как бы исходили из распространившегося позднее «помогающего, или *эмпатического* стиля воспитания детей».

Этот стиль признает за самим ребенком лучшее знание своих потребностей, понимание со стороны родителей вместо повелительности и создание ими благоприятных условий для его эмоционального развития. Л. Демоз усматривал зарождение *эмпатического* стиля воспитания только в середине XX в. [14, с. 4–5]. Однако в позициях мемуаристок-дворянок, усвоивших плоды «свобод» буржуазных реформ 1860–1870-х гг., звучали педагогические рассуждения, в известном смысле опережавшие свое время, а в ряде случаев не утратившие актуальности до сих пор.

А. П. Керн, одна из немногих во второй половине XVIII–XIX вв., посвятила детству отдельное произведение. В 1870 г. она, ровесница XIX в., написала последние из своих воспоминаний, в чем

отдавала себе полный отчет. Ею был выбран характерный эпиграф – цитата из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «Еще одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя». А в заключении к мемуарам она была в этом убеждена: «...а потому я этим и кончу свое последнее сказание...» [56, с. 126].

Как сообщал опубликовавший эти воспоминания А. М. Гордин, сохранившаяся их рукопись не была озаглавлена автором [56, с. 441]. Однако во второй публикации в 1884 г. в журнале «Русский архив» появилось подходящее название «Из воспоминаний о моем детстве» [56, с. 441]. В них женщина в преклонном возрасте обращалась к событиям и эмоциям своего детства, выбирала запись детских впечатлений в качестве осознанно последних своих воспоминаний. В преддверии окончания жизненного пути детство оказывалось тем его периодом, о котором сама мемуаристка хотела вспомнить и написать.

Это не только указывает на значимость детства как «возраста жизни», но и подчеркивает его важность в конструировании нарративной идентичности. В сознании А. П. Керн «счастливое детство» [56, с. 117] противопоставлялось «несчастливому» супружеству. Вспоминать и писать о нем в конце жизни ей, напротив, не хотелось [56, с. 126].

А. П. Керн рассуждала о важности начального этапа жизни [22, с. 338]. Но необходимость защищать подобные суждения означала, что и в 1870 г. идея не стала общественным трюизмом. Представления о несущественности детства не были преодолены в общественном сознании [14, с. 2–3]. Мемуаристка ссыалась на персональный жизненный опыт эмоционального «обращения» к собственному детству.

Современные психологи придают огромное значение внутреннему диалогу со своим детским «я» [57]. А. П. Керн прямо утверждает, что в детстве определяется моральный облик индивида [22, с. 338]. Заключительное замечание преамбулы свидетельствует о том, что даже в последней трети XIX в. все еще не сложился «помогающий стиль воспитания детей» [22, с. 338–339].

А. П. Керн позволяла себе быть назидательной с высоты прожитых лет. Она пережила свой собственный опыт детства под диктатом отца, поэтому имела основания негативно оценивать феномен родительской власти, которая в ее пони-

мании «далеко не благотворна в большинстве случаев» [22, с. 351]. В данном случае Керн не проводила различия между влиянием на дочь отца или матери. Нередко матери вымещали собственную несостоятельность именно на дочерях.

С. В. Ковалевская запомнила из детства как недостаток материнской любви, так и отцовское невнимание. В ее автобиографической памяти властные усилия гувернантки компенсировались заботой и любовью няни. Она характеризовала педагогические представления отца и как патриархатные, и как вынужденные, обусловленные нерелефлексивными социальными установками [45, с. 34].

Обсуждение и выводы

Резюмируя проблему отношения к девочкам в дворянских семьях, стоит признать различия и противоречия факторов, которыми оно определялось. Среди них и индивидуальные пристрастия взрослых, и устоявшийся властный порядок в семье, и выраженное доминирование мужа и отца. Овдовевшие матери мемуаристок (Г. И. Ржевской, А. Е. Лабзиной и др.) не становились подругами своих дочерей, лучше других знавшими несправедливости социального существования женщин. Они, напротив, могли еще больше усиливать властный нажим на дочерей, ощутив себя избавленными от диктата своих мужей.

Если сын ассоциировался с фрустрированными «мечтами» матери, воплощая собой умозрительный образ «идеального мужчины», не встреченного ею в жизни, то дочь олицетворяла неудачу «женской судьбы», несбывшиеся желания, не принесшую личного счастья связь с мужем, а главное, чувство безысходности от предчувствия вечного повторения одного и того же жизненного сценария. Досадуя на невозможность изменить к лучшему свою жизнь, мать вымещала на дочь свои разочарования. Дочерью ее отношение могло восприниматься как нелюбовь к себе.

Материнство носило функциональный, вынужденный характер. Определенный парадокс усматривается в том, что женщинам предопределяли «репродуктивную» судьбу, но при этом материнство не становилось для них осознанным личностным проектом. Дочери, не продолжавшие генеалогически дворянский род, не воспринимались как персональный ресурс.

Среди типов семейного воспитания девочек стоит выделить *игнорирующий* (ребенок по разным причинам оказывался оставленным и матерью, и отцом), *материнский*, или *квазиматеринский* (отец мог быть индифферентен к воспитанию девочки, либо не индифферентен, но репрессивен, либо взгляды матери и отца на эмоциональные реакции ребенка и обращение с ним сильно расходились), *отцовский*, или «*новое отцовство*» (влияние отца на воспитание дочери воспринималось ею как существенное) и *партнерский* (мать и отец стремились принять обоюдное участие в воспитании дочерей). Первые два типа преобладали по сравнению с остальными.

Если, опережая время, отец принимал непосредственное участие в интересах и жизни дочери, то ее воспитание приобретало гармоничный и сбалансированный характер. «Новыми отцами» провоцировалась в дочерях активная жизненная позиция. Они помогали им обрести целеустремленность, развить в себе продуктивные навыки и качества, ориентироваться на ведение деятельного образа жизни.

Прообразы «нового отцовства», происходящие из конца XVIII в. (отец мемуаристки Н. А. Дуровой), пополнятся во второй половине XIX в. поколениями отцов, которые будут людьми широких взглядов, а потому не только не разделяющими традиционных представлений о предназначении женщины (отец мемуаристки М. П. Бок) [36, с. 30], но и не считавшими ее пассивной жертвой неудачного брака [58, с. 33] и даже способствовавшими возникновению в России высшего женского образования (отец мемуаристки М. А. Бекетовой) [59, с. 368–369].

Развитие заложенных в девочках способностей и дарований, предоставление возможностей раскрыть их самим, вопреки общественным ожиданиям от женщин по реализации «чужих» жизненных сценариев, становилось основным направлением с точками роста в виде передовых способов воспитания женской личности. В отличие от них традиционные репрессивные воспитательные стратегии конструировали нормативную гендерную идентичность дворянок. Они включали в себя всевозможные телесные, поведенческие и нравственные «переделки», «корректировки», социокультурное моделирование. В дворянском социуме формировались представления о востребованности единственного «предназначе-

ния» женщины и необходимости воспроизводства обусловленного им гендерного контракта.

Список литературы

1. Бессмертный Ю. Л. Новая демографическая история // *Одиссей. Человек в истории*. 1994: Картина мира в народном и ученом сознании. – М.: Наука, 1994. – С. 239–256.
2. Пушкарева Н. Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // *Этнографическое обозрение*. – 1995. – № 3. – С. 55–70.
3. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // *Социальная история. Ежегодник, 2004*. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – С. 93–112.
4. *Geschichtswissenschaften: Eine Einführung* / Hrsg. von Ch. Cornelißen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2000. 320 s.
5. Iggers, G. G. *Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang*. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1996. 140 s.
6. *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 s.
7. Borscheid P. *Alltagsgeschichte – Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit?* // *Über das Studium der Geschichte* / Hrsg. von W. Hardtwig. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1990. – S. 389–407.
8. *Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags* / Hrsg. von H.Ch. Ehalt. – Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. 384 s.
9. *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion* / Hrsg. von W. Schulze. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. 84 s.
10. Corbin A., Farge A., Perrot M. u.a. *Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich?* / Hrsg. von M. Perrot. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1989. 256 s.
11. Пушкарева Н. Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // *Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история* / под ред. Н. Л. Пушкаревой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – С. 9–44.
12. Белова А. В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. – 2007. – № 2. – С. 5–14.
13. Белова А. В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / отв. ред. Ю. К. Чистов. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 284–285.
14. Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX в. как методологическая проблема истории повседневности // *Женщина в российском обществе*. – 2005. – № 3/4. – С. 28–38.
15. Белова А. В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // *Женщина в российском обществе*. – 2004. – № 1/2. – С. 72–82.
16. Lipp C. *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. – S. 78–93.
17. Davin A. *Frauen und Alltagsgeschichte // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red. H. Diekwisch et al. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. – S. 37–58.

18. *Becoming Visible: Women in European History* / Eds. R. Bridenthal, C. Koonz. – Boston: Houghton Mifflin edition, 1977. 592 p.

19. Перро М. История под знаком гендера // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / под ред. Н. Л. Пушкиревой. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – С. 45–54.

20. Крипс Г., Кон И. С., Пушкирева Н. Л., Жеребкина И. А., Темкина А. А. Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР: обсуждение темы «Трансформирующая академия» // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 8–43.

21. Лауретис Т. де. Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера // Антология гендерной теории: сб. пер. / сост. и коммент. Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. – Мн.: ПРОПИЛЕИ, 2000. – С. 347–372.

22. Керн А. П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 338–372.

23. Смирная Е.-А. В. Данила Яковлевич Земской. Один из пленцов Петра Великого / Сообщ. П. В. Лобанов // Русская старина. – 1883. – Т. 40. – № 10. – С. 67–78.

24. Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Воковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 33–66.

25. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 400 с.

26. Долгорукова Н. Б. Своеручные записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеева. – М.: Современник, 1990. – С. 41–66.

27. Моисеева Г. Н. Комментарий // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеева. – М.: Современник, 1990. – С. 450–454.

28. «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): сб. ст. / под ред. Н. Л. Пушкиревой. М.: Ладомир, 1999. 861 с.

29. Письмо В. А. Жуковского к А. П. Зонтаг от 5 марта 1824 г. // Правительственный Вестник. – 1904. Отдельный отиск из № 100: Грот К. В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг. (К сококалетию со дня смерти А. П. Зонтаг 19-го марта 1864 года). – № 8. – С. 12.

30. Письмо П. В. Нащокина к А. С. Пушкину от конца апреля 1834 г. // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: в 2 т. / сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. – М.: Правда, 1986. – Т. II. – С. 347.

31. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 44.

32. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 39.

33. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45.

34. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 93.

35. Аксаков С. Т. Семейная хроника // Аксаков С.Т. Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука / предисл. и примеч. С. Машинского. – М.: Худож. лит., 1982. – С. 24–222.

36. Бок М. П. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. – М.: Современник, 1992. – С. 3–220.

37. Керн А. П. Дневник для отдохновения / пер. с фр. А. Л. Андрес // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 167–337.

38. Вульф А. Н. Дневник 1827–1842 годов // Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. Дневник 1827–1842 годов / сост. Е. Н. Строганова, М. В. Строганов. – Тверь: Издательский Дом «Вся Тверь», 1999. – С. 19–235.

39. Отдел хранения документов до 1917 года Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы» (ОХД до 1917 г. ЦГА Москвы). Ф. 1870. Оп. 1. Д. 3.

40. Письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлицевой от 8 мая 1833 г. // «Мир Пушкина». Т. 1: Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой 1828–1835 / пер., подгот. текста, предисл. и коммент. Л. Слонимской. – СПб.: Издательство «Пушкинский фонд», 1993. – № 55. – С. 150–152.

41. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания // Панаева А. Я. (Головачева) Воспоминания / под общ. ред.: В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского, В. Н. Орлова; вступ. ст. К. Чуковского; прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. – М.: Худ. лит., 1972. – С. 19–388.
42. Керн А. П. Воспоминания о Пушкине // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 33–62.
43. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 2619.
44. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1403. Оп. 1. Д. 9.
45. Ковалевская С. В. Воспоминания детства // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести / отв. ред. П. Я. Кочина. – М.: Наука, 1974. – С. 9–89.
46. История родов русского дворянства: в 2 кн. / сост. П. Н. Петров. М.: Современник: Лексика, 1991. Кн. 2. 319 с.
47. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137.
48. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1063. Оп. 1. Д. 32.
49. Дурова Н. А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / сост., вступ. ст. и примеч. В. Б. Муравьева. – М.: Моск. рабочий, 1988. – С. 25–255.
50. Лабзина А. Е. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины // История жизни благородной женщины / сост., вступ. ст., примеч. В. М. Воковой. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 13–88.
51. Письмо А. П. Керн к П. В. Анненкову от апреля – мая 1859 г. // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 146–156.
52. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Детство и юность // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и примеч. И. И. Подольской. – М.: Правда, 1990. – С. 411–513.
53. Щепкина А. В. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и прим. И. И. Подольской. – М.: Правда, 1990. – С. 383–395.
54. Цебрикова М. К. Русские женщины-писательницы / Публикация Е. Строгановой // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. – Тверь: Лилия Принт, 2006. – С. 261–307.
55. Свешникова Е. П. О детях и взрослых: Статьи. Рассказы. Библиография / науч. ред. Е. Н. Строганова; изд. подгот. Е. Н. Строгановой, Т. А. Ильиной, Н. В. Острейковской. – Тверь: Лилия Принт, 2007. 268 с.
56. Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Правда, 1989. 480 с.
57. Найти ребенка внутри себя // Psychologies. – 2006. – № 11. – С. 118–144.
58. Бекетова М. А. Александр Блок. Биографический очерк // Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке / сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского; вступ. ст. С. С. Лесневского; Послел. А. В. Лаврова; примеч. Н. А. Богомолова. – М.: Правда, 1990. – С. 19–202.
59. Бекетова М. А. Шахматово. Семейная хроника // Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке / сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского; вступ. ст. С. С. Лесневского; послел. А. В. Лаврова; примеч. Н. А. Богомолова. – М.: Правда, 1990. – С. 349–570.

Attitude towards girls in noble families in the 18th – the middle of the 19th centuries

Anna V. Belova

The article is devoted to the attitude of adults towards girls in the families of Russian nobles in the 18th – middle of the 19th centuries as one of the significant problems in modern historiography of the history of everyday life. Based on the study of unpublished archival documents from the personal funds of noble families and published auto-documentary evidence, the author analyzes, correlated with the stages of the life cycle, the main manifestations of emotional reactions and preferences related to the birth of girls, parental care, and taking into account their interests and needs during childhood. The article explores the conjugation of stable collective ideas and separate individual intentions, finds out the factors influencing their transformation during the period under study. Particular attention is paid to the problems of subsequent self-reflection in relation to one's own childhood and parental attitudes recorded in ego-documents, manifestations of a conscious attitude to child education. In conclusion the author claims that the attitude towards girls in noble families was differentiated and contradictory, and could depend both on the individual predilections of adults and on the established power order in the family hierarchy.

Key words: historical ethnology, childhood, family, Russian noblewomen, noble girls.

For citation: Belova, A. V. (2023) Otnoshenie k devochkam v dvoryanskikh sem'yah v XVIII – seredine XIX veka [Attitude towards girls in noble families in the 18th – the middle of the 19th centuries]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 54–77. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_54

References

1. Bessmertnyj YU. L. (1994) Novaya demograficheskaya istoriya [New demographic history] // *Odissej. CHelovek v istorii* [Odysseus. Man in history]. 1994: Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii. Moscow: Nauka. Pp. 239–256. (In Russ.)
2. Pushkareva N. L. (1995) Sem'ya, zhenshchina, seksual'naya etika v pravoslavii i katolicizme: perspektivy sravnitel'nogo podhoda [Family, woman, sexual ethics in Orthodoxy and Catholicism: perspectives of a comparative approach] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 3. Pp. 55–70. (In Russ.)
3. Pushkareva N. L. (2005) «Istoriya povsednevnosti» i «Istoriya chastnoj zhizni»: sodержanie i sootnoshenie ponyatij ["History of everyday life" and "History of private life": content and correlation of concepts] // *Social'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social history. Yearbook], 2004. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN). Pp. 93–112. (In Russ.)
4. Geschichtswissenschaften: Eine Einführung / Hrsg. von Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2000. (In Germ.)
5. Iggers G. G. (1996) Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. (In Germ.)
6. Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. (In Germ.)
7. Borscheid P. Alltagsgeschichte – Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit? // Über das Studium der Geschichte / Hrsg. von W. Hardtwig. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1990. – S. 389–407. (In German.)
8. Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags / Hrsg. von H.Ch. Ehalt. – Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. (In Germ.)
9. Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion / Hrsg. von W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. (In Germ.)

10. Corbin A., Farge A., Perrot M. u.a. Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? / Hrsg. von M. Perrot. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1989. (In Germ.)
11. Pushkareva N. L. (2003) ZHenskaya istoriya, gendernaya istoriya: skhodstva, otlichiya, perspektivy [Women's history, gender history: similarities, differences, perspectives] // *Social'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social history. Yearbook], 2003. ZHenskaya i gendernaya istoriya / pod red. N. L. Pushkarevoj. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN). Pp. 9–44. (In Russ.)
12. Belova A. V. (2007) ZHenskaya dvoryanskaya povsednevnost' v kontekste genderno chuvstvitel'noj social'noj istorii [Female daily occurrence of the nobility in the context of gender social history] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. No. 2. Pp. 5–14. (In Russ.)
13. Belova A. V. (2005) ZHenskaya povsednevnost' kak predmet etnologicheskogo izučeniya [Women's everyday life as a subject of ethnological study] // *VI Kongress etnografov i antropologov Rossii* [VI Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia], Sankt-Peterburg, 28 iyunya – 2 iyulya 2005 g.: Tezisy dokladov / otv. red. YU.K. CHistov. Saint Petersburg: MAE RAN. Pp. 284–285. (In Russ.)
14. Belova A. V. (2005) «Mir zhenskogo detstva» v dvoryanskoj Rossii XVIII – serediny XIX v. kak metodologicheskaya problema istorii povsednevnosti [“The world of women's childhood” in noble Russia of the 18th – the middle of the 19th centuries as a methodological problem of the history of everyday life] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3/4. Pp. 28–38. (In Russ.)
15. Belova A. V. (2004) Povsednevnyaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka kak problema issledovaniya [Everyday life of a Russian provincial noblewoman of the late 18th – the first half of the 19th century as a research problem] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 1/2. Pp. 72–82. (In Russ.)
16. Lipp C. (1994) Alltagskulturfororschung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde // *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster: Westfälisches Dampfboot. S. 78–93. (In Germ.)
17. Davin A. (1994) Frauen und Alltagsgeschichte // *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster: Westfälisches Dampfboot. S. 37–58. (In Germ.)
18. Bridenthal R., Koonz C. (eds) (1977) *Becoming Visible: Women in European History*. Boston: Houghton Mifflin edition.
19. Perro M. (2003) *Istoriya pod znakom gendera* [History under the sign of gender] // *Social'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social history. Yearbook], ZHenskaya i gendernaya istoriya / pod red. N. L. Pushkarevoj. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN). Pp. 45–54. (In Russ.)
20. Krips G., Kon I. S., Pushkareva N. L., ZHerebkina I. A., Temkina A. A. (2000) Problemy i perspektivy razvitiya gendernyh issledovanij v byvsšem SSSR: obsuzhdenie temy «Transformiruy akademiyu» [Problems and prospects for the development of gender studies in the former USSR: discussion of the theme “Transforming the Academy”] // *Gendernye issledovaniya* [Gender studies]. No. 5. Pp. 8–43. (In Russ.)
21. Lauretis T. de. (2000) Ritorika nasiliya. Rassmotrenie reprezentacii i gendera [Consideration of Representation and Gender] // *Antologiya gendernoj teorii* [Anthology of Gender Theory]. sb. per. / sost. i komment. E. I. Gapovoj i A. R. Usmanovoj. Minsk: PROPILEI. Pp. 347–372. (In Russ.)
22. Kern A. P. (1987) Iz vospominanij o moem detstve [From memories of my childhood] // Kern (Markova-Vinogradskaya) A. P. *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin] / sost., vstup. st. i primech. A. M. Gordina. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 338–372. (In Russ.)
23. Smirnaya E.-A. V. (1883) Danila YAKovlevich Zemskoj. Odin iz ptencov Petra Velikogo [Danila Yakovlevich Zemskoy. One of the chicks of Peter the Great] / Soobshch. P. V. Lobanov // *Russkaya starina* [Russian antiquity]. T. 40. No. 10. Pp. 67–78. (In Russ.)
24. Rzhetskaya G. I. (2001) Pamyatnye zapiski [Memoirs] // *Institutki: Vospominaniya vospitannic institutov blagorodnyh devic* [Institute girls: Memoirs of pupils of institutes of noble maidens] / sost., podg. teksta i komment. V. M. Bokovoj i L. G. Saharovoj, vstup. stat'ya A. F. Belousova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 33–66. (In Russ.)
25. Dostoevskaya A. G. (2002) Vospominaniya [Memories]. Moscow: Zaharov. (In Russ.)
26. Dolgorukova N. B. (1990) Svoeruchnye zapiski [Handwritten notes] // *Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Notes and memoirs of Russian women of the 18th – the first half of the 19th centuries] / sost., avtor vstup. st. i komment. G. N. Moiseeva. Moscow: Sovremennik. Pp. 41–66. (In Russ.)
27. Moiseeva G. N. (1990) Kommentarii [Comments] // *Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Notes and memoirs of Russian women of the 18th – the first half of the 19th centuries] / sost., avtor vstup. st. i komment. G. N. Moiseeva. Moscow: Sovremennik. Pp. 450–454. (In Russ.)
28. Pushkareva N. L. (ed.) (1999) «A se grekhi zlye, smertnye...»: Lyubov', erotika i seksual'naya etika v doindustrial'noj Rossii (X – pervaya polovina XIX v.) [“And these sins are evil, mortal...”: Love, erotica and sexual ethics in pre-industrial Russia (X – the first half of the 19th century)] / sb. st. Moscow: Ladomir. (In Russ.)
29. Pis'mo V. A. ZHukovskogo k A. P. Zontag ot 5 marta 1824 g. [Letter from V. A. Zhukovsky to A. P. Sontag dated March 5, 1824] // *Pravitel'stvennyj Vestnik* [Government Bulletin]. 1904. Otdel'nyj otisk iz № 100: Grot K. V. A. ZHukovskij i A. P. Zontag. (K sorokoletiyu so dnya smerti A. P. Zontag 19-go marta 1864 goda). No. 8. P. 12. (In Russ.)

30. Kunin V. V. (ed.) (1986) Pis'mo P. V. Nashchokina k A. S. Pushkinu ot konca aprelya 1834 g. [Letter from P. V. Nashchokin to A. S. Pushkin dated the end of April 1834] // *Druz'ya Pushkina: Perepiska; Vospominaniya; Dnevnik* [Pushkin's Friends: Correspondence; Memories; diaries;] v 2 t. Moscow: Pravda. Vol. II. Pp. 347. (In Russ.)
31. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1407. Op. 1. D. 44. (In Russ.)
32. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1016. Op. 1. D. 39. (In Russ.)
33. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1016. Op. 1. D. 45. (In Russ.)
34. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1016. Op. 1. D. 93. (In Russ.)
35. Aksakov S. T. (1982) Semejnaya hronika [Family chronicle] // Aksakov S.T. *Semejnaya hronika; Detskie gody Bagrova-vnuka* [Family Chronicle; Childhood years of Bagrov-grandson] / Predisl. i primech. S. Mashinskogo. Moscow: Hudozh. lit. Pp. 24–222. (In Russ.)
36. Bok M. P. (1992) P. A. Stolypin: *Vospominaniya o moem otce* [P. A. Stolypin: Memories of my father]. Moscow: Sovremennik. Pp. 3–220. (In Russ.)
37. Kern A. P. (1987) Dnevnik dlya odnochnoveniya [Diary for relaxation] / Per. s fr. A. L. Andres // *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin] / sost., vstup. st. i primech. A. M. Gordina. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 167–337. (In Russ.)
38. Vul'f A. N. (1999) Dnevnik 1827–1842 [Diary 1827–1842] // *Lyubovnye pohozhdeniya i voennye pohody A. N. Vul'fa. Dnevnik 1827–1842 godov* [Love affairs and military campaigns of A. N. Wulf. Diary 1827–1842] / sost. E. N. Stroganova, M. V. Stroganov. Tver: Izdatel'skij Dom «Vsyä Tver'». Pp. 19–235. (In Russ.)
39. Otdel hraneniya dokumentov do 1917 goda Gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya goroda Moskvy «Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy» [Department for the storage of documents until 1917 of the State Budgetary Institution of the City of Moscow "Central State Archive of the City of Moscow"] (OHD do 1917 g. CGA Moskvy). F. 1870. Op. 1. D. 3. (In Russ.)
40. Slonimskaya L. (ed.) (1993) Pis'mo N. O. Pushkinoj k O. S. Pavlishchevoj ot 8 maya 1833 g. [Letter from N. O. Pushkina to O. S. Pavlishcheva dated May 8, 1833] // «*Mir Pushkina*» ["The World of Pushkin"]. Vol. 1: Pis'ma Sergeja Lvovicha i Nadezhdy Osipovny Pushkinyh k ih docheri Ol'ge Sergeevne Pavlishchevoj 1828–1835. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskij fond». No. 55. Pp. 150–152. (In Russ.)
41. Panaeva (Golovacheva) A. YA. (1972) *Vospominaniya* [Memories] // Panaeva (Golovacheva) A. YA. *Vospominaniya* [Memories] / pod obshch. red.: V. V. Grigorenko, S. A. Makashina, S. I. Mashinskogo, V. N. Orlova; Vstup. st. k. CHukovskogo; prim. G. V. Krasnova i N. M. Fortunatova. Moscow: Hud. lit. Pp. 19–388. (In Russ.)
42. Kern A. P. (1987) *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin] // Kern (Markova-Vinogradskaya) A. P. *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin] / sost., vstup. st. i primech. A. M. Gordina. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 33–62. (In Russ.)
43. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 103. Op. 1. D. 2619. (In Russ.)
44. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1403. Op. 1. D. 9. (In Russ.)
45. Kovalevskaya S. V. (1974) *Vospominaniya detstva* [Childhood memories] // Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti* [Memories. Tale] / otv. red. P. YA. Kochina. Moscow: Nauka. Pp. 9–89. (In Russ.)
46. Istorija rodov russkogo dvoryanstva [The history of the genera of the Russian nobility]; v 2 kn. / Sost. P. N. Petrov. Moscow: Sovremennik: Leksika. Kn. 2. 1991. (In Russ.)
47. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1063. Op. 1. D. 137. (In Russ.)
48. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1063. Op. 1. D. 32. (In Russ.)
49. Durova N. A. (1988) Kaval'erist-devica. Proisshestvie v Rossii [Cavalry girl. Incident in Russia] // Durova N. A. *Izbrannye sochineniya kavalerist-devicy* [Selected writings of a cavalry girl] / sost., vstup. st. i primech. V. B. Murav'eva. Moscow: Mosk. rabochij. Pp. 25–255. (In Russ.)
50. Labzina A. E. (1996) *Vospominaniya. Opisaniye zhizni odnoj blagorodnoj zhenshchiny* [Memories. Description of the life of a noble woman] // *Istorija zhizni blagorodnoj zhenshchiny* [Life story of a noble woman] / sost., vstup. st., primech. V. M. Bokovoj. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 13–88. (In Russ.)
51. Gordin A. M. (ed.) (1987) Pis'mo A. P. Kern k P. V. Annenkovu ot aprelya – maya 1859 g. [Letter from A. P. Kern to P. V. Annenkov dated April – May 1859] // *Kern (Markova-Vinogradskaya) A. P. Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin]. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 146–156. (In Russ.)
52. Semenov-Tyan-SHanskij P. P. (1990) *Detstvo i yunost'* [Childhood and youth] // *Russkie memuary. Izbrannye stranicy. (1826–1856)* [Russian memoirs. Featured Pages. (1826–1856)] / sost., vstup. st., biogr. ocherki i primech. I. I. Podol'skoj. Moscow: Pravda. Pp. 411–513. (In Russ.)
53. SHCHepkina A. V. (1990) *Vospominaniya* [Memories] // *Russkie memuary. Izbrannye stranicy. (1826–1856)* [Russian memoirs. Featured Pages. (1826–1856)] / sost., vstup. st., biogr. ocherki i prim. I. I. Podol'skoj. Moscow: Pravda. Pp. 383–395. (In Russ.)

54. Cebrikova M. K. (2006) *Russkie zhenshchiny-pisatel'nicy* [Russian women writers] / Publikaciya E. Stroganovoj // *ZHenskij vyzov: russkie pisatel'nicy XIX – nachala XX veka* [Women's challenge: Russian writers of the 19th – the early 20th centuries] / pod red. E. Stroganovoj i E. SHore. Tver': Liliya Print. Pp. 261–307. (In Russ.)
55. Sveshnikova E. P. (2007) *O detyah i vzroslyh: Stat'i. Rasskazy. Bibliografiya* [About children and adults: Articles. Stories. Bibliography] / nauch. red. E. N. Stroganova; izd. podgot. E. N. Stroganovoj, T. A. Il'inoj, N. V. Ostrejkovskoj. Tver': Liliya Print. (In Russ.)
56. Kern (Markova-Vinogradskaya) A. P. (1989) *Vospominaniya. Dnevniki. Peregiska* [Memories. Diaries. Correspondence] / sost., vstup. st. i prim. A. M. Gordina. Moscow: Pravda. (In Russ.)
57. Najti rebenka vnutri sebya [Find the child inside you] // *Psychologies* [Psychology]. No. 11. 2006. Pp. 118–144. (In Russ.)
58. Beketova M. A. (1990) *Aleksandr Blok. Biograficheskij ocherk* [Alexander Blok. Biographical sketch] // *Beketova M. A. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Memories of Alexander Blok] / sost. V. P. Enisherlova i S. S. Lesnevskogo; Vstup. st. S. S. Lesnevskogo; Poslesl. A. V. Lavrova; Primech. N. A. Bogomolova. Moscow: Pravda. Pp. 19–202. (In Russ.)
59. Beketova, M. A. (1990) *SHahmatovo. Semejnaya hronika* [Chess. Family chronicle] // *Beketova M. A. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Memories of Alexander Blok] / sost. V. P. Enisherlova i S. S. Lesnevskogo; Vstup. st. S. S. Lesnevskogo; Poslesl. A. V. Lavrova; Primech. N. A. Bogomolova. Moscow: Pravda. Pp. 349–570. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.11.2022
Одобрена после рецензирования 14.12.2022
Принята к публикации 14.01.2023

«...он отравляет детскую душу»: учащиеся и российский кинематограф в начале XX в.

В. В. Карпова

В статье описывается, как российский кинематограф влияет на здоровье, психику и поведение учащихся низших и средних учебных заведений в начале XX в. На основе эволюции отношения к кино анализируются действия, предпринимаемые общественностью для защиты детей от пагубного влияния коммерческих кинематографов. Помимо обсуждения данного вопроса в периодической печати и на профессиональных съездах, предпринимались попытки устройства специальных детских сеансов, учебного кинематографа, введения частичного или полного запрета на посещение учащимися кинотеатров.

Особое внимание обращалось на прямую взаимосвязь посещения кинематографа с ростом подростковой преступности. Раскрываются возможности использования кинолент в организации учебной и внеучебной деятельности и факторы, препятствующие этому. Среди них – недостаток качественных кинолент, подходящих к содержанию учебных программ.

На основе анкетных данных учащихся изучено отношение самих подростков к кинематографу, его воздействие на становление их личности. Выяснено, что подавляющее большинство респондентов отмечали наличие влияния кинематографа на их повседневную жизнь, включая ухудшение самочувствия, чрезмерную возбужденность, переоценку ценностей. При этом, наряду с негативным влиянием, учащиеся отмечали и положительный эффект от просмотренных кинофильмов.

Ключевые слова: российский кинематограф, учащиеся, родители, кинокартина, детская преступность, нравственность, Россия в начале XX в.

Для цитирования: Карпова В. В. «...он отравляет детскую душу»: учащиеся и российский кинематограф в начале XX в. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 78–95. DOI 10.35231/25422375_2023_1_78

Введение

В конце XIX в. в культурную жизнь европейских государств стремительно ворвался кинематограф. Первоначально он привлекал публику скорее как техническая новинка, однако с расширением репертуара возрос интерес и к содержанию кинолент. В Российской империи в начале XX в. это привело к широкому обсуждению, с одной стороны, влияния демонстрируемой кинопродукции на нравственное состояние общества, а с другой – возможности использования кинематографа в просветительских целях, учитывая необычайную его демократичность, возможность посещения его представителями всех сословий, профессий и возрастов.

Журнал «Проектор» в 1916 г. писал: «...в то время, когда взрослые считали более удобным скрывать, что были в ... извините ... кинематографе, дети прямо, откровенно и искренно высказывали симпатии этому новому виду, тогда еще только развлечения» [1]. На первом съезде кинематографических деятелей, проходившем в 1911 г. в Москве, петербургский театровладелец К. Мильгрэн указал, что дети составляют едва ли не 40 % посетителей кинематографов [2, с. 262–263].

В этой связи как кинематографическая, так и родительская и педагогическая общественность развернула полемику о детях-кинозрителях, суть которой сводилась к следующим проблемам: следует ли запретить детям посещение киносеансов вообще (в связи с неподходящим репертуаром, в т. ч. негативно влияющим на нравственное становление личности ребенка, а также имея в виду вред, причиняемый кинематографом здоровью) и возможно ли создание отдельных, со специальными программами киносеансов для детей (и в этой связи – каким должен быть детский кинорепертуар). Наиболее отчетливо ее отражение прослеживается в материалах периодической печати 1910-х гг., а также в педагогических, кинематографических и иных съездах данного периода.

Изучение проблемы влияния кинематографа на учащихся позволит осветить один из аспектов истории повседневности российских школьников начала XX в. Вместе с тем в статье рассматриваются отдельные страницы истории российского кинематографа, а также истории педагогики в плане приме-

нения кинолент как средства обучения на уроках и во внеурочной детальности.

Вопросы истории развития российского кинематографа в дореволюционный период стали предметом научных исследований еще в ранний советский период. В работах советских авторов были освещены основные этапы становления российского кинематографа, процессы эволюции киноаппаратуры, совершенствования технологий киносъемки, изменение кинорепертуара, воплощение идей просветительского кинематографа, охарактеризована деятельность зарубежных и отечественных кинофирм, нарисованы портреты известных российских киноактеров [3–6].

На современном этапе исследователей интересует история развития кинематографа в отдельных регионах России [7–10], использование кинопродукции для решения задач воспитания и обучения [11–13]. Отдельно отметим относительно новое направление в исследовании – детский кинематограф [2]. При этом отношение к нему самих детей, в т. ч. учащихся низших и средних учебных заведений, которые могли посещать как общие киносеансы, так и специальные, организованные педагогами, только становится предметом исследования историков.

Целью данной статьи является изучение отношения учащихся низших и средних учебных заведений к кинематографу как средству развлечения и обучения в дореволюционной России, влияния кинематографа на повседневную жизнь школьников с точки зрения самих детей и взрослых. Задачами исследования являются следующие: охарактеризовать риски, которые, по мнению взрослых, существовали для ребенка при посещении кинематографа; определить позитивное и негативное воздействие кинематографа, отмеченное непосредственно учащимися, на них самих и их знакомых; выявить принимаемые общественностью меры противодействия негативному влиянию кинематографа на учащихся.

Исследование осуществлено на основе анализа результатов анкетирования обучающихся, а также материалов российской дореволюционной педагогической и кинематографической прессы.

Результаты

По словам современников, в самом начале XX в. зрители не слишком интересовались кинопрограммой – важен был «самый факт демонстрирования, никогда не виданный ими» [7, с. 223]. Однако, когда эффект новизны прошел, все чаще стали обращать внимание на качество фильмов и, как следствие, на допустимость их просмотра детьми. Учитывая рост численности кинематографов (в 1913 г., по неполным данным, в Петербурге их было уже 134, в Москве – 67 [7, с. 45]), они становились все доступнее для широкой публики, включая и учащихся.

При этом пресса отмечала, что многие фильмы по своему содержанию не понятны для детей младшего школьного возраста, в 30–40 % кинолент фигурируют разнообразные мошенничества [14], комедийные же ленты настолько глупы и пошлы, что не несут никакого воспитательного потенциала. Первый Всероссийский вегетарианский съезд в 1913 г. призвал вести «борьбу с ядом, льющимся в душу подрастающего поколения из получивших такое огромное распространение кинематографов, главным содержанием которых являются картины всевозможных жестокостей, убийств, охоты, поединков, насилий, преступности всякого рода и картин половой распущенности» [15, с. 326].

В 1910-е гг. в прессе вышел ряд статей, в которых раскрывалось влияние кинематографа на детскую преступность. Автор одной из них, А. И. Зак, привел многочисленные примеры того, как дети, чтобы попасть на киносеанс, начинали просить милостыню, заниматься мелким воровством, прежде всего у домашних, а потом «где придется» [16, с. 22–25]. Сам киносеанс, проходивший в темноте, в свою очередь открывал возможности для совершения краж у увлеченных зрителей [14, с. 11].

Одновременно формировалось и подражательство приключениям, красивой жизни, виденной на экране, что толкало детей на необдуманные поступки. Показателен пример Татьяны Я., девочки 13 лет, которая, будучи в наказание заперта дома, спустилась вниз со второго этажа по водосточной трубе. «На вопрос, как она не побоялась разбиться, девочка ответила, что в электрическом театре показывают и не такие спуски. И там

герои все-таки всегда живы остаются» [16, с. 22]. Истории других девочек повествуют о том, как в погоне за мечтой, сказкой, увиденной на экране, они соглашались на сожительство и переезд в другой город с незнакомыми мужчинами, нередко в дальнейшем толкавшими их на воровство [16, с. 26–27].

В итоге автор пришел к следующему выводу: «Массовое движение детей в кинематограф и та легкость, с какой в этом движении совершаются преступления, уже сами по себе могут вызвать самые серьезные опасения и выдвинуть вопрос о том, как бороться с современным кинематографом, как с одним из факторов преступности. Но кинематограф страшен не только тем, что устремление в него сплошь да рядом покупается ценою преступления, – он страшен, помимо того, сам по себе, как фактор, крайне вредно влияющий на неустойчивую детскую психику» [16, с. 24].

Еще одна проблема, рассматривавшаяся общественностью, – влияние кинематографа на здоровье детей, в первую очередь на зрение. Это было связано с несовершенством самих киноаппаратов, частое мигание которых вызывало быстрое утомление глаза. Эксперименты с показом кинолент в освещенном зале не стали решением проблемы, поскольку в этом случае резко ухудшалось качество изображения на экране. При устройстве детских сеансов рекомендовалось делать перерывы между картинами, чтобы дать возможность отдохнуть глазам.

Борьба с негативным влиянием кинематографа на нравственность детей вылилась в запреты на посещение кинотеатров в отдельных регионах сначала в вечернее время, после 6 ч. вечера [17], а с начала 1914/15 учеб. года и полностью. Приняв к рассмотрению прошение 52 матерей о запрете посещения кинематографа учащимися низших и средних учебных заведений, попечительский совет с одобрения министра народного просвещения Л. А. Кассо единогласно утвердил данный запрет.

Соответствующий циркуляр попечителя Санкт-Петербургского учебного округа гласил:

«Идя навстречу просьбам родителей оградить учащихся детей от растлевающего влияния торговых кинематографов и признавая с своей стороны

безусловный вред, который приносит юной психике зрелище картин порнографического или криминального содержания, а равным образом вред чрезмерного развития детского воображения, чему способствуют картины всяких невероятных приключений, я нахожу необходимым запретить учащимся в средних и низших учебных заведениях посещение кинематографических сеансов без особого в каждом отдельном случае разрешения ближайшего начальства» [18].

Однако с момента появления кинематографа российская общественность обратила внимание и на возможность его использования в целях просвещения. Уже в 1896 г. Русское техническое общество начало систематическое устройство киносеансов в Петербурге для сопровождения лекций, в 1898 г. кинематограф начал применять Одесский лекционный комитет для народных чтений, а в 1902 г. на Первом съезде преподавателей естественной истории учебных заведений Московского учебного округа учителем П. Богодаровым был сделан специальный доклад об использовании кинематографа как наглядного пособия по естественным дисциплинам [5, с. 68–69].

Препятствием к распространению просветительского кинематографа стало отсутствие возможности купить в России кинопроектор, удобные переносные аппараты, а также недостаточное количество кинолент соответствующего содержания. С 1907–1908 гг., когда в Петербурге и Москве начались продажи киноаппаратуры и были открыты конторы по прокату кинолент, происходит становление просветительского кинематографа [5, с. 69].

Точных цифр по выпущенным хроникально-документальным картинам нет, но, по данным С. С. Гинзбурга, только в 1907–1908 гг. зарегистрированы и описаны 225 подобных фильмов [5, с. 68]. Лидером в создании просветительных (преимущественно видовых) лент была фирма братьев Пате, однако с 1911 г. началось производство научно-просветительных лент по физике, биологии, медицине и другим наукам и в России фирмой А. Ханжонкова [6, с. 35].

В скором времени началось открытие просветительских кинематографов в городах, устройство специальных сеансов в кинотеатрах для школьников (в дневное время и по льготной цене) и даже учебных кинематографов при отдельных

средних учебных заведениях. Журнал «Сине-фоно» в 1912 г. писал:

«Провинциальные газеты пестрят заметками о том, что в том или ином городе директор гимназии или начальник училища по соглашению с местным кинематографом устроил сеанс для своих питомцев по специальной научной программе, выбранной и одобренной педагогическим советом» [19].

Разрабатывались и специальные программы просветительскими обществами. Например, секция гигиены, воспитания и образования Нижегородского отдела общества охранения народного здравия в 1913 г. разработала 23 программы «разумного кинематографа»: семь – по географии (пользовались наибольшей популярностью), четыре – естественнонаучные, три – литературно-исторические, две – гигиенические, семь – специальные детские. Всего было проведено 102 сеанса, которые посетили 8550 чел., из них 6064 (70,9 %) учащихся и детей [4, с. 8; 20]. По неполным данным, в 1908–1914 гг. работали несколько десятков просветительских кинематографов, до 1917 г. появились несколько сотен кинематографов при средних учебных заведениях и в некоторых случаях для обслуживания народных училищ [5, с. 78].

При этом сохранялась проблема подбора качественных фильмов, соответствующих образовательным программам. Создавались централизованные склады фильмов и портативных проекторов, издавались специальные каталоги фильмов для «разумного кинематографа». Однако проведенное среди земств анкетирование показало, что 90 % демонстрируемых на занятиях кинолент не имели отношения к курсу начальной школы. В Мстиславском реальном училище самими педагогами было создано около 30 комбинированных лент специально под школьную программу, для чего потребовалось 75 исходных фильмов [21].

Вместе с тем появились экранизации отечественной и зарубежной литературы («Преступление и наказание», «Война и мир», «Обрыв», «Камо грядеши», «Хижина дяди Тома» и др.), художественные фильмы на историческую тематику («Царица Савская», «Падение Трои», «Нерон», «Спартак», «Марк Антоний и Клеопатра», «Варфоломеевская ночь»), а также

по отечественной истории («Дмитрий Донской», «Марфа-посадница», «Стенька Разин», «Петр Великий», «Княжна Тараканова», «Оборона Севастополя» и др.).

Однако в них отмечалось огромное количество исторических ошибок и несообразностей. «Большинство лент на исторические темы, как и многие исторические романы и повести, полны грубых анахронизмов, вроде: Пушкин, едущий в автомобиле, Марфа Посадница на гильотине и т. п.» [22, с. 94]. Н. А. Саввин пересказывал сюжет ленты «Спартак», в которой герой триумфально входит в Рим, становится командиром всех гладиаторов Рима, а в итоге оказывается брошен на растерзание львам. «Можно ли еще свободнее обращаться с историей?» – вопрошает автор. И приходит к заключению: «Кино – при настоящем своем состоянии – не даст настоящего исторического знания, подсовывая вместо него недоброкачественный суррогат в научно-воспитательном смысле» [23, с. 197–198].

Учитывая все «за» и «против», приводившиеся взрослыми в отношении кинематографа и его влияния на учащихся, интересно изучить мнение о нем самих учеников и понять, в чем для них состояла привлекательность кинематографа и что, наоборот, вызывало их недовольство и неодобрение. С этой целью проанализируем ответы трех анкет, проведенных среди учащихся в начале XX в.

А. И. Зак провел анкетирование среди учащихся 14 московских мужских и женских учебных заведений различного типа, расположенных как в центре, так и на окраинах Москвы. Всего анкеты заполнили 1123 ребенка. На вопрос: «Что вам больше нравится: интересная книжка или кинематограф и почему» были получены такие результаты. 54,3 % опрошенных высказались за книгу, 40,9 % – за кинематограф, 4,8 % – за то и другое одинаково. Сторонники кинематографа поясняли свой выбор: «Здесь всё живое, всё переживаешь...», «больше воодушевляет», «кинематограф представляет саму жизнь, а книга – только рассказ про нее».

В противовес приведем ответ ученицы 2-го класса повышенного городского училища. «В кинематографе я не могу думать, а смотреть на бегающие фигурки неинтересно». «В кино лучше показаны внешние явления, а в книге чувства и нравы людей». Ученица 4-го класса писала, что из книги «яснее пред-

ставляешь себе, что ты за человек, какая твоя цель в жизни, приносишь ли ты пользу человечеству. Я... на все эти вопросы не получала ответы, посещая кинематограф» [16, с. 17–19]. «В кинематографических картинах, – ответил мальчик из 1-го класса повышенного городского училища, – ничего полезного не узнаешь, кроме дурного» [16, с. 27].

Для 194 детей из двух учебных заведений были добавлены вопросы, касавшиеся Московского городского кинематографа склада теневого кино (начал деятельность в 1912 г., с одним передвижным аппаратом устраивая специальные показы в училищах, приютах и рабочих домах; в 1912 г. состоялось всего пять сеансов для старшеклассников; в 1913 г. имел уже 154 тыс. посетителей [5, с. 79; 16, с. 29]). Одобрены его деятельность 134 ученика, 93 предпочли бы ему обычные киносеансы: «там картины разнообразнее, там веселее, туда можно чаще ходить, там музыка играет» [16, с. 29–30].

В этих ответах отражены типичные проблемы просветительского кино: нерегулярные, редкие сеансы, ограниченный репертуар, включавший преимущественно видовые и научные картины, нередко не сопровождавшиеся необходимыми пояснениями педагога.

Другая анкета была проведена в ноябре 1913 г. Н. Махавым, преподавателем нескольких учебных заведений г. Витебска, с целью определения степени влияния кинематографа на обучающихся и анализа оценки кинокартин самими обучающимися. Всего были опрошены 307 учеников, в т. ч. 52 гимназистки 7-го класса женской гимназии А. А. Варвариной, 150 гимназистов 7-х и 8-х классов мужских Александровской и гимназии И. Р. Неруша, 105 семинаристов 4–6-х классов. Результаты анкетирования были опубликованы в журнале «Русская школа» в 1916 г. [24] и позволяют проследить также некоторые гендерные отличия в восприятии кинематографа и кинолента.

Выяснилось, что не посещали кинематограф вообще 36 учащихся (11,7 %), из них 5 чел. – из-за отсутствия денег, пять семинаристов – из-за отсутствия времени (в интернате семинарии надо быть к 5.30 вечера, а сеансы в кинематографе начинались в 5 ч), т. е. по причинам, которые при определенных обстоятельствах могли исчезнуть. Таким образом, это не яв-

лялось их сознательным отказом от кино, а было временным вынужденным шагом. 13 чел. – ввиду пресыщения кинематографом, 5 чел. не устраивала обычная программа, и только 8 чел. (четыре гимназиста и четыре семинариста) не ходили в кинематограф из-за осознания его вреда [24, № 7, с. 124–125].

27 учащихся (8,7 %) посещали кинотеатры редко (от одного раза в месяц до нескольких раз в год) по внешним причинам: 12 чел. – из-за отсутствия денег, 15 – «вследствие стеснения инспекции» или семьи. При этом в отдельных анкетах этих учеников можно прочесть: «Если бы были деньги, ходил бы каждый день»; «Я сама всегда не прочь пойти туда, но родители мои против частого посещения кинематографа» [24, № 7, с. 126–127].

Часто посещающими кинематограф (от 2–3 раз в месяц до трех и более раз в неделю) оказались 128 учащихся (41,6 %). Причем те, кто отвечал: «2–3 раза в месяц», нередко прибавляли: «Хожу в кинематограф очень редко» [24, № 7, с. 127–128]. Из трех групп опрошенных чаще других в кинематографе бывали гимназисты, реже – семинаристы. Однако подавляющее большинство обучающихся бывали в кинематографе, стремились к его посещению, испытывали его воздействие.

70 % опрошенных отметили, что кинематограф не может оставить равнодушным, при этом наиболее сильное впечатление от просмотра фильмов отмечали гимназистки. У некоторых респондентов впечатление «продолжает жить в течение нескольких дней и даже месяцев, доводя наиболее впечатлительных не только до бессонницы, но даже до тяжелого кошмарного состояния, вызывая образы, близкие к галлюцинации» [24, № 7, с. 130]. Приведем несколько характерных ответов: «посещая кинематографы, часто устаешь настолько, что на следующий день не в состоянии идти на уроки»; «приходя из кинематографа, я нахожусь в таком возбуждении, что никак не могу заснуть; засыпаю только по принятии какого-нибудь сильного усыпительного средства» [24, № 6, с. 130].

256 учащихся (83,3 %) отметили вредное воздействие кинематографа на здоровье, из них 131 – жаловались на порчу зрения, 17 – на головную боль, 19 – на общее утомление, 21 – на нервное расстройство, по 9 чел. – на бессонницу и хандру. Те, кто жаловался на ухудшение зрения, отмечали, что осо-

бенно плохо они себя чувствовали после видовых картин, демонстрирующих природу, поскольку быстро менялась масса разнородных зрительных ощущений [24, № 6, с. 133–134]. 3,9 % опрошенных отметили, что любовные драмы и фильмы для взрослых «пробуждают настолько сильно половое чувство, что и придя домой, не скоро приходишь в спокойное состояние» [24, № 7, с. 136].

Помимо физического, отмечался и нравственный вред: у 12 чел. «порождает нехорошие движения чувств», у девяти – развивает скептицизм, разочарованность или, наоборот, склонность к мечтанию, 5 чел. отметили, что кино дает «неправильную картину жизни», 4 чел. – портит убеждения и характер, 3 чел. – «приучает легко смотреть на порок» [24, № 6, с. 131–132].

Для иллюстрации данной статистики приведем еще одну цитату из анкеты:

«Я всегда следила за развитием драм на экране с таким захватывающим вниманием, что даже часто дыхание спиралось в моей груди... Я всегда чувствую себя после кинематографа какой-то разбитой, измученной, усталой. Всякие маленькие мои переживания повседневной жизни мне кажутся ничтожными, хотя до кинематографа они мне казались очень важными. Мне не хочется за что бы то ни было взяться, и я абсолютно не могу сосредоточиться на чем бы то ни было. Даже теперь, когда я пишу эти строки и припоминаю то настроение, которое овладевало мною после сильных драм, мое настроение меняется к худшему, и я чувствую нечто такое, что не могу выразить словами» [24, № 7, с. 131].

Интересно, что 26 учащихся (8,4 %) высказались в пользу закрытия кинотеатров для детей вообще ввиду «пагубного, развращающего действия». «Я бы не советовал воспитывать детей на кинематографе; он производит на детей развращающее влияние», – писал один из гимназистов. А вот отрывок из анкеты семинариста. «Изображая ужасы жизни в преувеличенном виде, кинематограф разбивает всякие идеальные стремления и может, пожалуй, некоторых довести до самоубийства». «...он отравляет детскую душу», – заключала гимназистка [24, № 6, с. 132–133].

Н. Махаев сделал вывод, что «как способ восприятия кинематографа, так и образ реагирования на его воздействия

не оставляет сомнения в том, что он определенным образом воспитывает подрастающее поколение», причем эта роль выполняется даже при слабом влиянии кинематографа на учащегося [24, № 7, с. 133].

Среди наиболее любимых жанров кинокартин 211 чел. (68,4 %) отметили драму, 96 (31,2 %) – научные картины, 69 (22,4 %) – комедию, 39 (12,7 %) – хронику. Интерес к драмам сами респонденты объяснили в том числе тем, что они расширяют умственный кругозор и подготавливают к жизни, разъясняют значение и смысл страданий, воспитывают характер [24, № 7, с. 134]. Из драм учащиеся предпочли исторические (30,9 %), причем для гимназисток они также оказались привлекательнее любовных драм [24, № 6, с. 125; № 7, с. 133].

Говоря о пользе кинематографа, учащиеся отметили, что он позволяет ознакомиться с современной жизнью (17,9 %), новыми странами (12,3 %), историей (5,2 %); воспитывает и облагораживает характер (6,5 %), дает возможность отдохнуть и развлечься (10,4 %) [24, № 7, с. 135].

Еще одна анкета была проведена учеником 7-го класса челябинского реального училища Михаилом Голубых в конце 1914 г. В опросе приняли участие 297 учащихся училища, большинство (227) из 1–4 классов [25].

26 учеников 1–4 классов (9 % опрошенных) отметили, что никогда не посещали кинематограф. 29,8 % заявили, что бывают в кино часто, т. е. не реже одного раза в неделю, еще 13,4 % – три раза в месяц и чаще [25, с. 75]. Данные опроса показывают резкое снижение частоты посещения кинотеатров учащимися 7-го класса (всего 12 %). 48 % учащихся бывали в кинематографе в учебное время, еще 12 – и в учебное, и в каникулярное. Автор статьи пояснил, что это связано в том числе с отсутствием достойных альтернатив организованного проведения досуга, а также с желанием «забыться» – не случайно очень популярными у них являлись комедийные ленты.

Интересно, что большинство младших школьников шли в кино намеренно, в т. ч. выбирая программу, а более 60 % старших (6–7-е классы) – случайно. Учебные картины, под которыми учащиеся подразумевали и видовые, и научные, и исторические, и хронику, и экранизацию художественных произведений, предпочитали в среднем 27 % опрошенных,

наибольшая их популярность отмечена в 3, 4, 7-х классах. В 1–4-х классах учащиеся выделяли полезность, научность, познавательность данных картин. Начиная с 5 класса резко возросла популярность драм, комедий, «пикантных» картин.

С родителями или родными ходили в кино 33 % учащихся, с товарищами или одни – 67 %, при этом если в 1-м классе с родителями посещали кинотеатр 46 % детей, то в 4-м классе – 13 %, в 5-м классе – 8 %, а в 6–7-х – никто: «с родителями чувствую себя стесненно», «очень не люблю сидеть с гимназисткой на глазах родителей», «бываю в кинематографе преимущественно с барышнями» [25, с. 82]. Автор статьи отмечал, что юношам негде легально встречаться с девушками, поэтому кинотеатр стал своего рода клубом, куда можно пойти с барышней.

На первом месте по популярности оказались комедии (24,3 %): «рассеивают дурное настроение», позволяют развлечься, «посмеяться от души и забыть всякие невзгоды». На втором – драмы (19,9 %): «для понятия жизни», «за правдоподобные сюжеты», «интересно, как человек вывернется». «Драмы из обыденной жизни, где человек стремится побороть в себе все дурное, где участвует человек с определенными убеждениями, наделенный хорошими задатками. Герои этих картин являются моими героями» [25, с. 84–87].

Вредное влияние кинематографа можно видеть из следующих ответов учеников 5–6-х классов: «предпочитаю пикантные, потому что заставляют бушевать молодую кровь», «более предпочитаю с шансонетками», «нецензурные» [25, с. 87].

Приведенные анкетные данные показали в целом привлекательность кинематографа для школьников, одновременно подтвердив опасения, связанные с вредным воздействием киносеансов в целом и отдельного кинорепертуара на неокрепшее здоровье и психику детей и подростков.

Обсуждение и выводы

Таким образом, кинематограф в начале XX в. в России превратился в одно из наиболее популярных и доступных развлечений, которое по достоинству оценили не только взрослые, но и дети. Но по мере того, как проходило первое очарование технической новинкой, общественность все больше внимания начала уделять качеству кинопродукции, ее соответствию

нуждам потребителей, среди которых значительный процент составляли дети и учащаяся молодежь.

Уже к концу 1900-х гг. был поставлен вопрос о формировании особых программ для детских киносеансов, о необходимости выпуска специальных детских кинолент. Чаще всего детские сеансы включали видовые фильмы, безобидные комедии, сказки (очень благожелательно была принята публикой и прессой «Сказка о рыбаке и рыбке», выпущенная в 1911 г.).

Однако такие сеансы устраивались нерегулярно, а репертуар кинопрограмм не всегда был исключительно детским.

«Если в московских кинематографах считают нужным на детских сеансах "по специальной детской программе", как пишется в анонсах, включать в программу танго и роман между "графом" и "кафешантанной этуалью", то что же можно ждать от провинциального театровладельца...», – писал «Сине-Фоно» в 1914 г. [26].

Преобладание низкопробных кинолент, оказывающих негативное воздействие как на психику, так и на нравственность учащихся, заставляла общественность включиться в борьбу за запрещение посещения частных кинематографов учащейся молодежью. При этом запреты устанавливались первоначально в рамках отдельных регионов, что позволяло, например, ученику из столицы, уехавшему на каникулы в Москву или в провинцию, без ограничений посещать кинематографические сеансы [2, с. 365].

Запреты и ограничения, в свою очередь, делали посещение кинематографа еще более привлекательным, заставляя учащихся проявлять выдумку, чтобы их обойти. Н. Махаев писал: «Некоторые из учащихся в устной беседе откровенно заявляли, что после запрещения они стали чаще посещать кинематографы: они заинтересовались "развлечением, доступным только для взрослых". <...> Желая провести наблюдающую инспекцию, учащиеся не останавливаются ни перед какими средствами, не стесняясь перемены форменного платья на костюм сомнительной профессии, прибегая к некоторому гриму (подвешиванию бороды и пр.)» [24, № 7, с. 142].

Параллельно наблюдалась и иная тенденция: развитие просветительского, учебного кинематографа, внедрение кино-

лент как учебного пособия на школьных уроках и устройство специальных учебных киносеансов во внеурочное время. Прогресс наметился благодаря выпуску в 1912 г. фирмой «Патэ» удобного в эксплуатации и недорогого проектора «Кок», в котором использовалась особая негорючая пленка. Благодаря этому можно было организовать передвижной кинематограф и в деревне.

Первый Всероссийский съезд по вопросам народного образования в январе 1914 г. признал научный кинематограф учебным пособием, «способствующим наглядности обучения и расширению кругозора учащихся», и одновременно необходимость борьбы против «развращающего влияния уличного кинематографа» [15, с. 12].

Проведенные в 1913–1914 гг. опросы учащихся в разных регионах России подтвердили большое влияние кинематографа на становление личности обучающихся, их физическое, психическое и нравственное здоровье. Многие учащиеся готовы были воспринимать содержание кинолент как средство расширения кругозора, получение знаний не только об окружающем мире, но и о взаимоотношениях, моделях поведения в современном обществе, как своеобразную «энциклопедию жизни». Лишь небольшая часть опрошенных отмечала равнодушие к кинолентам, отсутствие интереса к кино вообще, причем некоторые по причине пресыщенности, признавая наличие сильных эмоций к кино в прошлом.

Список литературы

1. Проектор. – 1916. – № 19. – С. 3.
2. Ковалова А. О. Дореволюционное кино и ... дети // Киноведческие записки. – 2010. – № 94/95. – С. 362–377.
3. Лихачев Б. С. Кино в России (1896–1927): материалы к истории русского кино. Ч. 1: 1896–1913. Л.: АСАДЕМІА, 1927. 209 с.
4. Лурье С. Страничка истории. Культурно-просветительный и научный кинематограф // Советское кино. – 1927. – № 1. – С. 8–9.
5. Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. 406 с.
6. Лебедев Н. А. Очерк истории кино СССР. Немое кино. 2-е изд. М.: Искусство, 1965. 583 с.
7. Ковалова А. О., Цивьян Ю. Г. Кинематограф в Петербурге, 1896–1917: кинотеатры и зрители. СПб.: Мастерская СЕАНС: Скрипториум, 2011. 236 [1] с.
8. Ковалова А. О. Кинематограф в Петербурге, 1907–1917: кинопроизводство и фильмография. – СПб.: Скрипториум: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 381 [1] с.

9. Луговая А. В. Ярославские обыватели и кинематограф в начале XX в. // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 3. – Т. 1. – С. 51–54.

10. Алексеева Е. П. «Разумный» кинематограф в дооктябрьской Казани: роль профессора Л. О. Даршкевича в становлении просветительского кино // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158. – Кн. 4. – С. 995–1001.

11. Юстус И. В., Мосина С. В. Основные направления использования средств киноискусства в воспитании личности в начале XX века (на примере Симбирской губернии Ульяновского округа) // Казанский педагогический журнал. – 2008. – № 9. – С. 120–124.

12. Карпова В. В. Кинематограф в преподавании истории в российских школах в начале XX века // Модернизация в России: история, политика, образование: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. В. В. Карпова. – Вып. 7. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 87–92.

13. Никитина Т. Е. Незаменимая живая иллюстрация: научно-просветительский кинематограф в Симбирской губернии в начале XX в. // Симбирский научный вестник. – 2016. – № 1 (23). – С. 95–99.

14. Ромм Г. Кинематограф и детская преступность // Кинематограф. – 1916. – № 3. – С. 10–11.

15. Съезды по народному образованию: сборник постановлений и резолюций всероссийских и областных съездов по вопросам народного образования (школьного, внешкольного и дошкольного) с подробным сводным алфавитным указателем содержания / сост. В. И. Чарнолуский. Пг.: журн. «Вестн. нар. образования», 1915. 345 с.

16. Зак А. И. Кинематограф и детская преступность // Журнал уголовного права и процесса. – 1913. – № 4. – С. 17–27.

17. Сине-Фоно. – 1911. – № 11. – С. 9.

18. Вестник кинематографии. – 1914. – № 16/96. – С. 13.

19. Сине-Фоно. – 1912. – № 6. – С. 14.

20. Сине-фоно. – 1914. – № 13. – С. 31.

21. Белоусов Е. К вопросу о практическом применении кинематографа в школе // Сине-фоно. – 1912. – № 5. – С. 19–20.

22. Никонов Л. «Научный» кинематограф // Русская школа. – 1916. – № 1. – С. 84–99.

23. Саввин Н.А. Кинематограф на службе у истории и литературы // Вестник воспитания. – 1914. – № 8. – С. 183–201.

24. Махаев Н. Кинематограф и учащиеся // Русская школа. – 1916. – № 5–6. – С. 119–136; № 7. – С. 122–147.

25. Л. С. Кинематограф и учащиеся (Ученическая анкета) // Свободное воспитание. – 1916–17. – № 2. – С. 75–90.

26. Сине-Фоно. – 1914. – № 9. – С. 12.

"...it poisons the child's soul": pupils and Russian cinema at the beginning of the 20th century

Veronika V. Karpova

The article reveals the question of influence of Russian cinema on health, psyche and behavior of pupils of lower and secondary schools in the early 20th century. Based on the evolution of attitudes towards cinema, the actions taken by the public to protect children from the harmful influence of commercial cinemas are analyzed. This issue was discussed in press and at professional congresses. Attempts were made to arrange special children's cinema screen-

ings, educational cinematography, and to introduce a partial or complete ban on students visiting cinemas. Particular attention was paid to the direct relationship of cinema visits with the growth of juvenile delinquency. The possibilities of using films in the organization of educational and extracurricular activities and the factors that prevented this are revealed. For example, there is a lack of high-quality films suitable for the content of educational programs. The attitude of teenagers to cinema, its impact on the formation of their personality on the basis of questionnaires of pupils is studied. It was found out that the majority of respondents noted the influence of cinema on their daily lives: deterioration of well-being, excessive excitement, overestimation of values. At the same time, along with the negative influence, the pupils noted the positive effect of the films they watched.

Key words: Russian cinema, pupils, parents, motion picture, child crime, morality, Russia at the beginning of the 20th century.

For citation: Karpova, V. V. (2023) «...on otravlyayet detskuyu dushu»: uchashchiesya i rossijskij kinematograf v nachale XX veka ["...it poisons the child's soul": pupils and Russian cinema at the beginning of the 20th century]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 78–95 (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_78

References

1. *Proektor* [Projector]. (1916). No. 19. P. 3. (In Russ.)
2. Kovalova A. O. (2010) *Dorevolucionnoe kino i ... deti* [Pre-revolutionary cinema and... children] // *Kinovedcheskie zapiski* [Film studies notes]. No. 94/95. Pp. 362–377. (In Russ.)
3. Lihachev B. S. (1927) *Kino v Rossii (1896–1927): Materialy k istorii russkogo kino. Ch. 1: 1896–1917* [Cinema in Russia (1896–1927): Materials for the History of Russian Cinema. P. 1: 1896–1917]. Leningrad: ACADEMIA. (In Russ.)
4. Lur'e S. (1927) *Stranichka istorii. Kul'turno-prosvetitel'nyj i nauchnyj kinematograf* [A page of history. Cultural, educational and scientific cinematography] // *Sovetskoe kino* [Soviet cinema]. No. 1. Pp. 8–9. (In Russ.)
5. Ginzburg S. S. (1963) *Kinematografiya dorevolucionnoj Rossii* [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.)
6. Lebedev N. A. (1965) *Ocherk istorii kino SSSR. Nemoe kino* [An essay on the history of cinema of the USSR. Silent movies]. Izd-e 2-e. Moskva.: Iskusstvo. (In Russ.)
7. Kovalova A. O., Civr'yan YU. G. (2011) *Kinematograf v Peterburge, 1896–1917: kinoteatry i zriteli* [Cinematography in St. Petersburg, 1896–1917: cinemas and audiences]. Saint Petersburg: Masterskaya SEANS: Skriptorium. (In Russ.)
8. Kovalova A. O. (2012) *Kinematograf v Peterburge, 1907–1917: kinoproizvodstvo i fil'mografiya* [Cinematography in St. Petersburg, 1907–1917: film production and filmography]. Saint Petersburg: Skriptorium: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. (In Russ.)
9. Lugovaya A. V. (2011) *Yaroslavskie obyvateli i kinematograf v nachale XX v.* [Yaroslavl philistines and cinema in the early twentieth century] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 3. Vol. 1. Pp. 51–54. (In Russ.)
10. Alekseeva E. P. (2016) «Razumnyj» kinematograf v dooktyabr'skoj Kazani: rol' professora L. O. Darshkevicha v stanovlenii prosvetitel'skogo kino ["Reasonable" cinema in pre-October Kazan: the role of Professor L. O. Darshkevich in the formation of educational cinema] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Humanities series]. Vol. 158. kn. 4. Pp. 995–1001. (In Russ.)
11. YUstus I. V., Mosina S. V. (2008) *Osnovnye napravleniya ispol'zovaniya sredstv kinoiskusstva v vospitanii lichnosti v nachale HKH veka (na primere Simbirskoj gubernii Ul'yanovskogo okruga)*

[The main directions of using the means of cinematography in the education of personality at the beginning of the twentieth century (on the example of the Simbirsk province of the Ulyanovsk district)] // *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. No. 9. Pp. 120–124. (In Russ.)

12. Karpova V. V. (2015) *Kinematograf v prepodavanii istorii v rossijskikh shkolah v nachale XX veka* [Cinema in the teaching of history in Russian schools at the beginning of the twentieth century] // *Modernizaciya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie* [Modernization in Russia: history, politics, education]: sb. materialov Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. V. V. Karpova. Vyp. 7. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 87–92. (In Russ.)

13. Nikitina T. E. (2016) *Nezamenimaya zhivaya illyustraciya: nauchno-prosvetitel'skij kinematograf v Simbirskoj gubernii v nachale XX v.* [An irreplaceable living illustration: scientific and educational cinematography in the Simbirsk province at the beginning of the twentieth century] // *Simbirskij nauchnyj vestnik* [Simbirsk Scientific Bulletin]. No. 1 (23). Pp. 95–99. (In Russ.)

14. Romm G. (1916) *Kinematograf i detskaya prestupnost'* [Cinema and child crime] // *Kinematograf* [Cinema]. No. 3. Pp. 10–11. (In Russ.)

15. CHarnoluskiy V. I. (ed.) (1915) *S'ezdy po narodnomu obrazovaniyu: Sbornik postanovlenij i rezolyucij vserossijskikh i oblastnykh s'ezdov po voprosam narodnogo obrazovaniya (shkol'nogo, vmeshkol'nogo i doshkol'nogo) s podrobnym svodnym alfavitnym ukazatelem soderzhaniya* [Congresses on public education: A collection of resolutions and resolutions of All-Russian and regional congresses on public education (school, extracurricular and preschool) with a detailed summary alphabetical index of the contents]. Petrograd: zhurn. «Vestn. nar. obrazovaniya». (In Russ.)

16. Zak A. I. (1913) *Kinematograf i detskaya prestupnost'* [Cinema and child crime] // *Zhurnal ugol'nogo prava i processa* [Journal of Criminal Law and Procedure]. No. 4. Pp. 17–27. (In Russ.)

17. *Sine-Fono* [Cine-Phono] (1911). No. 11. P. 9. (In Russ.)

18. *Vestnik kinematografii* [Bulletin of Cinematography]. (1914). No. 16/96. P. 13. (In Russ.)

19. *Sine-Fono* [Cine-Phono] (1912). No. 6. P. 14. (In Russ.)

20. *Sine-Fono* [Cine-Phono] (1914). No. 13. P. 31. (In Russ.)

21. Belousov E. (1912) *K voprosu o prakticheskom primenenii sinematografa v shkole* [On the question of the practical application of cinematography in school] // *Sine-Fono* [Cine-Phono]. No. 5. Pp. 19–20. (In Russ.)

22. Nikonov L. (1916) «*Nauchnyj*» *kinematograf* ["Scientific" cinema] // *Russkaya shkola* [Russian School]. No. 1. Pp. 84–99. (In Russ.)

23. Savvin N. A. (1914) *Kinematograf na sluzhbe u istorii i literatury* [Cinema in the service of history and literature] // *Vestnik vospitaniya* [Bulletin of Education]. No. 8. Pp. 183–201. (In Russ.)

24. Mahaev N. (1916) *Kinematograf i uchashchiesya* [Cinema and students] // *Russkaya shkola* [Russian School]. No. 5–6. Pp. 119–136; No. 7. Pp. 122–147. (In Russ.)

25. L. S. (1916–17) *Kinematografi uchashchiesya (Uchenicheskaya anketa)* [Cinema and students (Student questionnaire)] // *Svobodnoe vospitanie* [Free education]. No. 2. Pp. 75–90. (In Russ.)

26. *Sine-Fono* [Cine-Phono]. (1914). No. 9. P. 12. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.11.2022

Одобрена после рецензирования 21.12.2022

Принята к публикации 26.12.2022

Социальные эксперименты и поиск оптимальных путей в формировании нового института родительства в 1900–1930-е гг.*

Н. А. Мицюк, Н. А. Пушкарева

В статье проводится сравнительно-исторический анализ семейной политики, реализуемой в дореволюционной России и в первые десятилетия утверждения советской власти. Новизна подхода состоит в попытке исследования преемственности социальных преобразований. Исследование основано на источниках нормативного характера, делопроизводственных материалах, научных и научно-популярных работах. В 1900–1917 гг. были предложены ключевые идеи и принципы охраны материнства и детства, которые были масштабированы в первые десятилетия советской власти. Их специфика состояла в ориентации на либеральную западную модель социальной помощи, доминировании адресной поддержки, учете низовых инициатив и вовлеченности широких общественных кругов.

В условиях Советской России стала формироваться социал-демократическая модель семейной политики, основанная на этакратическом гендерном порядке. Социальная политика в области охраны материнства не была четко определена и формировалась в результате социальных экспериментов. Охрана материнства и детства стала рассматриваться в качестве важнейшего направления социальных преобразований и продвижения новой идеологии советского государства. Впервые была введена модель массовой, вседоступной, типовой социальной помощи. В то же время сложная система управления, бюрократизм и игнорирование низовых инициатив затрудняли реализацию многочисленных предложений.

Ключевые слова: охрана материнства и детства, социальная история, история материнства, Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества, Отдел охраны материнства и младенчества, деткомиссия.

Для цитирования: Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Социальные эксперименты и поиск оптимальных путей в формировании нового института родительства в 1900–1930-е гг. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 96–116. DOI 10.35231/25422375_2023_1_96

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00625 «Родительство в контексте семейной и репродуктивной политики в новейшей истории России: социально-исторический, медико-антропологический анализ». © Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., 2023

Введение

В современных российских реалиях изучение опыта социальной политики в области охраны материнства и детства в различные исторические периоды определяется демографическими вызовами, которые стоят перед российским обществом и поиском оптимальной модели семейной политики. На протяжении последних 15 лет принимаются многочисленные программы по преодолению демографических проблем и формированию оптимальной модели семейной политики. Однако снижение суммарного коэффициента рождаемости, признаки депопуляции, выраженные в отрицательном естественном приросте, интенсификация и индивидуализация жизни, приводящие к появлению и распространению новых репродуктивных установок молодого поколения, требует от академического сообщества консолидации и фундированного изучения тенденций в развитии института родительства в историческом прошлом и настоящем России.

Исторические исследования семейной политики, как правило, ограничены региональными рамками изучения темы [1], имеют строгие хронологические рамки [2–4], мало используют актуальные теоретические подходы и концепции и сосредоточены в основном вокруг изучения охраны детства [4]. Затруднен междисциплинарный диалог. Для зарубежных историков особый интерес представляла система защиты материнства и детства, сформированная в СССР [5–7].

Новизна представленного исследования состоит в попытке провести сравнительно-исторический анализ между семейной политикой, реализуемой в дореволюционной России (1900–1917) и в первые десятилетия утверждения советской власти (1918–1930-е).

Исследование основано на использовании нормативного материала: законодательства, инструкций, распоряжений различных государственных инстанций, а также делопроизводственных материалов общественных организаций. Также были привлечены научные и научно-популярные работы (в основном медицинского характера). Использовались архивные материалы РГИА (фонд 767 Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества), ГАРФ (фонд А-2306 Минпроса РСФСР, фонд Р-5207 деткомиссии ВЦИК).

Ключевыми явились подходы социологов и демографов о существовании различных моделей социальной семейной политики [8]. Значимой явилась концепция социального конструирования реальности, согласно которой социальные институты (в частности семья, родительство) во многом являются результатом общественных изменений, трансформации представлений об идеалах заботы, о норме и патологии в исполнении соответствующих социальных ролей [9].

Логика статьи состоит в попытке провести сравнение реализуемой семейной политики в двух выделенных периодах по следующим проблемным линиям: 1) цели реализуемой политики, 2) институты и агенты политики в области охраны материнства и детства, 3) ключевые направления.

Результаты

Цели политики в сфере охраны материнства и детства

Впервые термин «охрана материнства и младенчества» появился в общественном дискурсе в конце XIX в. До этого не существовало единой социальной политики в данной сфере, но реализовывались отдельные меры по поддержке материнства и детства (открытие детских приютов, родильных домов, детских больниц, адресная помощь бедным семьям). В 1900-е гг. проблема охраны материнства и младенчества стала активно обсуждаться представителями различных социальных кругов. Сила обсуждения была такова, что современники дали ему название «*материнское движение*» [10]. Одна из причин – лидерство России среди стран Западной Европы по уровню младенческой смертности. Только в Московской губернии на первом году жизни погибали до 60 % младенцев [11, с. 4].

С началом Первой мировой войны тема сохранения жизни детей стала звучать в новом свете. Забота о детях и матерях стала символом обновления России. В условиях военного времени меры по охране материнства и младенчества не только не пошли на убыль, как считают ряд исследователей [12, с. 31], их обсуждение приобрело особенно интенсивный характер [13]. Первая мировая война обнажила проблему детской жизни и смерти, в связи с чем охрана материнства и детства ста-

новились символом жизни, проявлением гуманизма гражданского населения, оборотной стороной ужасов войны [14].

Важной причиной проведения соответствующей социальной политики явилась трансформация самого института родительства в связи с изменениями в семейно-брачных отношениях и попыткой государства предотвратить снижение рождаемости. Женщины все активнее осваивали разные социальные роли, материнство переставало быть их единственной сферой для самореализации, все это требовало активного включения властей в решение проблем охраны материнства и детства.

В 1920-е гг. цели семейной политики оставались прежними – решение демографического вопроса [15], который обострился в условиях социальных катастроф, вызванных последствиями революционных событий, Первой мировой войны, Гражданской войной. Детская смертность, инфантицид, масштабный размах детской беспризорности – всё это приводило к тому, что семейная политика становилась ключевой в социальных преобразованиях советской власти. Вместо термина «охрана материнства и младенчества» стал утверждаться термин «охрана материнства и детства».

По сравнению с предшествующим периодом семейная политика явилась отражением новой идеологии социалистического государства. Классовая политика изменяла систему распределения социальных благ в обществе, положение социальных групп и предлагала принципиально новый подход к решению женского вопроса. Женское население активно включалось в сферу трудовых отношений, провозглашалось его освобождение от традиционных социальных ролей [16, с. 95].

Революционная советская идеология требовала изменения семейного и трудового законодательства, которое позволило бы женщине совмещать активную профессиональную деятельность и материнство [17, с. 43–44]. Материнство провозглашалось социальной функцией женщины, а охрана детства – обязанностью государства¹. Стал формироваться этатократический гендерный порядок [8, с. 92]. Ребенок становился предметом государственной заботы и контроля.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 210.

Институты и агенты политики в области охраны материнства и детства

В начале XX в. отсутствовал центральный орган власти, определяющий направление семейной политики и меры в области охраны материнства и детства. Инициативы в этом направлении исходили не столько от органов государственной власти, а рождались на местах, имели «низовой» характер. Они реализовывались на уровне земских и городских органов власти, общественных и благотворительных организаций. Частная и общественная инициативы были определяющими в реализации мер в области охраны материнства и детства. Особое место заняли представители врачебного сообщества.

Заявления общественности о необходимости законодательной поддержки матерей звучали также в рамках всероссийских женских съездов [18]. Сложно согласиться с выводами зарубежных исследователей [19, с. 102, 354], которые полагали, что российское правительство приступило к решению проблемы охраны материнства и детства без должного на то обсуждения в обществе.

Создаваемая модель социальной политики в области охраны материнства и детства ориентировалась на западную модель. Государство стало инициировать создание различных комиссий, проведение съездов заинтересованных лиц для обсуждения вопросов, связанных с охраной материнства и детства [20, л. 31–46 об.].

В 1912 г. был организован Первый Всероссийский съезд деятелей по борьбе с детской смертностью и охране раннего детства. По его результатам власти организовали Отдел борьбы с детской смертностью и охраны детства. Охрана материнства, борьба с детской смертностью была признана «делом государственного значения» [21].

По результатам экспертных обсуждений, изучения лучшего зарубежного опыта было признано, что недостаточно частных и общественных инициатив по охране материнства и младенчества, необходима единая общероссийская программа действий и активное включение государства в решение данного вопроса [22]. Таковым центром стало Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества, основанное 31 мая 1913 г. в Санкт-Петербурге.

В кратчайшие сроки, несмотря на военное время, была сформирована эффективная структура управления Попечительства, включающая в себя сеть региональных отделений [21]. Попечительство имело принципиально новый организационный статус. С одной стороны, оно выполняло функции министерства (координация деятельности всех организаций, осуществлявших социальную семейную политику, наличие сети представительств в регионах, существенное государственное финансирование, привлечение к работе видных государственных деятелей), с другой – имело черты благотворительного учреждения (многочисленные низовые инициативы, демократический стиль управления, привлечение частного финансирования). Во главе Попечительства находился совет, ему подчинялся исполнительный комитет совета и общее собрание уполномоченных [23].

Учитывая широту направлений деятельности и планируемый географический охват, были выделены специальные тематические комиссии (административная, финансовая, врачебно-техническая, редакционная и справочно-статистическая) и местные комитеты (отделы), которых к 1917 г. насчитывалось более 100 не только в губернских, но и в уездных городах [24]. Комиссиям вменялось исполнение конкретных функций: разработку законодательных предложений, научно-врачебную, учебную и просветительскую, справочно-статистическую, организационную деятельность, организацию специальных заведений (приютов для беременных, родовспомогательных учреждений, лечебниц для послеродовых заболеваний, колоний для детей, детских больниц), комплекс мер по реализации патронажного ухода (помощи на дому роженицам, родильницам и детям, «посемейное призрение», консультаций для беременных, детей, «Капля молока», яслей) [23]. Отделы имели такую же четкую структуру, что и центральные органы Попечительства.

В первые десятилетия советской власти отсутствовал единый центр координации соответствующей политики. Она была рассредоточена в различных органах власти: сфере здравоохранения, просвещения и социального призрения. В то же время охрана материнства и детства была выделена в отдельное направление социальных преобразований через создание

в различных наркоматах соответствующих отделов, комиссий, коллегий.

В первое десятилетие сохранялась путаница, и функции этих комиссий часто пересекались, чем затрудняли общее руководство. Отсутствовал единый план социальных изменений в данной области, поэтому политика формировалась через социальные эксперименты, что подтверждается значительным числом законодательных актов, принятых в эти два десятилетия.

При наркомате призрения (с апреля 1918 переименован в наркомат социального обеспечения) 1 января 1918 г. была создана Коллегия по охране и обеспечению материнства и младенчества (вошли А. М. Коллонтай, Н. Д. Королев, Е. Я. Миндлинг, Ф. К. Скрибинский, И. П. Шувалов), которая должна была в кратчайшие сроки разработать комплекс мер по организации охраны материнства и детства в новых условиях¹. Коллегия стала преемницей Всероссийского попечительства, собственность которого была национализирована [25; 26, с. 101]. В губерниях и уездах были открыты отделы и комиссии по охране материнства в различных органах исполнительной власти. Впоследствии она стала именоваться Отдел охраны материнства и младенчества (ОММ), который возглавила В. П. Лебедева.

Другим органом исполнительной власти, которому вменялось проводить политику в сфере охраны материнства и детства, становился наркомат народного просвещения. Его функции были сосредоточены на открытии и координации деятельности детских приютов, яслей и детских садов [27, с. 343]. Наркомпрос стал ключевым органом исполнительной власти в 1920-е гг. по решению проблем, связанных с борьбой с детской беспризорностью, а также с обеспечением детей необходимыми продуктами питания.

По аналогии с дореволюционным периодом значительный функционал в области ОММ был закреплен за медицинскими органами власти – Народным комиссариатом здравоохранения, при котором были открыты отделы охраны материнства и младенчества (координировали учреждения для детей до трех лет, а также роддома, женские консультации) и отде-

¹ Там же. С. 210.

лы охраны здоровья детей и подростков¹. В 1920 г. по инициативе В. П. Лебедевой функции охраны материнства и младенчества были переданы из ведения наркомата социального обеспечения в ведение наркомата здравоохранения [28]. При наркомздраве был также выделен отдел охраны здоровья детей и подростков, который в 1938 г. был объединен с ОММ.

Отдельные аспекты охраны материнства и детства вменялись Народному комиссариату труда, отделу по работе среди женщин (женотделы и женсоветы), учреждаемых при ЦК и местных комитетах РКП(б) по работе с женщинами [29].

В 1920-е гг. сохранялась путаница и межведомственная разобщенность. Для координации действий наркоматов создавались межведомственные органы (совет охраны здоровья детей и подростков (1919) с равным представительством членов от наркомата просвещения и здравоохранения для решения вопросов общей компетенции; совет защиты детей (представители наркоматов просвещения, здравоохранения, продовольствия и труда). Регулярно проводились всероссийские, а затем всесоюзные совещания по охране материнства и младенчества (1920, 1923, 1925, 1929), которые, несмотря на формировавшийся бюрократический аппарат власти, сохраняли элементы «профессиональной демократии» [12, с. 33].

Преодолеть путаницу с управлением, согласовывать работу всех государственных учреждений в области охраны детства была призвана учрежденная при ВЦИК чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей (деткомиссия ВЦИК) и борьбе с детской беспризорностью (1921–1938), созданная по инициативе Ф. Э. Дзержинского [30]. Ее главная задача состояла в контроле всех детских учреждений, независимо от их ведомственной принадлежности. Была создана сеть региональных отделов деткомиссии.

В 1930-е гг., в связи с обострением демографических проблем, государство стало уделять особое внимание репродуктивной политике. В структуре Народного комиссариата здравоохранения СССР была организована комиссия по родовспоможению, а затем отдел родовспоможения Наркомздрава СССР (1938) [31, с. 20–22], которые были призваны координировать деятельность сети родильных отделений, вести учет материнской

¹ Там же. С. 688.

и младенческой смертности, предлагать меры по предупреждению абортотв.

Основные направления политики в сфере охраны материнства и детства

В первые десятилетия XX в. был сформулирован подход, согласно которому охрана материнства и младенчества должна включать в себя комплекс мероприятий, связанных с поддержанием женского репродуктивного здоровья, помощью работающим и бедным матерям, организацией учреждений общественного воспитания, а также патронажем беременных и новорожденных. В этот период было предложено и опробовано на практике значительно число инициатив, большая часть которых поступала не со стороны государства, а от частных лиц и общественных организаций. Впервые была озвучена мысль, что охрана материнства должна распространяться на все слои общества, а не только на беднейшие [32]. Российские специалисты активно сотрудничали с западными коллегами, часто используя их опыт в реализации соответствующей политики.

Забота о репродуктивном здоровье. В 1910-е г. акушеры и гинекологи стали приводить убедительные доводы в пользу того, что заботу о матерях и младенцах необходимо начинать с момента наступления беременности. Врачебный патронаж, по их мнению, должен был выражаться в профессиональном ведении беременности и родовых консультациях [33], звучали идеи о пользе введения систематического контроля над женским репродуктивным здоровьем начиная с возраста ранней юности.

Консультации для беременных женщин были признаны в качестве *«первого звена в системе охраны материнства и младенчества»* [33]. В крупных городах по частной инициативе стали открываться экспериментальные «убежища для матерей», куда помещали женщин, чья беременность протекала с осложнениями, при родильных отделениях – консультации для беременных [34].

С вовлечением женщин в сферу общественного производства была озвучена идея о необходимости поддержки беременных женщин-работниц. Высказывались мысли о том, что

государственная поддержка должна превратить материнство в общественно полезный труд [35, с. 6–9]. Впервые на государственном уровне права беременных и матерей-работниц были отражены в страховом законе 1912 г., который предоставлял беременным работницам шестинедельное пособие по случаю родов. Полагалось, что на помощь государственным кассам страхования должны были прийти частные [35; 36].

Забота о роженице выражалась в открытии родильных отделений различного уровня. Медицинский дискурс утверждал идею того, что клиническое родовспоможение должно стать единственной правильной и безопасной формой родов [37]. Однако в первые десятилетия XX в. незначительный перевес стационарных родов над домашними наблюдался исключительно в столичных городах. Общероссийские данные демонстрировали доминирование народного акушерства. В то же время в дореволюционный период были разработаны принципы организации родильных домов и отделений, характер взаимодействия пациенток и профессионалов, найдены оптимальные архитектурные решения. Происходила коммерциализации гинекологической помощи за счет открытия соответствующих лечебниц и клиник.

Патронаж новорожденных был признан важной составляющей семейной политики [38]. В 1916 г. впервые была разработана система врачебного патронажа грудных детей [39]. Была озвучена идея развития просветительского патронажа на дому «патронажными сестрами». Идея тесной связи консультаций для матерей с родильными отделениями была новаторской и прогрессивной для своего времени. Но она не получила широкого практического применения. Были организованы различные по характеру общества, ставившие себе цель помогать матерям в уходе за их грудными детьми. Обосновывалась важность подготовки специального медицинского персонала, ориентированного на охрану здоровья матерей и детей [40].

Детские ясли и сады стали рассматриваться в качестве средства помощи работающим матерям. Отсутствовала четкая система и постоянство в их функционировании, так как финансирование учреждений напрямую зависело от частной инициативы. Помимо Попечительства активную деятель-

ность по открытию городских, сельских яслей оказывали многочисленные благотворительные общества.

Питание новорожденных. Важным средством борьбы с младенческой смертностью стала организация питания новорожденных. Панацей для многих стало распространение искусственного детского питания. Первые питательные пункты в России по примеру западных организаций («Капля молока») появились в начале XX в. К 1910 г. функционировало около 40 одноименных обществ по всей России. С началом войны повсеместное распространение искусственного питания происходило благодаря открытию молочно-заготовительных станций, молочных кухонь и питательных пунктов [41–43].

Пропаганда «идеального материнства» и материнской сознательности занимала важное место в реализуемой семейной политике. С конца XIX в. было опубликовано значительное количество научных работ, посвященных уходу за младенцами и гигиене беременных и рожениц. Классической стала работа В. Н. Жука «Мать и дитя» [44]. В 1915 г. появился журнал «Охрана материнства и младенчества», который на непродолжительное время стал центром публичных обсуждений инициатив в этой области.

В 1916 г. было организовано *Всероссийское общество памяти В. Н. Жука*, которое объединило различных специалистов, призванных реализовывать программы по развитию материнского просвещения. Их усилия воплотились в съемке первой короткометражной ленты для матерей под руководством профессора Кузьмина «Что нам следует знать» [45]. Среди медицинского сообщества появилось предложение открыть музей материнства [46]. В 1916 г. в Петрограде в качестве эксперимента были открыты курсы для матерей по вопросам воспитания и ухода за детьми дошкольного возраста [47].

Рационализация сексуальности. Аборты стали рассматриваться в качестве важной социальной и медицинской проблемы. В 1910-е гг. либеральными врачами, представительницами эмансипированных кругов стали озвучиваться идеи о необходимости легализовать аборты по медицинским и даже социальным показаниям, что рассматривалось в качестве средства борьбы с возросшими случаями плодоизгнания, инфантицида, подкидывания детей [48; 49]. Одной из обсуждаемых стала идея

о рационализации сексуальности и репродуктивной свободы прежде всего за счет распространения средств искусственной контрацепции [50].

Социальная политика зарождавшегося Советского государства в области охраны материнства и детства не была четко определена. Исследователи отмечают ее двойственность и противоречивость, называя поворот 1930-х гг. «великим откатом» после попыток искоренения «буржуазной семьи» как социального института в 1920-е гг. и освобождения женщин от материнских обязанностей [5; 7].

В первые годы советской власти семья перестала рассматриваться в качестве частного института, она стала объектом государственной политики. Противоречивость мер в области семейной политики отражалась на политике в сфере охраны материнства и детства. В 1920-е гг. происходила выработка оптимальной модели охраны материнства и детства. Содержание нормативных актов было обусловлено экстремальными условиями.

Рационализация деторождения и репродуктивные свободы. Наиболее противоречивой оказалась политика в области репродуктивных прав женщин. Тотальное освобождение женщин выразилось в признании ее политических и гражданских прав, продвижении новых законов о семье и браке. Принятое 16 ноября 1920 г. наркоматом юстиции и здравоохранения РСФСР постановление «Об охране здоровья женщин»¹, которое впервые в мире легализовало аборт по медицинским и социальным показаниям, стало логическим завершением дискуссии о контроле над рождаемостью, развернувшейся с конца XIX в.

То, что данный шаг был осуществлен, скорее, в интересах государства, чем в интересах женщин, доказывает слабая продуманность и плохая обеспеченность реализации закона. Не женщины, а специальные комиссии выносили решение о возможности производства бесплатного аборта [51]. Ставка была сделана на «абортную индустрию», а не на распространение политик предупреждения беременности и доступности средств искусственной контрацепции [52].

Ситуация кардинально меняется к середине 1930-х гг. Официальная пропаганда стала поддерживать идеи большой

¹ Там же. С. 681.

семьи и материнства и старалась повысить уровень рождаемости. Советское государство возвращалось к модели традиционной многодетной семьи и старалось закрепить в сознании советских женщин понятие «естественной» для них роли матери. Аборт признавался злом в ходе широкой агитационной кампании и был запрещен постановлением от 26 июля 1936 г.¹ Многие исследователи объясняют такой «откат» демографическими причинами и острой необходимостью роста числа населения [5].

Стационарное родовспоможение. В условиях советского здравоохранения стала формироваться новая система акушерской помощи, которая в первые десятилетия советской власти рассматривалась в качестве составной части политики в области охраны материнства и младенчества [53, с. 126]. Система советских роддомов наследовала основные принципы организации родильных отделений в императорской России, соотнося ее с социалистической реальностью.

Стационарное акушерство признавалось единственно правильным, в этой связи ставка была сделана на формирование системы родовспомогательных учреждений, значительный рост числа коек и массовое вовлечение женщин в систему стандартизированной и унифицированной акушерской, гинекологической помощи и различного рода патронажа. В 1930-е гг. было открыто более 50 тыс. коек в родильных домах и отделениях.

К 1940-м гг. были выработаны основные черты советской системы родовспоможения и заботы о женском репродуктивном здоровье, которая включала в себя систему женских консультаций, плановых гинекологических осмотров, родильные отделения различных уровней, в том числе колхозные роддома и фельдшерско-акушерские пункты. Более 97 % рождений в городах проходило в условиях стационарных отделений.

В условиях социалистической идеи равенства советское государство впервые в мире предоставило женщинам набор общедоступных, бесплатных, но в то же время стандартных, типовых услуг, связанных с родовспоможением и репродуктивным здоровьем.

В условиях родильных отделений происходила жесткая стандартизация форм медицинских учреждений, медицин-

¹ СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

ских процедур, алгоритма поведения врачей и акушеров [54, с. 105–106]. Выбор женщины в этой системе был ограничен. Советский роддом со стандартизированными процедурами, с жесткими представлениями о норме и патологии закреплял рожениц в качестве объекта для медицинских процедур и действий.

Охрана здоровья беременной. С введением всеобщей трудовой повинности и принятием 31 октября 1918 г. СНК РСФСР «Положения о социальном обеспечении трудящихся» особое внимание было уделено положению беременной, роженице и кормящей матери. Был расширен закон 1912 г. о страховании по беременности (увеличен срок отпуска, сокращение рабочего времени для матерей с грудными детьми, вводились пособия для кормящих матерей)¹, запрещены ряд тяжелых работ для беременных и сверхурочные работы².

Идея развития сети женских консультаций, озвученная и апробированная в дореволюционный период, получила распространение в СССР в виде консультаций: для беременных, гинекологических, по предупреждению беременности. Среди женщин распространялись санитарно-гигиенические профилактические мероприятия в быту и на производстве [55, с. 3]. Консультации находились в непосредственном ведении органов ОММ, здравотделов и должны были состоять из кабинетов для беременных и родильниц, гинекологических больных, социально-правового кабинета.

Охрана детства. Ключевая ставка была сделана на охрану именно детства, так как государство заявило о своей ответственности за воспитание и здоровье детей. Новое семейно-брачное законодательство ликвидировало различия между детьми, рожденными в браке и вне брака, порядок установления отцовства был упрощен³.

В 1920-е гг. было принято значительное число нормативных актов, направленных на сокращение детской беспризорности, достигшей колоссальных масштабов вследствие Гражданской войны, массового обнищания населения, голода, разрушения социальной инфраструктуры. С обострением социальных проблем в начале 1920-х гг., угрозы голода вводились меры

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление Совнаркума СССР. М., 1943. С. 667–668.

² Там же. С. 692.

³ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

по организации снабжения питанием бедных семей с детьми. В 1930-е гг. закреплялись основные типы детских домов¹.

Идеологически и практически закреплялся принцип общественного «внесемейного» воспитания детей, в связи с чем в 1930-е гг. повсеместно утверждалась система детских яслей и садов, которые были призваны создавать нового человека, раскрепощать и вовлекать трудящихся женщин в строительство страны и решать задачи культурной революции» [56]. Наблюдался стремительный рост числа мест содержания детей в детских учреждениях: с 25 тыс. в начале 1920-х гг. до 7,3 млн к 1938 г. [12, с. 37].

Пропаганда идеологии советского материнства стала активно реализовываться в 1930-е гг., в связи с изменением курса относительно семьи и роли советской матери. Активную агитационную работу проводило специальное Издательство охраны материнства и младенчества. В этот период было издано значительное число научно-популярной литературы, брошюр и пособий для матерей, проводились выставки, инициировалось создание различных общественных организаций (например, всероссийское общество «Друг детей», основанное в 1930 г.).

Однако все эти организации, по мнению исследователей, призваны были «выполнять задачу проводников господствующей идеологии в сфере детской политики, а не реализации инициатив снизу» [4, с. 112]. Несмотря на социалистическую идеологию, в изданиях доминировали подходы, обоснованные в дореволюционных изданиях.

Обсуждение и выводы

Анализ многочисленных мер в области охраны материнства и детства, проведенных в 1900–1930-х гг., несмотря на радикальные изменения общественной жизни, позволяют сделать вывод о преемственности социальной политики в данной сфере. В 1900–1917 гг. были предложены ключевые идеи и принципы охраны материнства и детства, которые нашли практическое применение в рамках деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и детства.

¹ СЗ СССР. 1935. № 35. Ст. 252.

Наследие Попечительства было использовано в первое десятилетие советской власти. Оно легло в основу построения советской системы охраны материнства и детства. Результаты и практики его были масштабированы на всю Россию и стали частью государственной концепции советской семейной политики.

Специфика подхода в области охраны материнства и детства в дореволюционный период состояла в доминировании адресной помощи, ориентации на беднейшие слои населения. Во многом формирующаяся модель имела черты либеральной семейной политики. Существенное влияние имели низовые инициативы и вовлеченность широких общественных кругов в реализацию соответствующей социальной политики.

В условиях Советской России стала формироваться социал-демократическая модель семейной политики, основанная на этакратическом гендерном порядке. Охрана материнства и детства стала рассматриваться в качестве важнейшего направления социальных преобразований и продвижения новой идеологии советского государства. Впервые была введена модель массовой, вседоступной, типовой социальной помощи. Государство стало единственным агентом продвижения социальной политики.

В отличие от дореволюционной России была сформирована сложная система управления по продвижению семейной политики. На практике была введена трехзвенная система охраны материнства и детства (женские консультации, родильные отделения, детские ясли, сады), которые сохранили актуальность до настоящего времени.

Список литературы

1. Афанасова Е. Н. Становление системы акушерско-гинекологической службы в первой половине 1920-х гг. (по материалам Восточной Сибири) // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 5. – С. 319–324.

2. Колганова Е. В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2011. – № 6. – С. 37–50.

3. Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – нач. XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 304 с.

4. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940. М., СПб.: ИРИ РАН. 2015. 384 с.

5. Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

6. Kirschenbaum L. A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. – N.Y.: Routledge, 2001.
7. Waters E. *The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 // The European Woman's history readers*. – Routledge, 2002. – Pp. 277–289.
8. Чернова Ж. В. *Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности*. СПб.: ЕУСПб, 2013. 288 с.
9. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995. 323 с.
10. Лозинский Е. Ю. *О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства // К свету. Научно-литературный сборник*. – СПб., 1904. – С. 31–8.
11. Куркин П. И. *Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг.* – М.: Москов. Губ. Зем., 1902. XLIV, 294 с.
12. *Историческая демография: сб. статей / ред. М. Б. Денисенко*. – М.: МАКС-пресс, 2008. – С. 13–73.
13. Мицок Н. А. *Охрана материнства и младенчества в России в условиях Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. – 2016. – № 1. – С. 86–101.
14. Коллонтай А. М. *Общество и материнство*. Пг.: Жизнь и знание, 1916. 20 с.
15. Гинзбург Б. С. *Охрана материнства и младенчества*. М.: Издательство ОММ, 1926.
16. Рябинина Н. В. *Социальная политика Советской России (октябрь 1917–1920-е гг.): Женщина, семья и дети в новом обществе*. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2004. 100 с.
17. Смулевич Б. *Материнство при капитализме и социализме*. М.: Соцэкгиз, 1936. 151 с.
18. Рогович М. *Долг государства по отношению к матерям и детям // Женский вестник*. – 1913. – № 2.
19. Стайтс Р. *Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930*. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
20. *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75.*
21. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 1.
22. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 27.
23. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 10.
24. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1795. Оп. 1. Д. 1.*
25. РГИА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 283.
26. Колюс Э. М. *Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940)*. – М.: Центральный институт усовершенствования врачей, 1954. 404 с.
27. *Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа // Сб. документов. 1917–1973 гг. / ред. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин*. М.: Педагогика, 1974. 562 с.
28. Лебедева В. П. *Охрана материнства и младенчества в стране Советов*. М.-Л.: Гос. мед. изд. 1934. 263 с.
29. Юкина И. И. *Феминизм в СССР // Гендер как инструмент познания и преобразования общества*. М., 2006.
30. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1.
31. *Сборник положений и инструкций по работе учреждений родовспоможения / ред. Д. Гинодман*. М.: Московский рабочий, 1940.
32. Мичник З. О. *Охрана младенчества // Охрана материнства и младенчества*. – 1917. – № 5. – С. 405–418.
33. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 154.
34. *Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г.* Пг., 1917.
35. Гинденс Е. Я. *Всероссийский фонд страхования Материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества*. – 1917. – № 1.
36. Редлих А. А. *Страхование материнства, как мера охраны его // Охрана материнства и младенчества*. – 1917. – № 2. – С. 129–146.
37. Мицок Н. А., Пушкарева Н. Л., Белова А. В. *Организация пространства первых родильных клиник в России (XVIII – начало XX в.) // Былые годы*. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 621–630.

38. Мицюк Н. А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщины в российском обществе. – 2015. – № 3. – С. 91–105.

39. Мичник З. О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // Охрана материнства и младенчества. – 1916. – № 3. – С. 28–55.

40. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 87.

41. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 51.

42. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 69

43. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 174

44. Жук В. Н. Мать и дитя. СПб.: Издание В. И. Губинского в г. Санкт-Петербург, 1906. 1166 с.

45. Троицкий И. В. Охрана материнства в Харькове // Охрана материнства и младенчества. – 1916. – № 1.

46. Михайлова А. Т. Музей по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. – 1917. – № 6. – С. 507–518.

47. Веремко В. А. Детские сады и вопрос социализации детей дошкольного возраста в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX начала XX в. // История повседневности. – 2017. – № 3 (5). – С. 99–112.

48. Покровская М. И. Вопрос расовой гигиены // Женский вестник. – 1914. – № 1. – С. 153.

49. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (ЦГИА СПб.). Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44.

50. Личкус Л. Г. Выкидыш с судебно-медицинской точки зрения. Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов. СПб.: Типография Орбита, 1911.

51. Вишневский А. Г., Сакевич В. И., Денисов Б. П. Запрет абортa: освежите вашу память // Демоскоп Weekly. – 2016. – № 707–708.

52. Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Зарождение биополитической модели рождаемости в XIX–начале XX в. // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – № 3. – С. 421–436.

53. Леви М. Ф. История родовспоможения в СССР. М.: АМН СССР, 1950. 202 с.

54. Каплан А. Л. Учебник акушерства и гинекологии. М.: Медгиз, 1960. 284 с.

55. Сборник инструктивных материалов по работе консультаций для женщин / ред. Д. М. Гиномдан и Н. Е. Гранат. М.: Институт санитарного просвещения, 1938.

56. Материалы IV Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию / ред. Е. Е. Цыглиной. М.–Л.: Наркомпрос РСФСР и Госиздат, 1929. 287 с.

Social experiments and the search for optimal ways in the formation of a new institution of parenthood in the 1900s and 1930s

Natalia A. Mitsyuk, Natalia L. Pushkareva

The authors of the article conduct a comparative historical analysis between the family policy implemented in pre-revolutionary Russia and in the first decades of the establishment of Soviet power. The novelty of the approach lies in an attempt to study the continuity of social transformations. The study is based on sources of a normative nature, office materials, scientific and popular science works of medical nature. In 1900–1917 key ideas and principles for the protection of motherhood and childhood were proposed, which were scaled up in the first decades of Soviet power. The specifics of the approach consisted in

focusing on the liberal Western model of social assistance, the dominance of targeted support, and taking into account grassroots initiatives. Under the conditions of Soviet Russia, a social-democratic model of family policy began to take shape, based on a statist gender order. Social policy in the field of maternity protection was not clearly defined and was formed as a result of social experiments. The protection of motherhood and childhood began to be considered as the most important direction of social transformations and the promotion of a new ideology of the Soviet state. For the first time, a model of mass, universally available, standard social assistance was introduced. At the same time, a complex management system, bureaucracy, and ignoring grassroots initiatives made it difficult to implement numerous proposals.

Key words: maternity and childhood protection, social history, maternity history, All-Russian guardianship of maternity and infancy, Department of maternity and infancy, Children's Commission.

For citation: Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2023) Sotsial'nyye eksperimenty i poisk optimal'nykh putey v formirovanii novogo instituta roditel'stva v 1900–1930-ye gg. [Social experiments and the search for optimal ways in the formation of a new institution of parenthood in the 1900s and 1930s]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 96–116. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_96

References

1. Afanasova E. N. (2015) *Stanovlenie sistemy akushersko-ginekologicheskoy sluzhby v pervoy polovine 1920-h gg. (po materialam Vostochnoy Sibiri)* [The formation of the obstetric and gynecological service system in the first half of the 1920s] // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University]. № 5. Pp. 319–324. (In Russ.)
2. Kolganova E. V. (2011) *Zarozhdenie sistemy ohrany materinstva i mladenchestva v Rossii v nachale XX v.* [The origin of the system of maternity and infancy protection in Russia at the beginning of the XX century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of the Moscow University. Episode 8: History]. № 6. Pp. 37–50. (In Russ.)
3. Sinova I. V. (2014) *Deti v gorodskom rossijskom sociume vo vtoroy polovine XIX–nach. XX v.* [Children in urban Russian society in the second half of the XIX–beginning XX century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
4. Smirnova T. M. (2015) *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940* [Children of the Soviet Country: from state policy to the realities of everyday life. 1917–1940]. M., SPb.: IRI RAN. (In Russ.)
5. Goldman W. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Kirschenbaum L. A. (2001) *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. N.Y.: Routledge.
7. Waters E. (2002) *The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937* // *The European Woman's history readers*. Routledge. Pp. 277–289.
8. Chernova Zh. V. (2013) *Sm'ja kak politicheskij vopros: gosudarstvennyj proekt i praktiki privatnosti* [Family as a political issue: state project and privacy practices]. SPb.: EUSPb. (In Russ.)
9. Berger P., Lukman T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium. (In Russ.)
10. Lozinskij E. Ju. (1904) *O nastojashhem i budushhem zhenskogo dvizheniya v svyazi s problemoj celomudriya i zadachami materinstva* [About the present and future of the women's movement in connection with the problem of chastity and the tasks of motherhood]. SPb. (In Russ.)
11. Kurkin P. I. (1902) *Detskaja smertnost' v Moskovskoj gubernii i ee uezdah v 1883–1897 gg.* [Infant mortality in the Moscow province and its counties in 1883–1897]. M. (In Russ.)
12. *Istoricheskaja demografija. Sb. statej.* (2008) [Historical demography. Collection of articles] / red. M. B. Denisenko. M.: MAKSpres. Pp. 13–73. (In Russ.)
13. Mitsyuk N. A. (2016) *Ohrana materinstva i mladenchestva v Rossii v uslovijah Pervoy mirovoj vojny* [The protection of motherhood and infancy in Russia in the World War I] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. № 1. Pp. 86–101. (In Russ.)
14. Kollontaj A. M. (1916) *Obshhestvo i materinstvo* [Society and motherhood]. Pg. (In Russ.)
15. Ginzburg B. S. (1926) *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. M.: Izdatel'stvo OMM. (In Russ.)

16. Rjabina N. V. (2004) *Social'naja politika Sovetskoj Rossii (oktjabr' 1917–1920-e gg.)*: Zhenshhina, sem'ja i deti v novom obshchestve [Social policy of Soviet Russia (October 1917–1920): Woman, family and children in a new society]. Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
17. Smulevich B. (1936) *Materinstvo pri kapitalizme i socializme* [Motherhood under capitalism and socialism]. M.: Socjkgiz. (In Russ.)
18. Rogovich M. (1913) *Dolg gosudarstva po odnoseniju k materjam i detjam* [The duty of the state towards mothers and children] // *Zhenskij vestnik* [Women's Bulletin]. № 2. (In Russ.)
19. Stajts R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nihilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [Women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and Bolshevism]. M.: ROSSPjN. (In Russ.)
20. *Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arxiv Russian (RGIA) [State Historical Archive (RSA)]. F. 1276. Op. 20. D. 75.*
21. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 1.
22. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 27.
23. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 10.
24. Gosudarstvennyj arxiv Rossijskoj federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 1795. Op. 1. D. 1.
25. RSHA. F. 767. Op. 2. D. 283.
26. Konjus Je. M. (1954) *Puti razvitiya sovetskoj ohrany materinstva i mladenchestva (1917–1940)*. [Ways of development of the Soviet protection of motherhood and infancy] M.: Central'nyj institut usovershenstvovaniya vrachej. (In Russ.)
27. Abakumov A. A., Kuzin N. P. (eds) (1974) *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobra-zovatel'naja shkola* [Public education in the USSR. Secondary school] // *Sb. dokumentov. 1917–1973 gg.* M.: Pedagogika. (In Russ.)
28. Lebedeva V. P. (1934) *Ohrana materinstva i mladenchestva v strane Sovetov* [Protection of motherhood and infancy in the country of Soviets]. M-L.: Gos. med. izd. (In Russ.)
29. Jukina I. I. (2006) *Feminizm v SSSR* [Feminism in the USSR] // *Gender kak instrument poznaniya i preobrazovaniya obshchestva*. M. (In Russ.)
30. RGIA. F. R-5207. Op. 1. D. 1.
31. *Sbornik polozhenij i instrukcij po rabote uchrezhdenij rodovspomozhenija* (1940). [Collection of regulations and instructions on the work of maternity institutions] / red. D. Ginodman. M.: «Moskovskij rabochij». (In Russ.)
32. Michnik Z. O. (1917) *Ohrana mladenchestva* [Protection of infancy] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 5. Pp. 405–418. (In Russ.)
33. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 154.
34. *Kratkij otchet o dejatel'nosti Vserossijskogo popechitel'stva ob ohrane materinstva i mladenchestva za 1916 g.* (1917) [Summary report on the activities of the All-Russian Guardianship for the Protection of Motherhood and Infancy] Pg. (In Russ.)
35. Gindens E. Ja. (1917) *Vserossiiskij fond strahovaniya Materinstva i mladenchestva* [All-Russian Maternity and Infancy Insurance Fund] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 1. (In Russ.)
36. Redlih A. A. (1917) *Strahovanie materinstva, kak mera ohrany ego* [Maternity insurance as a measure of its protection] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 2. Pp. 129–146. (In Russ.)
37. Mitsyuk N. A., Pushkareva N. L., Belova A. V. (2022) *Organizacija prostranstva pervyh rodil'nyh klinik v Rossii (XIX–nachalo XX v.)* [Organization of the space of the first maternity clinics in Russia (XVIII – early XX centuries)] // *Bylye gody. V. 17*. No 2. Pp. 621–630. (In Russ.)
38. Mitsyuk N. A. (2015) *Tandem «soznatel'noj materi» i vracha: zarozhdenie pediatričeskogo patronazha nad grudnymi det'mi v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [Tandem of a "conscious mother" and a doctor: the emergence of pediatric patronage of infants in Russia at the turn of the XIX–XX centuries] // *Zhenshhiny v rossijskom obshchestve* [Women in Russian society]. No 3. Pp. 91–105. (In Russ.)
39. Michnik Z. O. (1916) *Individual'noe prizrenie grudnyh detej i patronazh* [Individual nursing of infants and patronage] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 3. Pp. 28–55. (In Russ.)
40. RGIA. F. 767. Op.1. D. 87.
41. RGIA. F. 767. Op.1. D. 51.
42. RGIA. F. 767. Op.1. D. 69
43. RGIA. F. 767. Op.1. D. 174
44. Zhuk V. N. (1906) *Mat' i diťja* [Mother and child]. SPb. (In Russ.)
45. Troickij I. V. (1916) *Ohrana materinstva v Har'kove* [Protection of motherhood in Kharkov] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 1. (In Russ.)
46. Mihajlova A. T. (1917) *Muzej po ohrane materinstva i mladenchestva* [Museum for the Protection of Motherhood] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 6. Pp. 507–518. (In Russ.)
47. Veremenko V. A. (2017) *Detskie sady i vopros socializacii detej doskol'nogo vozrasta v dvorjansko-intelligentskih sem'jah Rossii vtoroj poloviny XIX nachala XX v.* [Kindergartens and the issue of socialization of preschool children in noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Istorija povsednevnosti* [History of everyday life]. № 3 (5). Pp. 99–112. (In Russ.)

48. Pokrovskaja M. I. (1914) *Vopros rasovoj gigieny* [The question of racial hygiene] // *Zhenskij vestnik* [Women's Bulletin]. № 1. (In Russ.)
49. *Central'ny'j gosudarstvenny'j istoricheskij arxiv g. Sankt-Peterburg (CzGIA Spb.)* [Central Historical Archive of St. Petersburg]. F. 2114. Op. 1. D. 44.
50. Lichkus L. G. (1911) *Vykidysh s sudebno-medicinskoj točki zrenija. Trudy IV sezda obshhestva rossijskikh akusherov i ginekologov* [Miscarriage from a forensic point of view. Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists]. SPb.: Tipografija Orbita. (In Russ.)
51. Vishnevskij A. G., Sakevich V. I., Denisov B. P. (2016) *Zapret aborta: osvezhite vashu pamjat'* [Prohibition of abortion: refresh your memory] // *Demoskop Weekly*. № 707–708 (In Russ.)
52. Micjuk N. A., Pushkareva N. L. (2021) *Zarozhdenie biopoliticheskoj modeli rozhdæemosti v XIX–nachale XX v.* [The origin of the biopolitical model of fertility in the XIX–early XX century] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. № 3. Pp. 421–436. (In Russ.)
53. Levi M. F. (1950) *Istorija rodovspomozhenija v SSSR* [History of maternity care in the USSR]. M.: AMN SSSR. (In Russ.)
54. Kaplan A. L. (1960) *Uchebnik akusherstva i ginekologii* [Textbook of obstetrics and gynecology]. M.: Medgiz. (In Russ.)
55. Ginodman D. M., Granat N. E. (eds) (1938) *Sbornik instruktivnykh materialov po rabote konsul'tacij dlja zhenshhin* [Collection of instructional materials on the work of consultations for women]. M.: Institut sanitarnogo prosveshhenija. (In Russ.)
56. Cyrlinoj E. E. (ed.) (1929) *Materialy IV Vserossijskogo s#ezda po doshkol'nomu vospitaniju* [Materials of the IV All-Russian Congress on Preschool Education]. M.–L.: Narkompros RSFSR i Gosizdat. (In Russ.)

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

60/40 %

Статья поступила в редакцию 19.01.2023

Одобрена после рецензирования 09.02.2023

Принята к публикации 19.02.2023

Влияние жилищных условий Санкт-Петербурга на здоровье детского населения второй половины XIX – начала XX в.*

Д. И. Гетьман

В статье на основе широкого круга источников выявляется взаимосвязь между жилищными условиями обитателей столицы Российской империи – Санкт-Петербурга и здоровьем детского населения, которое там проживало. Хронологические рамки исследования – вторая половина XIX – начало XX столетия. Этот период характеризовался количественными и качественными изменениями населения самого крупного на тот период времени города в России. Эти изменения стали последствиями модернизационного рывка, наблюдавшегося после падения крепостного права и масштабных реформ 1860-х гг., которые затронули в том числе и сферу жизнедеятельности российских городов.

В статье характеризуются основные причины неудовлетворительного санитарного положения Санкт-Петербурга, среди которых: большой приток рабочего населения, загрязнение воды, почвы, слабое развитие водопровода и канализации. В исследовании используются отчеты санитарных врачей, сделанные по результатам проведенных осмотров. Автор приходит к выводу, что на развитие санитарного дела в Санкт-Петербурге большое влияние оказала высокая детская смертность, которая была в прямой зависимости от уровня материального и санитарного благополучия жителей столицы во второй половине XIX в. А положительные изменения стали заметны лишь в начале XX столетия с развитием санитарии и гигиены.

Ключевые слова: санитария, масштабная урбанизация, жилищные проблемы, здоровье детского населения.

Для цитирования: Гетьман Д. И. Влияние жилищных условий Санкт-Петербурга на здоровье детского населения второй половины XIX – начала XX в. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 117–129. DOI 10.35231/25422375_2023_1_117

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>
© Гетьман Д. И., 2023

Введение

Сохранение и сбережение здоровья ребенка является одной из важнейших задач не только отдельно взятой семьи, но и всего общества. Для государства данный вопрос имеет большую важность, поскольку здоровье подрастающего поколения – это будущее нации. Врачи и медицинские работники стараются не допускать распространения заразных болезней среди детского населения и предотвращать любые случаи заражения.

В задачи школьных педагогов входит развитие умственных и физических способностей учащихся таким образом, чтобы обучение не наносило ущерба здоровью учеников. А родители должны создавать благоприятную домашнюю обстановку, а также собственным примером формировать нравственное отношение ребенка к своему здоровью. Таким образом, здоровье детского населения остается приоритетной задачей любого государства.

В центре внимания статьи – влияние жилищных условий столичного города Санкт-Петербурга на здоровье детей во второй половине XIX – начале XX в. Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо выяснить несколько факторов, а именно: как происходящие в Российской империи исторические процессы повлияли на уклад жизни общества, в каких санитарных условиях проживало население Петербурга в исследуемый период и как санитарные условия могли влиять на физическое и умственное состояние подрастающего поколения.

Статья написана с использованием широкого круга источников: архивных документов, публицистических произведений, периодических изданий, делопроизводственных и статистических материалов.

Различные аспекты повседневной жизни населения, особенно крупных городов, всегда вызывали интерес специалистов. Но в то же время не все темы оказывались в сфере внимания научной общественности. Одной из таких тем и оказалась влияние квартирных условий на здоровье детского населения столицы Российской империи Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. И это неслучайно. Дело в том, что эти две составляющие долгое время рассматривались отдельно друг от друга.

Так, в трудах дореволюционных авторов В. О. Михневича [1], М. Г. Диканского [2] и современных – Б. Н. Миронова [3], Е. Д. Юхневой [4], Д. М. Демидович [5; 6] получили довольно обстоятельное рассмотрение жилищные условия населения Петербурга в изучаемый период. Авторами исследовались вопросы, связанные с развитием доходных домов в Санкт-Петербурге: обустройство жилищ, основные права и обязанности домовладельцев и жильцов.

Благодаря данным работам можно представить санитарную обстановку в столице империи во второй половине XIX – начале XX в. Различные аспекты городской жизни населения столичного города, а также вопросы гигиены детства и санитарии рассмотрены в статьях С. В. Зайцевой [7], В. А. Веременко [8–11], О. А. Семеновской [12]. И. В. Синова [13] и А. В. Федькина [14], которые посвятили свои исследования анализу положения трудящегося населения, его повседневной жизни, а также естественного движения населения Санкт-Петербурга. Стоит отметить монографию И. И. Юкиной «Русский феминизм как вызов современности» [15], в которой характеризуется общественная деятельность М. И. Покровской, изучавшей жилищных условий бедного населения Петербурга.

Результаты

К середине XIX столетия Российская империя оставалась аграрной страной, в которой подавляющее большинство населения (более 85 %) проживало в сельской местности [16, с. 27–29]. В то же время избыток сельского населения в определенной мере компенсировался за счет выезда части трудоспособного мужского населения, особенно после уборки урожая, на сезонные заработки в городскую местность. Эти сезонные работники были преимущественно заняты на строительных и дорожных работах. Однако до определенного времени их временное пребывание в различных губернских, уездных городах серьезного воздействия на жилищную сферу этих населенных пунктов не оказывало.

Ситуация начала стремительно меняться после падения крепостного права и резкого всплеска урбанизационных процессов, особенно в европейской части Российской империи. Большие массы вчерашних крепостных крестьян двинулись

в города. Наибольший приток россиян на протяжении всех пореформенных десятилетий наблюдался преимущественно в самых крупных городах Российской империи – Санкт-Петербурге и Москве. Так, например, численность населения столицы России характеризовалась следующей динамикой: в 1800 г. – 220 тыс., в 1818 г. – 386 тыс., в 1869 г. – 667,2 тыс., в 1881 г. – 861,3 тыс., в 1890 г. – 954,4 тыс., в 1900 г. – 1439,6 тыс., в 1910 г. – 1905,6 тыс. [17, с. 18–24].

Безусловно, процессы стремительного роста численности населения Санкт-Петербурга оказались довольно противоречивыми. С одной стороны, приток населения в столицу способствовал росту хозяйственной активности, бурным темпам жилищного строительства. С другой стороны, стремительно нарастал вал социальных проблем. Одной из них являлось санитарное состояние городской среды. Проблемы медико-санитарного состояния домов и дворов уже в начале XIX в. неоднократно становились предметом публичной критики, несмотря на жесткую цензуру. Тем не менее в отельных медико-топографических очерках Санкт-Петербург характеризовался как «город грязный с нездоровым климатом» [18, с. 219–221].

К середине XIX в. ситуация в санитарном отношении в столице Российской империи не претерпела существенных изменений. Так, Н. А. Некрасов в своем очерке «Петербургские углы», опубликованном в альманахе «Физиология Петербурга» за 1845 г., представил читателю следующую картину. «... В самых воротах стояла лужа, которая вбирала в себя лужи с каждого подъезда, вливалась во двор с журчанием и с шумом величественно впадала в помойную яму; в окраинах ямы копались две свиньи... не было аршина земли, на который можно было бы ступить, не рискуя увязнуть по уши» [19, с. 93].

В 1860-х гг. городские власти начали более активную борьбу с антисанитарией. Однако эта проблема оказалась настолько запущенной и сложной, что решить ее даже серией одноментных акций было невозможно. Это требовало огромных усилий со стороны властей и общества. Если улицы, проспекты и дворы многоэтажных домов к концу XIX – началу XX столетий постепенно начали избавляться от грязи и бытовых отходов благодаря обязательному санитарному постановлению, вышедшему 2 августа 1884 г. [20, л. 9], то ситуация внутри до-

ходных домов оставалась в санитарно-эпидемиологическом состоянии очень сложной.

В детальном исследовании «Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции», увидевшем свет в 1897 г., отмечалось: «Условия существования человека в крупных населенных центрах представляют собой немало отклонений от нормального строя здоровой жизни. Целый ряд причин и, главным образом, факторы искусственные, вытекающие из необходимости громадному числу людей группироваться на несоразмерно малой территории – извращают всю обстановку существования человека» [21, с. 18].

Врачи, которые в этот период занимались вопросами здоровья городского населения, в качестве одной из важнейших причин, которая крайне негативно сказывалась на здоровье подрастающего поколения столицы государства, называли санитарное состояние окружающей среды как внутри доходных домов, так и состояние дворов, улиц и коммуникаций. Причинами, способствовавшими столь широкому распространению санитарного неблагополучия во всех частях столицы Российской империи на протяжении второй половины XIX – начала XX в., были следующие:

1) почва улиц и площадей, издавна загрязненная нечистотами, просачивающимися из проницаемых городских водосточных колодцев и труб;

2) чрезмерное загрязнение воды в реках и каналах, куда непосредственно спускались нечистоты со всех дворов столицы [1, с. 113];

3) слабое развитие канализации и водопровода, сохраняющих почву и реки от загрязнения;

4) чрезмерное переполнение столицы населением и отсутствие свободных квартир (возможности заработка привлекали в С.-Петербург массу свободного «рабочего люда», переполнявшего самые дешевые места съемного жилья: угловые, чердачные и подвальные помещения);

5) крайне скудное и однообразное питание низших социальных слоев населения [3, с. 329];

6) недостаточное количество мест в детских больницах, следствием чего являлась полная невозможность своевременной изоляции заразнобольных детей.

Отчеты о состоянии народного здоровья, которые ежегодно составлялись в России с 1873 г., свидетельствовали о том, что основными причинами младенческой и детской смертности специалистами второй половины XIX – начала XX в. считались следующие заболевания: диарея, скарлатина, тиф, корь, коклюш, дифтерия, оспа и дизентерия [22, с. 15]. Именно эти заболевания наиболее часто отмечались в качестве основных причин чрезвычайно высокого уровня заболеваемости и смертности среди детского населения Санкт-Петербурга [23, с. 4].

Наибольший рост детской заболеваемости и смертности в Санкт-Петербурге приходился на начало осенне-зимнего (ноябрь-декабрь) и начало весенне-летнего (май-июнь) периодов времени года.

Высокая младенческая смертность была серьезной проблемой не только крупных городов Российской империи, но всей страны. Авторитетный специалист и один из основателей российской педиатрии Н. П. Гундобин отмечал: «До возраста 1 года в Европейской части Империи не доживает 1196 000 ежегодно» [22, с. 9]. Смертность грудных детей составляла «громадную эпидемию, из года в год уносящую сотни тысяч жертв» [24, с. 49].

Правительством предпринимались попытки взять ситуацию в столице под контроль. Деятельность в данной сфере включала несколько направлений. Так, сокращению заболеваемости должны были способствовать обязательные требования к жилищным условиям, с тем чтобы жилые помещения были насколько возможно светлыми, сухими и достаточно теплыми [25, с. 5].

Еще в первой половине XIX в. был издан закон, запрещающий проживание в чердачных и подвальных помещениях. Но когда в 1896 г. по приказу градоначальника генерал-майора Н. В. Клейгельса медико-полицейским персоналом были собраны сведения о квартирных условиях жителей города, они показали: закон это практически не исполнялся и значительное число рабочих с семьями проживали в подвальных помещениях, а наиболее тяжелой санитарная обстановка была на окраинах Петербурга. Чтобы как-то повлиять на домовладельцев санитарными врачами проводились ежегодно проверки. Однако это мало отражалось на ситуации [26, с. 367].

Жилищные условия самых бедных слоев населения Санкт-Петербурга (рабочих, мастеровых, многочисленной частной обслуги) характеризовались не только серьезными санитарными упущениями, но и большой скученностью населения. Это приводило к тому, что достаточно многочисленные семьи вынуждены были селиться в очень маленьких и непригодных для жизни помещениях. Так, в доме купца Бормоткина по номеру 78, состоящем из четырехэтажного каменного флигеля, два этажа были недостроенные, само помещение – сырое. Комнаты в основном были заселены рабочими разных фабрик [27, л. 14].

Приведем еще одно описание квартиры, сделанное санитарным врачом. Дом № 74, принадлежавший инженеру Громову, состоял из пяти деревянных и трех каменных флигелей. Общее отхожее место содержалось неопрятно, стены сырые. Общий выгреб зловонный; все помои и мусор из квартир выливался жильцами в отхожее место. Квартиры заселялись разным рабочим людом, здание флигеля было занято артелями извозчиков-мусорщиков и легковыми извозчиками-одиночками [27, л. 16].

Следует отметить, что загрязнение в домах дворов, квартир, сортиров и лестниц зависело не только от домовладельцев, но и от состава самих жильцов, которые, в свою очередь, имели мало представлений о гигиене [28, л. 10].

Санитарные врачи отмечали, что ситуация немного улучшалась летом, благодаря теплой погоде, поскольку можно было проветривать помещения, а детей отпускать на улицу [27, л. 17].

Из-за несоблюдения элементарных санитарных требований в домах часто отсутствовало естественное освещение и вентиляция. Такое жилье преимущественно сосредотачивалось на рабочих окраинах столицы (Петербургской и Выборгской частях с Охтинским участком) [28, л. 20]. В этих районах Санкт-Петербурга полиция обнаруживала наибольшее количество трупов младенцев с признаками насильственной смерти. Причем многие, не только полицейские чины, но и медики были склонны не соглашаться с официальной статистикой, считая ее серьезно заниженной [29, с. 46].

В Санкт-Петербурге складывалась очень сложная социальная ситуация с точки зрения преступности, пьянства, прости-

туции (с ее неизбежным следствием – широким распространением венерических заболеваний) [22, с. 63].

Одной из серьезных проблем всех последних десятилетий существования самодержавной России стала прогрессирующая алкоголизация населения. Стремительный рост потребления алкоголя начал фиксироваться не только среди взрослых, но и среди детей и подростков. Об этом много говорилось в выступлениях специалистов на Первом Всероссийском съезде по борьбе с пьянством, который состоялся 28 декабря 1909 – 6 января 1910 г. в Санкт-Петербурге [30; 11]. Скученность проживания усугубляла последствия пьянства взрослых для детей, а также стимулировала привлечение последних к данному пороку.

В конце XIX в. для врачей стало очевидно, что плохое качество жилья становилось одним из факторов распространению заразных болезней. Статистика показала, что в период холерных эпидемий в Петербурге заболевали и умирали люди «преимущественно низшего класса, живущие в тесных квартирах». Так, в 1892 г. из 4269 чел., заболевших холерой, 2246 чел. помещалось в углах и артелях, а в 1893 г. из 2572 чел. заболевших 1495 чел. тоже проживали в углах и артелях [31, л. 13].

Известный санитарный врач М. И. Покровская в своем исследовании «О влиянии жилища на здоровье, нравственность, счастье и материальное благосостояние людей» связывала проблему появления большого числа незаконнорожденных детей с неудовлетворительными санитарными условиями. Она отмечала: «Число незаконнорожденных детей находится в прямой зависимости от неудовлетворительных жилищных условий. Так в Петербурге в 1889 г. было 27,6 % незаконнорожденных детей. На 1 дом приходилось 75 чел., а незаконнорожденных 24 % Уже это указывает, что население Петербурга живет в переполненных жилищах, где трудно сохранить нравственную чистоту» [32, с. 8].

Для решения непростой ситуации в конце XIX века в Санкт-Петербурге предпринимался ряд мер: действовали воспитательные дома и приюты, целью которых была помощь сиротам и нуждающимся, а также спасение жизней и воспитание младенцев. Открывались на частные средства и пожертвования больницы для бедного населения, а также для детей [33, с. 123].

Значительную помощь малообеспеченным семьям столицы оказывали медицинские учреждения, такие как консультации для матерей и «Капля молока» [7, с. 52], в задачи которых входила всевозможная помощь матерям от обеспечения качественным молоком до помощи в уходе за ребенком и распространении необходимых гигиенических знаний среди бедных слоев о правильном уходе за детьми [12, с. 73].

В учебных заведениях столицы появлялись школьные врачи, которые должны были наблюдать и при первой же возможности сообщать руководству о случаях заражения детей. В начале XX в. стали активно развиваться школьные дачи, летние детские колонии и санатории. Благодаря организации таких учреждений дети из бедных семей могли проводить летнее время с пользой для здоровья, развиваться как умственно, так и физически. Создание этих учреждений было направлено на оказание социально-педагогической помощи детям, нуждающимся в социальной реабилитации [9, с. 54].

Обсуждение и выводы

Подводя итог, можно отметить, что многочисленные факторы медико-санитарного неблагополучия оказывали самое непосредственное влияние на здоровье детей, особенно в бедных слоях населения. Если достаточно состоятельные слои Санкт-Петербурга, как правило, на летний период времени покидали город и перебирались на свои загородные дачи, то бедные слои петербуржцев себе этого не могли позволить. Поэтому их жизнь круглый год протекала фактически в замкнутом пространстве маленьких квартир и комнат, большинство из которых не соответствовали нормам гигиены. Безусловно, такая скученность населения оказывала негативное воздействие на здоровье как взрослых, так и детей.

Ухудшало ситуацию сырость помещений, отсутствие света, слабое распространение водопроводной и канализационной сети. Наконец, само население с трудом осваивало самые простые гигиенические нормы, привыкнув жить и растить детей в грязном пространстве угловых квартир и переполненных комнат...

Значительные изменения стали происходить лишь в первой половине XX в. с развитием санитарии и гигиены и приобщением населения к ним.

Список литературы

1. Михневич В. О. Петербург весь на ладони. СПб.: К. Н. Плотников, 1874. 243 с.
2. Диканский М. Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. 2-е изд. М.: Типография А. П. Поплавского, 1912. 251 с.
3. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Изд. Весь Мир, 2012. 848 с.
4. Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома: очерки из истории быта. М.: Центрполиграф, 2012. 379 с.
5. Демидович Д. М. Критерии выбора арендного жилья квартиросъемщиками петербургских доходных домов в 1870-х годах – начале XX века // Университетский научный журнал. – 2019. – № 49. – С. 70–76.
6. Демидович Д. М. Доходные дома Санкт-Петербурга как социальное явление (1870-е гг. – начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 236 с.
7. Зайцева С. В. Санитарно-гигиенические условия жизни женщин и детей из малообеспеченных семей Санкт-Петербурга на основе патронажных листов «Капли молока» // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы международной научной конференции / отв. ред. В. А. Веремченко. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 52–56.
8. Веремченко В. А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. – 2017. – № 2(4). – С. 79–105.
9. Веремченко В. А. Летний организованный оздоровительный отдых городских школьников в России на рубеже XIX–XX вв. // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / ред. Карпова В. В. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 51–57.
10. Веремченко В. А., Самарина Л. А. «Домашняя санитария» как вызов: гигиенические практики в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // "Вызов" в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021 – С. 151–157.
11. Веремченко В. А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2022. – № 7–2. – С. 18–30.
12. Семенова О. А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. – 2019. – № 4 (12). – С. 72–81.
13. Синова И. В. Дети трудящегося населения в городском социуме во второй половине XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3. – (52). – С. 62–69.
14. Федькин А. В. Влияние буржуазной модернизации Российской империи на повседневную жизнь рабочих Санкт-Петербурга (конец XIX–XX начало вв.) // Рождение Российской империи: взгляд сквозь столетия: материалы Всероссийской научной конференции, приуроченной к 300-летию создания Российской империи. – СПб., 2022. – С. 57–62.
15. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетей, 2007. 544 с.
16. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 350 с.
17. Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX – нач. XX в.: стат. анализ. Л.: Наука, 1984. 224 с.

18. Богданов С. В. Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск: КурскГТУ, 2006. 295 с.
19. Некрасов Н.А. Петербургские углы // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. 282 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341. Оп. 171. Д. 1.
21. Вирениус А. С. Переутомление учащихся в средних учебных заведениях. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 53 с.
22. Гундобин Н. П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею. СПб.: Изд. Рос. мед. об-ва, 1906. 31 с.
23. Бруханский Б. П. ... Как уберечь детей от поносов. Баку: Азернешр. Отд. массовой литературы, 1935. 16 с.
24. Гюбнер Ю. Ю. Статистические исследования санитарного состояния С.-Петербурга. СПб.: Печ. В. И. Головина, 1870. 101 с.
25. Баргтенсон Л. Б. К вопросу о жилых помещениях в России. – М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901. 19 с.
26. Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции: сост. по распоряжению г. С.-Петерб. градонач. ген.-майора Н. В. Клейгельса врачами Петерб. столич. полиции при участии и под ред. ст. врача И. Еремеева. СПб.: Тип. Ломковского, 1897. 748 с.
27. Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербург (ЦГИА СПб.). Ф. 210. Оп. 1. Д. 167.
28. ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 198.
29. Гюбнер Ю. Ю. Самоубийства в С.-Петербурге: материалы для нравств. статисти-ки. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 23 с.
30. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. 28 декабря 1909 – 6 января 1910 г., Санкт-Петербург. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. 361 с.
31. ЦГИА СПб. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 455.
32. Покровская М. И. О влиянии жилища на здоровье, нравственность, счастье и материальное благосостояние людей. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1896. 48 с.
33. Гетьман Д. И. Санитарное состояние детских больниц Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. // Клио. – 2022. – № 6 (186). – С. 121–125.

The Influence of the housing conditions of St. Petersburg on the health of the child population in the second half of the 19th – early 20th centuries

Diana I. Get'man

The article, based on a wide range of sources, examines the relationship between the living conditions of the population of the capital of Russian Empire – St. Petersburg – and the health of children who lived there. The chronological framework of the study is the second half of the 19th – beginning of the 20th century. This period was characterized by quantitative and qualitative changes in the population of the largest at that time city in Russia. They were caused by a complex of problems and consequences of modernization breakthrough, observed after the fall of serfdom and large-scale reforms of the 1860s, which affected the sphere of social life of Russian cities.

The article identifies the main reasons for the unsatisfactory sanitary situation in St. Petersburg, including: a large influx of working people, water and soil pollution, lack of water supply and sewerage. The study uses reports made by sanitary doctors during their inspections, which allow to visualize the current situation in the capital during this period. Based on the above, the author concludes that the development of sanitary affairs in St. Petersburg was greatly influenced by the high infant mortality rate, which was directly related to the level of material and sanitary well-being of the inhabitants of the capital in the second half of the 19th century. Positive changes became noticeable only at the beginning of the 20th century with the development of sanitation and hygiene.

Key words: sanitation, massive urbanization, housing problems, children's health.

For citation: Get'man, D. I. (2023) Vliyaniye zhilishchnykh usloviy Sankt-Peterburga na zdorov'ye detskogo naseleniya vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [The influence of the housing conditions of St. Petersburg on the health of the child population in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 117–129. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_117

References

1. Mihnevich V. O. (1874) *Peterburg ves' na ladoni* [St. Petersburg all in the palm of your hand]. SPb.: K. N. Plotnikov. (In Russ.)
2. Dikanskij M. G. (1912) *Kvartirnyj vopros i social'nye opyty ego resheniya* [The Apartment Question and Social Experiences of Solving It] 2-e izd. Moskva: tipografiya A. P. Poplavskogo. (In Russ.)
3. Mironov B. N. (2012) *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyucii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [Public Welfare and Revolutions in Imperial Russia: Eighteenth and Early Twentieth Centuries]. M.: Izd. Ves' Mir. (In Russ.)
4. Uyhneva E. D. (2012) *Peterburgskie dohodnye doma: ocherki iz istorii byta* [Petersburg Apartment Houses: Essays on the History of Life]. M.: Centrpoligraf. (In Russ.)
5. Demidovich D. M. (2019) *Kriterii vybora arendnogo zhil'ya kvartirov'emshchikami peterburgskikh dohodnykh domov v 1870-h godakh – nachale XX veka* [Criteria for tenants' choice of rental housing in St. Petersburg apartment houses in the 1870s-early 20th century] // *Universitetskij nauch. zhurn* [University Scientific Journal]. No. 49. Pp. 70–76. (In Russ.)
6. Demidovich D. M. (2021) *Doxodny'e doma Sankt-Peterburga kak social'noe yavlenie (1870-e gg. – nachalo XX veka* [Apartment houses in St. Petersburg]. Dis. k. ist. n. SPb. (In Russ.)
7. Zajceva S. V. (2022) *Sanitarno-gigienicheskie usloviya zhizni zhenshchin i detej iz maloobespечennykh semey Sankt-Peterburga na osnove patronazhnykh listkov «Kapli moloka»* [Sanitary and hygienic conditions for women and children from low-income families in St. Petersburg on the basis of the "Drops of Milk" patronage sheets] // *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [The Domestic Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity]. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. redaktor V. A. Veremenko. T. 2. Sankt-Peterburg. Pp. 52–56. (In Russ.)
8. Veremenko V. A. (2017) *Gigiena shkol'nika v dvoryansko-intelligentskikh sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Schoolchild hygiene in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries] // *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2 (4). Pp. 79–105. (In Russ.)
9. Veremenko V. A. (2018) *Letnij organizovannyj ozdorovitel'nyj otdykh gorodskikh shkol'nikov v Rossii na rubezhe XIX-XX vv.* [Summer organized recreation of urban schoolchildren in Russia at the turn of XIX-XX centuries] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii* [Capital and Provinces: The Center-Regions Relationship in Russian History]: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / red. Karpova V. V. SPb.: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 51–57. (In Russ.)
10. Veremenko V. A., Samarina L. A. (2021) «*Domashnyaya sanitariya*» kak yvzov: *gigienicheskie praktiki v dvoryansko-intelligentskikh sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* ["Home Sanitation" as a Challenge: Hygienic Practices in the Noble-Intelligent Families of Russia in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries] // *"Vyzov" v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* ["The Challenge in the Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity]. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Vol. 2. Sankt-Peterburg. Pp. 151–157. (In Russ.)
11. Veremenko V. A. (2022) *Tualet i vanna: gigiena tela v gorodskikh dvoryansko-intelligentskikh sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Toilet and Bath: Body Hygiene in Urban Noble-Intelligent Families in

Russia in the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries // *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 7-2. Pp. 18–30. (In Russ.)

12. Semenova O. A. (2019) *Popechenie o materyah i mladencah v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoj «Kapli moloka»* [The Care of Mothers and Infants in St. Petersburg in the Early 20th Century by the Example of the City's Milk Drop] // *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4 (12). Pp. 72–81. (In Russ.)

13. Sinova I. V. (2016) *Deti trudnyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the Working Population in Urban Society in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Urals Historical Bulletin]. No. 3 (52). Pp. 62–69. (In Russ.)

14. Fed'kin A. V. (2022) *Vliyanie burzhuznoj modernizacii Rossijskoj imperii na povsednevnyu zhizn' rabochih Sankt-Peterburga (konec XIX – XX nachalo vv.)* [The Influence of the Bourgeois Modernization of the Russian Empire on the Everyday Life of Workers in St. Petersburg (late 19th – early 20th centuries)] // *Rozhdenie Rossijskoj imperii: vzglyad skvoz' stoletiya* [The Birth of the Russian Empire: a View Through the Ages]. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, priurochennoj k 300-letiyu sozdaniya Rossijskoj imperii.* Sankt-Peterburg. Pp. 57–62. (In Russ.)

15. YUkina I. I. (2007) *Russkij feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. SPb.: Aletejya. (In Russ.)

16. Rashin A. G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)* [Population of Russia for 100 years (1811–1913)]. M.: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. (In Russ.)

17. YUhnova N. V. (1984) *Etnicheskij sostav i etnosocial'naya struktura naseleniya Peterburga, vtoraya polovina XIX – nach. XX v.: stat. analiz* [Ethnic Composition and Ethno-Social Structure of Petersburg Population, Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Stat. Analysis]. L.: Nauka. (In Russ.)

18. Bogdanov S. V. (2006) *Sovetskaya Rossiya v 1920-e gody: vlast', social'nye anomalii, obshchestvo* [Soviet Russia in the 1920s: Power, Social Anomalies, and Society]. Kursk: KurskGTU. (In Russ.)

19. Nekrasov N. A. (1991) *Peterburgskie ugly* [Petersburg Corners] // *Fiziologiya Peterburga* [St. Petersburg Physiology.]. M.: Nauka. (In Russ.)

20. *Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv (RGLA)*. F. 1341. Op. 171. D. 1.

21. Virenui A. S. (1890) *Pereutomeniye uchashchih'sya v srednih uchebnyh zavedeniyah* [Overwork of students in secondary schools]. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha. (In Russ.)

22. Gundobin N. P. (1906) *Detskaya smertnost' v Rossii i mery bor'by s neyu* [Child mortality in Russia and measures to combat it]. SPb.: Izd. Ros. med. ob-va. (In Russ.)

23. Bruhanskij B. P. (1935) ... *Kak uberech' detej ot ponosov* [How to keep children from diarrhea]. Baku: Azerneshr. Otd. massovoj literatury. (In Russ.)

24. Gyubner YU. YU. (1870) *Statisticheskie issledovaniya sanitarnogo sostoyaniya S.-Peterburga* [Statistical research on the sanitary condition of St. Petersburg]. SPb.: Pech. V. I. Golovina. (In Russ.)

25. Bartenson L. B. (1901) *K voprosu o zhilyh pomeshcheniyah v Rossii* [To the question of housing in Russia]. M.: tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K^o. (In Russ.)

26. *Gorod S.-Peterburg s točki zreniya medicinskoj policii: Sost. po rasporyazheniyu g. S.-Peterb. gradonach. gen.-majora N. V. Klejgel'sa vrachami Peterb. stolich. policii pri uchastii i pod red. st. vracha I. Eremeeva* (1897) [City of St.-Petersburg from the Medical Police Point of View: Compiled by the order of St. Petersburg Surgeon General N. V. Kleigels by St. Petersburg Capital Police Doctors with the participation of St. Petersburg doctor I. Yere-meev.]. SPb.: Tip. Lomkovskogo. (In Russ.)

27. *Tsentral'nyi gosudarstvennyj istoricheskii arkhiv g. S.-Peterburg (TsGIA SPb)* [Central State Historical Archives of St. Petersburg (TsGIA SPb)]. F. 210. Op. 1. D. 167.

28. *TsGIA SPb*. F. 210. Op. 1. D. 198.

29. Gyubner YU. YU. (1868) *Samoubijstva v S.-Peterburge: Materialy dlya npravstv. Statistiki* [Suicide in St. Petersburg: Materials for Moral Statistics]. SPb.: Tip. Imp. Akad. Nauk. (In Russ.)

30. *Trudy Pervogo Vserossijskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom. 28 dekabrya 1909 – 6 yanvarya 1910 g., Sankt-Peterburg* (1910) [Proceedings of the First All-Russian Congress on Struggle against Drunkenness. December 28, 1909 – January 6, 1910, St. Petersburg.]. SPb.: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)

31. *TsGIA SPb*. F. 1287. Op. 7. D. 455.

32. Pokrovskaya M. I. (1896) *O vliyanií zhilishcha na zdorov'e, npravstvennost', schast'e i material'noe blagosostoyanie lyudej* [On the influence of housing on health, morals, happiness, and material well-being]. SPb.: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)

33. Getman D. I. (2022) *Sanitarnoe sostoyanie detskikh bol'nic Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Sanitary Condition of Children's Hospitals in St. Petersburg in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries] // *Klio* [Clio]. No. 6 (186). Pp. 121–125. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.10.2022

Одобрена после рецензирования 23.11.2022

Принята к публикации 01.12.2022

Извозчики и их пассажиры на курортах Черноморского побережья Кавказа на рубеже XIX–XX вв.

А. В. Крюкова

В статье, наряду с правовыми основаниями извозного промысла, раскрываются вопросы, связанные с отношениями, складывавшимися между извозчиками и пассажирами в населенных пунктах Черноморского побережья Кавказа. На данной территории кроме местного населения услугами гужевого транспорта в летний сезон активно пользовались большое количество отдыхающих. На материалах широкого круга источников: законодательных, делопроизводственных, периодической печати, справочных изданий и публицистики – показаны мероприятия местных властей, направленные на регламентацию работы извозчиков. Обращается внимание на недостаточный контроль за их поведением, влекущий за собой многочисленные нарушения: несоблюдение извозчиками установленных цен, грубость с седоками, отказ от выполнения правил, в частности относительно трезвого состояния возниц.

Ключевые слова: извозный промысел, извозчики, гужевой транспорт, Черноморское побережье Кавказа, Российская империя, рубеж XIX–XX вв.

Для цитирования: Крюкова А. В. Извозчики и их пассажиры на курортах Черноморского побережья Кавказа на рубеже XIX – XX вв. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 130–141. DOI 10.35231/25422375_2023_1_130

Введение

При определении степени комфортности отдыха на курортах Черноморского побережья Кавказа на рубеже XIX–XX вв. важна характеристика транспортной системы, неотъемлемой частью которой являлся извозный промысел, самый распространенный вид городского транспорта в Российской империи. В современной историографии он находится в фокусе внимания. Изданы многочисленные научные статьи, посвященные организации извозного промысла, социальному положению извозчиков, причем как по стране в целом [1–3], так и в различных ее регионах (Санкт-Петербургской губернии [4], Курской губернии [5], Костроме и Ярославле [6], Самаре [7], Саратове [8], Тамбове [9] и др.). Место извозного промысла в транспортной системе городов Кубани и Причерноморья, его регламентация рассмотрены А. Г. Сидякиной [10]. Однако вопросы коммуникации извозчиков с клиентами исследователи обычно не затрагивают, хотя они играют большую роль в реконструкции картины повседневной жизни городов позднеимперской России.

Целевыми ориентирами данной статьи, наряду с правовыми основаниями работы извозчиков, стала система взаимоотношений, складывающаяся между извозчиками и пассажирами в населенных пунктах Черноморского побережья Кавказа.

При раскрытии первого аспекта настоящее исследование опирается на «Обязательные постановления о производстве извозного промысла» (правила), изданные местными властями в 1901 г. в Новороссийске, столице Черноморской губернии. В каждом регионе страны деятельность извозчиков регулировалась аналогичными документами, которые в большей части своих статей устанавливали одни и те же принципы, хотя были и незначительные расхождения (например, в вопросе о возрасте возницы).

Для изучения второго вопроса главным источником послужили материалы периодической печати, публицистические и справочные издания.

Результаты

Особенность городских поселений северо-западного побережья Черного моря заключалась в том, что гужевой транспорт использовался не только местным населением, но и приезжи-

ми отдыхающими («курсовыми», как их называли в то время), которые, сойдя с парохода или поезда, попадали в руки легковых извозчиков, наперебой предлагающих свои услуги. Причем в некоторых случаях курсовым предстояло не просто доехать до гостиницы (дачи, санатория и т. п.), а проделать достаточно длинный путь. Например, чтобы попасть в Анапу по суше, надо было сойти на станции железной дороги «Тоннельная» и ехать еще около 30 верст по грунтовой дороге 4–5 ч. [11, с. 34].

Приехавшие на поезде в Новороссийск и желающие попасть на курорты, расположенные южнее (Геленджик, Туапсе, Сочи, Гагры, Сухум), должны были пересаживаться на пароход или двигаться по шоссе вдоль берега на перекладных, почтовой коляске, в дилижансе или на частном извозчике. Кроме передвижения по городу и между населенными пунктами, отдыхающие нанимали извозчиков для прогулок по живописным окрестностям.

Частные извозчики разъезжали на различных экипажах: одноконных – пролетке, дрожках; пароконных – рессорных линейках, фаэтонах, ландо, колясках. Самыми распространенными были пролетка и фаэтон. Для удобства пассажиров крытые экипажи имели фартуки, защищающие седока от дождя [12, л. 3 об.]. С развитием курортов и притоком отдыхающих увеличивалось количество извозчиков, а качество их экипажей улучшалось.

Так, в 1901 г. в Сочи было только два «плохоньких» извозчика на линейках, а в 1904 г. – уже 17, и у большинства из них имелись «четырёхместные коляски-корзинки, как у ялтинских извозчиков», и у некоторых резиновые шины [13, с. 113–114]. В 1911 г. С. П. Дороватовский писал, что в Сочи экипажи в основном были пароконными фаэтонами на резиновых шинах [14, с. 18], которые лучше амортизировали и обеспечивали более мягкий ход.

Сочи стремительно набирал популярность как курорт, поэтому неудивительно, что здесь происходили позитивные изменения в сфере обслуживания. Наличие «превосходных извозчиков на резине» путеводители отмечали и в таком респектабельном месте, как Гагры [15, с. 75].

Разрешение на извозный промысел выдавалось местными властями, они же осуществляли контроль над ним. Согласно

упомянутым выше «Обязательным постановлениям...», утвержденным в 1901 г. для Новороссийска, заниматься извозным промыслом (лично) могли только мужчины старше 17 лет. Однако существовали извозные заведения, содержать которые позволялось и женщинам. Для того чтобы приступить к работе, необходимо было получить в управлении полицейской части по месту жительства свидетельство о благонадежности и заплатить в городской управе за каждую лошадь установленный налог. После чего соискатель получал три ярлыка с номером, таксу и экземпляр правил, который обязан был предъявлять пассажирам по требованию.

Содержатели извозных заведений и извозчики, имеющие работников, брали для них ярлыки на свое имя, таким образом, именно на них ложилась ответственность за возниц: их «трезвое поведение» и «умение управлять лошадьми». Ярлыки крепились сзади козел, на кузове и на спине извозчика, последний был съемный, по требованию седока он отдавался ему «в обеспечение исправного исполнения найма».

Разрешение на извозный промысел выдавалось лишь на год. Ярлыки тоже при этом менялись. В Новороссийске существовали и полугодовые ярлыки, действовавшие с 1 июля. Из среды извозчиков управа выбирала старосту для наблюдения за исполнением правил [12, л. 3, 5–5 об.].

По очереди или по наряду старосты, извозчики («в достаточном количестве») выезжали к приходу пассажирских поездов и пароходов на вокзал и к пристаням. Порожние извозчики были обязаны стоять с экипажами в указанных управою местах, которые назывались «биржа», вытянувшись вдоль тротуара в один ряд, не отходить от лошадей без особой надобности, не сходить с козел и не обращаться к проходящим с предложением своих услуг.

С наступлением сумерек с обеих сторон козел зажигали фонари, которые горели, пока экипаж находился на бирже [12, л. 3 об., 4, 5]. Биржи располагались в людных местах: на площадях, оживленных перекрестках, базарах. Однако извозчикам запрещалось собираться возле трактирных и питейных заведений [12, л. 4]. В Сочи, например, биржи извозчиков находились на Ново-Базарной площади, на углу Московской и Александровской улиц возле гостиниц «Belle Vue» и «Россия», а вечером

возле общественного собрания на углу Московской и Михайловской улиц [16, с. 13].

Правда, места стоянок извозчиков сильно загрязнялись, и от городских властей требовалась организация их регулярной очистки, что осуществлялось не всегда должным образом. Так, в 1913 г. полицмейстеру Анапы пришлось принимать меры «к побуждению управы производить регулярную чистку» территории, где располагались биржи [17].

Извозчики по требованию отправлялись с мест стоянок на дом для взятия седока. В стоимость это не включалось. Но если «по приводе» его немедленно отпускали «по ненадобности» или задерживали «без надобности» до четверти часа, ему полагалась установленная для таких случаев небольшая плата [12, л. 4 об.].

Такса для извозчиков утверждалась властями. Цены ранжировались по количеству лошадей (одноконный, пароконный экипаж, а в некоторых населенных пунктах даже тройка и четверка) [18, с. 40]. Расчет производился либо по часам, либо за конец. В ночное время (примерно от 1 ч ночи до 6 ч утра) плата была полуторная, в первый день Рождества Христова, первые два дня Пасхи, Новый год – двойная; похороны, загородные поездки, катанье оплачивались «по согласию». Извозчик должен был иметь часы для фиксирования времени поездки, а при их отсутствии ориентироваться по часам седока.

За плату по таксе одноконные извозчики могли не везти больше двух, пароконные – больше четырех человек. Двое малолетних считались за одного взрослого. Если поездка прерывалась по вине извозчика (получили повреждение лошадь или экипаж), плата за проезд не взималась. Вещи, забытые или утерянные пассажиром, извозчики должны были возвращать «по принадлежности» или относить в полицию. В таких случаях они получали от хозяина вещей вознаграждение равноценное поездке в два конца. К тому же извозчики обязаны были везти бесплатно поднятых на улице заболевших, в бесчувственном состоянии или сильно пьяных, скоропостижно умерших, а также полицейские чины, преследующие преступников [12, л. 4–5, 7 об.].

Для извозчиков существовали правила передвижения: не останавливаться на середине улицы, держаться правой сто-

роны, ездить осторожно, умеренной рысью, особенно на перекрестках и переезде с одной улицы на другую, не ездить наперегонки, при выезде из двора ехать шагом, при переезде улиц и перекрестков давать проезд экипажу, находящемуся справа, а извозчик без седока должен был пропустить экипаж с пассажиром.

При встрече с крестным ходом, похоронной и другими процессиями, пожарным обозом, проходящими частями войск и арестантскими партиями извозчик был обязан уступить дорогу, а при недостатке места для проезда остановиться. Везить пьяных и бесчинствующих людей запрещалось. В местах значительного скопления подъезжающих экипажей (вокзал, театр и т. п.) извозчики должны были рассчитываться с клиентами заранее, а не у самого подъезда, чтобы не создавать затора [12, л. 3 об. – 4].

Внешний вид и поведение извозчиков также регламентировались: они должны были сохранять трезвость, курить только на местах стоянок, содержать в исправности экипаж, лошадей, упряжь и одежду. Управа время от времени проводила осмотры. В Новороссийске форма одежды извозчиков была прописана в правилах: армяк и фуражка – серого цвета, зимняя шапка – по образцу, указанному управой [12, л. 3 об.].

За нарушение «Обязательных постановлений...» у извозчика могли отобрать разрешение или лишить права промысла на определенный срок. Например, в городской управе Новороссийска находился список извозчиков с отметками об их «проступках и взысканиях», и за неоднократное нарушение правил он оставался либо без разрешения, либо лишался права промысла на три дня «с удержанием экипажа» [12, л. 4 об.].

Однако обещанные строгие взыскания извозчиков не пугали. Есть сведения, что в Новороссийске, Туапсе иногда встречались малолетние извозчики. Это вызывало у обывателей беспокойство, сможет ли такой возница в нужный момент сдержать лошадей и не свернет ли в канаву [19; 20]. От публики регулярно поступали жалобы на то, что извозчики не придерживались существующей таксы, преувеличивая стоимость проезда, даже иногда отказывались везти [21], грубо обращались с седоками. Например, летом 1903 г. в Новороссийске на городской пристани часто происходили недоразумения:

извозчики требовали с пассажиров сколько им заблагорассудится, а если те пытались заплатить по таксе, их «огорошивала площадная брань» [22].

При этом извозчики хитрили. От местных жителей они прятались за экипажами или говорили, что уже заняты, так как с них взять лишнее не получалось, они знали таксу, а за счет приезжего можно было «пожизниться». Чтобы плата ему не показалась чрезмерной, его возили по ближайшим улицам и только потом подкатывали к указанному месту [23].

К кучерскому сиденью обыкновенно прикреплялась такса, но они научились вытравливать не устраивающие их цифры, и контроль становился невозможен. Если пассажиры отказывались платить извозчикам запрошенные необоснованные суммы, последние устраивали скандалы. Общественность призывала городские власти принять меры и установить на местах стоянок извозчиков на пристанях и у вокзала таблицы с таксой [24].

Житель Новороссийска В. Берг подал заявление в городскую управу, в котором просил обратить внимание на извозчиков, игнорирующих правила и таксу, особенно в ночное время, когда приходилось ехать с ночного поезда. Они просили в 2–2,5 раза больше, чем надо, и приходилось подчиняться из опасения быть избитым. Власти, несмотря на постоянные жалобы, ничего не делали [25].

Неудивительно, что на страницах газеты «Черноморское побережье» один из корреспондентов выражал радость по поводу установления автомобильного сообщения в Новороссийске, так как это избавляло от необходимости ездить на извозчиках, которые, по его словам, ходили в рванье, содержали экипажи и лошадей в плохом состоянии, грубили и еще требовали немалые деньги [26].

Из этой заметки следует, что внешний вид извозчиков и состояние экипажей также вызывали нарекания со стороны публики. Только в сентябре после заявления в городскую управу Новороссийска местного агента Российского общества пароходства и торговли (Р.О.П. и Т.) Пчельникова городской голова распорядился установить таксы у пристани Р.О.П. и Т. и у вокзала [27].

К 1914 г. ситуация в Новороссийске не изменилась, извозчики продолжали требовать чрезмерную плату и наносить

оскорбления пассажирам, иногда доходя до рукоприкладства [28]. Причем пассажиры, несмотря на то что могли требовать ярлык с номером извозчика, часто совсем не обращали на него внимание и потом не знали, на кого именно жаловаться [29].

В Сочи, по сведениям путеводителей тех лет, днем с наймом затруднений практически не возникало, но после 9 ч. вечера извозчики выезжали неохотно, поэтому часто, чтобы проехать к пароходу, приходилось прибегать к содействию полиции [30, с. 18–19]. Свою таксу они тоже не любили, особенно вечером, из-за чего при разъезде из театров происходили различные недоразумения. Чаще всего они наблюдались после спектаклей в театре курорта «Кавказская Ривьера», откуда возвращаться пешком было неудобно по неосвещенным улицам нижнего города [14].

С приезжих, только сошедших с корабля, они также норовили взять в 2–3 раза дороже, особенно в ночное время, а если надо было ехать на дачи, где уже не было таксы, необходимо было заранее четко договариваться, иначе пассажир рисковал заплатить «несуразную цену» [31, с. 25]. Впрочем, грубое обращение извозчиков с публикой, завышение цены не было характерным только для Черноморского побережья Кавказа, такие же явления наблюдались и в других регионах страны, даже входили в анекдоты [1, с. 128; 9, с. 163].

В Ялте, одном из лучших курортов России, наблюдалась та же ситуация. По словам историка А. В. Мальгина, когда городские власти установили жесткую таксу, извозчики первое время протестовали, иногда игнорируя ее. Стоянки извозчиков были названы источниками антисанитарии, удалялись с центральных улиц и благоустраивались [32, с. 105].

Поездка на извозчике на дальние расстояния не всегда была безопасной: представители этой профессии иногда позволяли себе пить во время работы, приставать к молодым девушкам. Например, в мае 1913 г. в редакцию газеты «Анапа-курорт» поступило письмо от приезжего господина, в котором он описывал свой путь на извозчике от станции «Тоннельная» до Анапы. Всего пассажиров было четверо, в том числе девушка. Извозчик делал остановки в пути и вместе с одним из седоков, оказавшимся его другом, чрезмерно употреблял спиртные напитки. Затем в степени сильного алкогольного

опьянения они с другом поменялись местами, первый сел в фаэтон и «начал обнимать и лобызать пассажирку», а второй стал извозчиком. Закончилось все тем, что настоящий извозчик уснул у девушки на коленях, а его друг довез всех, но так, что они, по словам очевидца, были «и в пшенице, и ломались, и опрокидывались», находились несколько раз «на волоске от смерти» [33].

Ситуации на дороге складывались самые различные. Через несколько дней после того, как произошел описанный выше случай, в редакцию газеты «Анапа-курорт» поступило письмо от женщины, ехавшей с племянницей по тому же маршруту. Она жаловалась, что за их экипажем гнался пьяный почтальон с револьвером [34].

Обсуждение и выводы

Итак, власти стремились регулировать практически все аспекты, связанные с извозным промыслом, однако на практике контроль был слабым. Работа извозчиков вызывала нарекания, отношения с пассажирами были сложными. Желание извозчиков заработать как можно больше, особенно в курортный сезон (впрочем, достаточно естественное), негативно сказывалось на их клиентах, которые отмечали грубость, неряшливый вид извозчиков и, конечно, были возмущены необоснованным завышением цен.

Особенно опасным был тот факт, что некоторые возницы, несмотря на строгий запрет, выходили на работу в нетрезвом виде, а это влекло за собой риск для жизни пассажиров. Поэтому некоторые представители общественности высказывали радость по поводу появления альтернативного транспорта – автомобиля. Попытки властей изменить обстановку к лучшему были безуспешными, и с годами положение фактически не менялось.

Список литературы

1. Баранова Е. В. Городские извозчики конца XIX–XX вв.: штрихи к портрету социально-профессиональной группы // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т. 10. – № 6. – С. 127–133.
2. Самарина Л. А. Легковой извоз в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // История повседневности. – 2019. – № 3. – С. 91–116.

3. Логинова Д. В. Профессиональный облик извозчиков в России в XIX – начале XX в. // *Via in tempore. История. Политология.* – 2021. – Т. 48. – № 3. – С. 670–680.
4. Никулин В. Н. «Ваньки», «голубчики», «лихачи» и «ломовики». Из истории извозного промысла крестьян столичной губернии в конце XIX века // *Северо-Запад в аграрной истории России.* – 2015. – № 21. – С. 139–154.
5. Терещенко А. А. Логистическая составляющая в хозяйственной инфраструктуре городов Курской губернии во второй половине XIX века // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.* – 2021. – № 4. – С. 35–40.
6. Бушуев И. А. Транспортная система Костромы и Ярославля на рубеже XIX–XX веков в повседневной жизни губернских центров // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.* – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 65–68.
7. Барамыкина М. В. Извозный промысел в конце XIX – начале XX вв. (на примере г. Самара) // *Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания.* – 2013. – № 15. – С. 30–34.
8. Чолахян В. А. Развитие городского общественного транспорта Саратова в конце XIX – начале XX в. // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях.* – 2016. – С. 709–716.
9. Баранова Е. В. Транспорт как часть социально-культурной инфраструктуры города на материалах Тамбова второй половины XIX – начала XX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* – 2009. – № 10. – С. 161–168.
10. Сидякина А. Г. Функционирование внутригородского гужевого транспорта на Кубани и в Причерноморье в конце XIX – начале XX века // *Культурная жизнь Юга России.* – 2015. – № 2. – С. 47–51.
11. Анапа: курорт и климатическая станция Кубанской области (Курорты Северного Кавказа). – Ростов-на-Дону: Управление Владикавказской железной дороги, 1912. 38 с.
12. Архив г. Новороссийск. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24.
13. Страна тепла и солнца: Сочи, Туапсе, Гагры и Сухум в климатическом, климато-лечебном и охотничьем отношениях. Их настоящее и будущее / Н. Г. Калабухов, Н. И. Яблонский. М.: Изд. журнала «Охотничий Вестник», 1904. 213 с.
14. Дороватовский С. П. Сочи и Красная Поляна с окрестностями: путеводитель. Репр. воспр. изд. 1911 г. – Краснодар: Платонов И., 2010. 256 с.
15. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Черноморскому побережью. СПб.: Редакция «Путеводителей», 1913. 498 с.
16. Сочи и его окрестности: Дорожник экскурсий по горам и ущельям Сочинского района / Кавказский Горный Клуб; сост. Б. П. Кестер, И. С. Васильев, В. Константинов, Д. И. Коченовский. СПб.: Типография С. М. Проппера, 1911. 95 с.
17. Хроника // Анапа-курорт. – 1913. – № 6. – 23 мая.
18. Черноморское побережье: справочник о путях сообщения. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, 1917. 48 с.
19. Хроника // Туапсинские отклики. – 1914. – № 8. – 12 января.
20. Хроника // Черноморский край. – 1914. – № 12. – 16 января.
21. Хроника // Анапа-курорт. – 1913. – № 45. – 11 июля.
22. Городская жизнь // Черноморское побережье. – 1903. – № 167. – 30 июля.
23. Городская жизнь // Черноморское побережье. – 1903. – № 140. – 28 июня.
24. Городская жизнь // Черноморское побережье. – 1903. – № 151. – 11 июля.
25. Городская жизнь // Черноморское побережье. – 1903. – № 186. – 23 августа.
26. Заметки // Черноморское побережье. – 1903. – № 203. – 14 сентября.
27. Городская жизнь // Черноморское побережье. – 1903. – № 204. – 16 сентября.
28. Хроника // Черноморский край. – 1914. – № 13. – 17 января.
29. Хроника // Черноморский край. – 1914. – № 6. – 9 января.
30. Москвич Г. Г. Сокращенный практический путеводитель по Кавказу. СПб.: Типограф. и переплетная «Энергия» Э. М. Шапиро, 1912. 272 с.
31. Спутник-путеводитель по курортам Черноморского побережья / сост. В. Л. Соколов. М.: Типография А. П. Поплавского, 1912. 64 с.
32. Мальгин А. В. Русская Ривьера. Симферополь: СОНАТ, 2016. 349 с.
33. Приезжий. Письмо в редакцию // Анапа-курорт. – 1913. – № 12. – 31 мая.
34. Хроника // Анапа-курорт. – 1913. – № 17. – 7 июня.

Cabmen and their passengers in the resorts of the Black Sea coast of the Caucasus at the turn of the 19th – 20th centuries

Anna V. Kryukova

The article, along with the legal foundations of the cart trade, reveals issues related to the relationship that developed between cab drivers and passengers in the settlements of the Black Sea coast of the Caucasus, where, in addition to the local population, a large number of vacationers used the services of horse-drawn transport in the summer season. Based on the materials of archival sources, periodicals, reference publications and journalism, the desire of local authorities to regulate the work of cab drivers is shown. The attention is drawn to insufficient control over their behavior, which entails negative aspects: non-compliance by cab drivers with established prices, rudeness with riders, violation of the rules, in particular regarding the sober state of the drivers.

Key words: cab trade, cabbies, horse-drawn transport, the Black Sea coast of the Caucasus, Russian Empire, the turn of the 19th – 20th centuries.

For citation: Kryukova, A. V. (2023) Izvozhchiki i ikh passazhiry na kurortakh Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza na rubezhe XIX – XX vv. [Cab drivers and their passengers in the resorts of the Black Sea coast of the Caucasus at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 130–141. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_130

References

1. Baranova E. V. (2015) *Gorodskie izvozhchiki konca XIX–XX vv.: shtrih k portretu social'no-professional'noj grupy* [City cab drivers of the late 19th – 20th centuries: touches on the portrait of a socio-professional group] // *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process* [Socio-economic phenomena and processes]. T. 10. № 6. Pp. 127–133. (In Russ.)
2. Samarina L. A. (2019) *Legkovoj izvoz v Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Passenger transport in the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. № 3. Pp. 91–116. (In Russ.)
3. Loginova D. V. (2021) *Professional'nyj oblik izvozhchikov v Rossii v XIX – nachale XX v.* [The professional appearance of cab drivers in Russia in the 19th – early 20th centuries] // *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political science]. T. 48. № 3. Pp. 670–680. (In Russ.)
4. Nikulin V. N. (2015) «Van'ki», «golubchiki», «lihachi» i «lomoviki». *Iz istorii izvoznogo promysla krest'yan stolichnoj gubernii v konce XIX veka* [From the history of the cart trade of the peasants of the capital province at the end of the 19th century] // *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii* [Northwest in the rural history of Russia]. № 21. Pp. 139–154. (In Russ.)
5. Tereshchenko A. A. (2021) *Logisticheskaya sostavlyayushchaya v hozyajstvennoj infrastrukture gorodov Kurskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka* [Logistic component in the economic infrastructure of the cities of the Kursk province in the second half of the 19th century] // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. № 4. Pp. 35–40. (In Russ.)
6. Bushuev I. A. (2014) *Transportnaya sistema Kostromy i Yaroslavl'ya na rubezhe XIX–XX vekov v povsednevnoj zhizni gubernskih centrov* [The transport system of Kostroma and Yaroslavl at the turn of the 19th–20th centuries in the everyday life of provincial centers] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of the Kostroma State University]. T. 20. № 4. Pp. 65–68. (In Russ.)
7. Baramykina M. V. (2013) *Izvoznij promysel v konce XIX – nachale XX vv. (na primere g. Samara)* [Cart trade in the late XIX – early XX centuries (on the example of Samara)] // *Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya* [Intellectual potential of the 21st century: stages of knowledge]. № 15. Pp. 30–34. (In Russ.)

8. Chohalyan V. A. (2016) *Razvitie gorodskogo obshchestvennogo transporta Saratova v konce XIX – nachale XX v.* [The development of urban public transport in Saratov in the late XIX – early XX century] // *Gosudarstvo, obshchestvo, Cerkov' v istorii Rossii XIX–XXI vekov. Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2-h chastyah* [State, society, church in the history of Russia in the XX-XXI centuries. Proceedings of the XV International Scientific Conference: in 2 parts]. Pp. 709–716. (In Russ.)

9. Baranova E. V. (2009) *Transport kak chast' social'no-kul'turnoj infrastruktury goroda na materialah Tambova vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Transport as part of the socio-cultural infrastructure of the city on the materials of Tambov in the second half of the 19th – early 20th centuries] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. № 10. Pp. 161–168. (In Russ.)

10. Sidyakina A. G. (2015) *Funkcionirovanie vnutrigorodskogo guzhevogo transporta na Kubani i v Prichernomor'e v konce XIX – nachale XX veka* [The functioning of intracity horse-drawn transport in the Kuban and the Black Sea region in the late XIX – early XX century] // *Kul'turnaya zhizn' YUGa Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. № 2. Pp. 47–51. (In Russ.)

11. *Anapa: kurort i klimaticheskaya staniya Kubanskoj oblasti (Kurorty Severnogo Kavkaza)* (1912) [Anapa: resort and climatic station of the Kuban region (Resorts of the North Caucasus)]. Rostov-na-Donu: Upravlenie Vladikavkazskoj zheleznoj dorogi. (In Russ.)

12. *Arhiv g. Novorossijsk. F. 2. Op. 1. D. 24.*

13. Kalabuhov N. G., Yablonskij N. I. (eds) (1904) *Strana tepla i solnca: Sochi, Tuapse, Gagry i Suhum v klimaticheskom, klimato-lechebnom i ohotnich'em otnošeniyah. Ih nastoyashchee i budushchee* [Country of warmth and sun: Sochi, Tuapse, Gagra and Sukhum in climatic, climate-therapeutic and hunting relations. Their present and future]. М.: zhurnal "Ohotnichij Vestnik". (In Russ.)

14. Dorovatovskij S. P. (2010) *Sochi i Krasnaya Polyana s okrestnostyami: putevoditel'* [Sochi and Krasnaya Polyana with the surroundings: a guide]. Repr. vosp. izd. 1911 g. Krasnodar: Platonov I. (In Russ.)

15. Moskvich G. G. (1913) *Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Chernomorskomu poberezh'yu* [Illustrated practical guide to the Black Sea coast]. SPb.: redakciya "Putevoditelej". (In Russ.)

16. Kester B. P., Vasil'ev I. S., Konstantinov V., Kochenovskij D. I. (1911) *Sochi i ego okrestnosti: Dorozhnik ekskursij po goram i ushchel'yam Sochinskogo rajona* [Sochi and its environs: Road guide for excursions in the mountains and gorges of the Sochi region] / Kavkazskij Gornyj Klubi. SPb.: Tipografiya S. M. Proppera. (In Russ.)

17. *Hronika* [Chronicle] (1913) // *Anapa-kurort* [Anapa-resort]. № 6. 23 May. (In Russ.)

18. *Chernomorskoe poberezh'e: spravochnik o putyah soobshcheniya* (1917) [The Black Sea coast: a guide to communications]. Tiflis: Tipografiya Kancel'yarii Namestnika Ego Imperatorskogo Velichestva na Kavkaze. (In Russ.)

19. *Hronika* [Chronicle] (1914) // *Tuapsinskie otkliki* [Tuapse responses]. № 8. 12 January. (In Russ.)

20. *Hronika* [Chronicle] (1914) // *Chernomorskij kraj* [Black Sea Territory]. № 12. 16 January. (In Russ.)

21. *Hronika* [Chronicle] (1913) // *Anapa-kurort* [Anapa-resort]. № 45. 11 July. (In Russ.)

22. *Gorodskaya zhizn'* [City life] (1903) // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. № 167. 30 July. (In Russ.)

23. *Gorodskaya zhizn'* [City life] (1903) // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. № 140. 28 June. (In Russ.)

24. *Gorodskaya zhizn'* [City life] (1903) // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. № 151. 11 July. (In Russ.)

25. *Gorodskaya zhizn'* [City life] (1903) // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. № 186. 23 August. (In Russ.)

26. *Zametki* [Notes] (1903) // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. № 203. 14 September. (In Russ.)

27. *Gorodskaya zhizn'* [City life] (1903) // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. № 204. 16 September. (In Russ.)

28. *Hronika* [Chronicle] (1914) // *Chernomorskij kraj* [Black Sea Territory]. № 13. 17 January. (In Russ.)

29. *Hronika* [Chronicle] (1914) // *Chernomorskij kraj* [Black Sea Territory]. № 6. 9 January. (In Russ.)

30. Moskvich G. G. (1912) *Sokrashchennyj prakticheskij putevoditel' po Kavkazu* [Abbreviated Practical Guide to the Caucasus]. SPb.: Tipolitograf i perepletnaya "Energiya" E. M. SHapiro. (In Russ.)

31. Sokolov V. L. (ed.) (1912) *Sputnik-putevoditel' po kurortam Chernomorskogo poberezh'ya* [Satellite guide to the resorts of the Black Sea coast]. М.: Tipografiya A. P. Poplavskogo. (In Russ.)

32. Mal'gin A. V. (2016) *Russkaya Riv'era* [Russian Riviera]. Simferopol': SONAT. (In Russ.)

33. *Priezhizhij. Pis'mo v redakciyu* (1913) [Visitor. A letter to the editor] // *Anapa-kurort* [Anapa-resort]. № 12. 31 May. (In Russ.)

34. *Hronika* [Chronicle] (1913) // *Anapa-kurort* [Anapa-resort]. № 17. 7 June. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.11.2022

Одобрена после рецензирования 16.12.2022

Принята к публикации 10.01.2023

Инструкторские курсы при Комиссии по огородам при Петроградском областном комитете Всероссийского союза городов (1917–1922 гг.)

Т. В. Емельянова

В статье характеризуется деятельность инструкторских курсов, которые были организованы в Петрограде в 1917 г. по инициативе руководства межведомственной Комиссии по огородам, курировавшейся и Временным правительством (Департаментом земледелия), и Петроградским областным Всероссийским союзом городов (деятельность Комиссии была продолжена при большевиках). Продовольственный кризис, развивавшийся в Петрограде в годы войны и революции, вынудил руководство города содействовать вовлечению в оборот находившихся в черте города свободных земель, причем не только собственно городских, но и находящихся в частном землевладении. Деятельность по организации огородов потребовала профессиональных знаний, и было решено создать курсы для обучения инструкторов, которые консультировали бы население по различным вопросам, связанным с устройством огородов и выращиванием овощей. К организации курсов были привлечены преподаватели сельскохозяйственных учебных заведений, в частности коллектив Петроградских сельскохозяйственных курсов (позднее переименованных в Каменноостровский сельскохозяйственный институт), сделавший своей базой имение Николаевское в Лужском уезде Петроградской губернии. Для написания статьи привлечены ранее не задействованные документы, хранящиеся в ЦГИА СПб, включая отчеты Комиссии и инструкторских курсов, ведомственную переписку, информацию о содержании занятий, оплате труда преподавателей и обеспечении питания слушателей и преподавателей, что в условиях голодающего города было особенно важно.

Ключевые слова: революционный кризис в Петрограде, Каменноостровский сельскохозяйственный институт, инструкторские курсы, Комиссия по огородам, имение Николаевское.

Для цитирования: Емельянова Т. В. Инструкторские курсы при Комиссии по огородам при Петроградском областном комитете Всероссийского союза городов (1917–1922) // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 142–160. DOI 10.35231/25422375_2023_1_142

Введение

История революционного кризиса в Петрограде – это не только история политических событий, описанных в исторической литературе с разных позиций и в разное время. Это и чудовищная гуманитарная катастрофа, которую можно сравнить разве что с блокадой Ленинграда. Одной из сложнейших проблем, назревших в годы войны и революций, являлся продовольственный кризис и голод, унесший тысячи жизней горожан. Обстановка в Петрограде описана в многочисленных воспоминаниях очевидцев (в статье цитируются дневники Зинаиды Гиппиус и Марии Врангель), но не менее интересна история тех попыток, которые осуществлялись властями для организации выживания граждан.

Одной из таких попыток можно назвать историю создания Комиссии по огородам, которая была организована совместными усилиями Временного правительства и Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов с целью вовлечения свободных городских и неиспользуемых частновладельческих земель в огородный фонд для выращивания овощей для нужд города. Инструкторские курсы при Комиссии, призванные готовить инструкторов для организации огородных хозяйств в помощь жителям, не только занимались образовательной деятельностью (там преподавали видные ученые, специалисты по сельскому хозяйству и получали за это дополнительное вознаграждение), но и обеспечивали продовольствием слушателей и преподавателей.

Продовольственный кризис в Петрограде в годы революций 1917 г. и Гражданской войны – проблема, не раз привлекавшая внимание историков и публицистов. Историографический обзор по этой теме есть в статье О. Н. Кузнецовой, появившейся в 2017 г. и посвященной деятельности Комиссии по продовольственному делу при Временном правительстве в Петрограде в 1917 г. [1]. Упомянем не потерявшие своей актуальности работы П. В. Волобуева, А. П. Сидорова, Т. М. Китаниной, А. Б. Николаева и др. [2–5].

Основным мероприятием новой власти (Временного правительства) был закон от 25 марта 1917 г., подтвердивший хлебную монополию и означавший более высокую степень военного регулирования и обобществления одной из ведущих

народнохозяйственных отраслей [4]. Но проблема не была решена, и Временному правительству пришлось столкнуться с усугублявшимся кризисом обеспечения продовольствием.

Деятельность Комиссии по продовольственному делу, созданной при Временном правительстве по приказу министра продовольствия А. В. Пешехонова от 3 августа 1917 г., была направлена на обследование работы Центральной продовольственной управы (ЦПУ), вызывавшей большие нарекания у населения. «На Комиссию возлагались: 1) исследование проблем снабжения Петрограда продовольствием и его распределения; 2) обследование деятельности Петроградской ЦПУ; 3) поиск мер для улучшения продовольственного положения в столице» [1, с. 22].

О. Н. Кузнецова выявила, что несмотря на то, что претензии в адрес управы и ее руководителя В. Г. Громана были отвергнуты Комиссией, тем не менее проблемы, выявленные при обследовании продовольственного дела в Петрограде, были довольно серьезны и носили системный характер.

Авторы отчетов, предоставленных Комиссии, на которые ссылается О. Н. Кузнецова, отмечали: 1) продовольственный кризис, назревший в годы войны и не находивший своего разрешения в условиях начавшейся революции; 2) кризис инфраструктуры, препятствующий нормальному обеспечению продовольствием не только Петрограда, но и всей страны; 3) твердые закупочные цены, которые не способствовали энтузиазму торговцев и делали снабжение города хлебом затруднительным; 4) несовершенство карточной системы, которая порождала у населения ощущение несправедливости и тревоги за будущее [1, с. 25–29].

Карточная система была введена еще в 1916 г. и, как считают некоторые исследователи, довольно тесно была связана с уходом из правительства главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, который проводил умелую и гибкую политику в деле продовольственного снабжения, установив на местах твердые закупочные цены несколько выше рыночных. Крестьяне охотно продавали хлеб, и до отставки Кривошеина проблем со снабжением практически не существовало. После отставки Кривошеина сменивший его А. П. Наумов снизил закупочные цены на хлеб,

что привело к мгновенному исчезновению товара с рынка и возникновению проблем со снабжением, которых могло бы и не быть [6, с. 131].

Предлагаемая статья написана на основании архивных документов, хранящихся в ЦГИА СПб и компактно представленных в материалах Ф. 453, в основном содержащих сведения о Комиссии по огородам Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов. Это протоколы и журналы заседаний Комиссии, докладные записки, многочисленные отчеты и сметы о деятельности инструкторских курсов, организованных при Каменноостровском сельскохозяйственном институте (преемнике Петроградских сельскохозяйственных курсов) для обучения желающих, документы по личному составу курсов, заявления о принятии на службу, информация о продовольственном обеспечении слушателей и преподавателей. Представляют большой интерес отчеты о содержании занятий, где лекции читали видные ученые того времени, такие как В. П. Будрин, Б. Д. Бруцкус, Н. Н. Богданов-Катьков и др.

Автор использовал в работе метод исторической реконструкции, позволяющий воспроизвести страницы повседневной жизни обитателей голодного революционного Петрограда, а именно преподавателей и слушателей сельскохозяйственных учебных заведений.

Результаты

Зинаида Гиппиус была очевидцем революционных событий и обстановки в Петрограде тех лет. Эти события описаны в ее знаменитых дневниках и дают ужасающую картину голода и разрухи в городе. Среди записей есть упоминание о рыночных ценах на продовольствие, которое дает представление о чудовищной инфляции и дороговизне. «Итак – вот сегодняшние цены, зима 19–20 г., декабрь (через полгода: втрое, кое-что вчетверо, большая часть – ни за какие деньги). Фунт хлеба – 400 р., масла – 2300 р., мяса – 610–650 р., соль – 380 р., коробка спичек – 80 р., свеча – 500 р., мука – 600 р. (мука и хлеб – черные, и почти суррогат)» [7, с. 103].

Мария Врангель, тоже вынужденная голодать в Петрограде, писала: «Жизнь безумно дорожала не по дням, а по часам. Цены все лезли и лезли – один фунт отвратительного хлеба

на рынке продавался в то время за 500 рублей, мясо 1700 рублей, яйцо одно 400 рублей, масло 12 тысяч, сахар 10 тысяч, соль 350 рублей, сапоги 150 тысяч, пара чулок 6 тысяч..., мыло для стирки 6 тысяч». Картофель стоил, по ее словам, 250 р. за один фунт, что составляло не больше шести картофелин [8, с. 402, 403].

У Марии Дмитриевны, в отличие от не состоящей на службе Зинаиды Гиппиус, была все же возможность питаться в общественной столовой (она служила в Музее города при Аничковом дворце). Вот как М. Д. Врангель описывала эти обеды: «Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщицами, ела темную бурду с нечищенной гнилой картошкой, сухую как камень воблу, иногда табачного вида чечевицу или прежуткую пшеничную бурду... Хлеб был из дуранды, опилок, высевок и только 15 % ржаной муки. С улицы прибегали в лохмотьях синие от холода, умирающие от голода женщины и дети. Они облипали наш стол и, жадно глядя помертвелыми белыми глазами вам в рот, шептали: Тетенька, тетенька, оставьте ложечку... » [8, с. 403]. Из ее же воспоминаний: «А народ мер и мер как мухи. Тридцати тысяч гробов в месяц не хватало, брали на прокат» [8, с. 404].

Гиппиус писала и о другой страшной беде, которая поразила Петроград. «Косит дизентерия. Направо и налево. Нет дома, где нет больных. В нашем доме уже двое умерло. Cholera только в развитии. 16 июля. Утром из окна: едет воз гробов. Белые, новые, блестят на солнце. Воз обвязан веревками. В гробах – покойники, кому удалось похорониться. Это не всякому удается» [7, с. 84]. По некоторым данным, население Петрограда сократилось после 1917 г. с 2 млн 400 тыс. до 700 тыс. чело., и одной из причин, помимо войны и холеры, был чудовищный голод, поразивший многие группы населения.

В марте 1917 г. при Петроградском областном комитете Всероссийского союза городов была создана Комиссия по огородам с целью снабжения Петрограда овощами и организации сбора грибов и ягод. 14 марта 1917 г. состоялось первое заседание (под председательством доктора З. Г. Френкеля, имевшего прямое отношение к санитарно-техническому бюро Всероссийского союза городов), о чем свидетельствует протокол заседания от 14 марта [9, л. 1]. Со временем Комиссия приобрела

характер межведомственной и даже издавала некий ежегодник под названием «Известия». В архиве сохранился краткий отчет Комиссии за январь – март 1918 г., опубликованный в «Известиях» за 1918 г., где речь шла об истории создания и деятельности Комиссии в течение года. Этот отчет был составлен П. В. Будриным, который стал выполнять обязанности председателя этой Комиссии.

В отчете отмечалось, что вопрос о городском огороде был поднят еще в 1916 г., когда стало очевидно, что назревает транспортная проблема и город трудно будет обеспечить овощами в том объеме, который был возможен в 1913 г. (а это свыше 13 млн пудов). Летом 1916 г. городским головой П. И. Леляновым совместно с П. В. Будриным и В. П. Парашуком были осмотрены свободные городские земли, пригодные для огородов и устройства свинарников. Выяснилось, что таких земель очень мало (не более 47 дес.), но все же было решено заняться устройством на них огородов и закупить необходимые для этого земледельческие орудия [10, л. 147].

В марте 1917 г. было принято решение о создании нескольких комиссий по обеспечению снабжения (планировалось создание и животноводческой, и птицеводческой комиссии и др.), но цитируемый автором отчет посвящен лишь деятельности одной из них, Комиссии по огородам. Помимо упомянувшегося уже П. В. Будрина, который стал ее председателем, в исполнительное бюро Комиссии вошли также М. Д. Спиридонов, В. Д. Монюшко и А. В. Шейн, из которых было образовано исполнительное бюро. В работе Комиссии принимали участие и представители общественных организаций (от завода «Новый Леснер», «Айваз», 1-го Петроградского гражданского комитета и др.).

Одним из первых мероприятий Комиссии было очередное обследование удобных под огорода земель, проводившихся по совместному согласию заинтересованных лиц и владельцев земель или на основании закона об использовании городских земель от 11 апреля 1917 г. Упоминается об обследованных под огорода частновладельческих и удельных землях в Новой деревне, на Охте, на территории Обуховского завода, а также в Павловске, Стрельне, на ст. Поповке, Окуловке, в Царском Селе, Удельной, Мурино, Ст. Петергофе и др. Из обследо-

ванных 1246 дес. 110 организациям и частным лицам (путем отчуждения 71 дес. и при добровольном согласии владельцев 132 дес.) под огороды было отведено 203 дес. Кроме того, комиссией по огородам было восстановлено 20 промышленных огородных хозяйств с площадью 193 дес. При обеспечении огородников посадочными материалами особое внимание обращалось на выращивание капустной и брюквенной рассады, что удалось осуществить «при содействии комиссара» над бывшим дворцовым ведомством. Интересно, что для этой цели были использованы парники при бывших царских дворцах, что дало возможность вырастить рассады (свыше 300 тыс. штук – в парниках Таврического дворца, по 200 тыс. штук – в парниках Елагинского и Петергофского дворцов, по 400 тыс. штук – в парниках Гатчинского и Царскосельского дворцов), а всего около 1500 000 штук.

Этой рассадой, а также «добытым» от Департамента земледелия и продовольственной управы картофелем, луком и разными семенами удалось обеспечить нуждавшихся огородников. Картофеля было отпущено около 23 тыс. пудов, лука – свыше 200 пудов, семян свеклы – свыше 12 пудов, моркови – около 4 пудов, петрушки – свыше 1 пуда. Лошади (числом около 40 голов) были куплены в дворцовой конюшне «на льготных условиях» [10, л. 148, 148 об.].

Перед Комиссией стояла не менее сложная задача обеспечения огородников необходимыми для обработки земли сельскохозяйственными орудиями: часть удалось взять «во временное пользование» у Сельскохозяйственного музея, 20 плугов было куплено у отдела снабжения Всероссийского союза городов, два трактора были переданы Комиссии по распоряжению Департамента земледелия. Одним из тракторов воспользовался Обуховский продовольственный комитет, обладавший самым крупным огородным хозяйством. Среди пользователей, получивших сельхозинвентарь от Комиссии, было 13 воинских частей, 10 рабочих организаций, 20 общественных организаций, несколько лазаретов и больниц, а также свыше тысячи «мелких лиц и отдельных групп» [9, л. 148, 148 об.].

Для успешного осуществления работы необходимы были и специалисты-огородники, которые могли бы помогать населению в осуществлении непривычной для него деятельно-

сти. В результате Комиссии по огородам пришлось в срочном порядке заняться и организацией соответствующих инструкторских курсов [10, л. 149].

Е. Р. Ольховский, известный петербургский историк, летописец СПбГАУ, добавляет штрих к истории создания инструкторских курсов. Он писал, что в послеоктябрьские годы во всех трех петроградских сельскохозяйственных учебных заведениях продолжалась учеба, но условия существования усложнились настолько, что к концу 1918 г. Петроградские сельскохозяйственные курсы, например, остались вообще без денег и тогдашнему директору М. А. Сонгайло пришлось ехать в Москву, где выяснилось, что смету курсов потеряли, а Комиссариат земледелия выделяет лишь очень незначительную годовую ассигнацию, из которой удалось выпросить лишь половину.

Вернувшийся из Москвы директор вынужден был согласиться с предложением педагогического совета пойти по пути «зарабатывания денег». Постановили на базе имения «Николаевское» (это собственное учебное хозяйство курсов) открыть платные курсы инструкторов сельского хозяйства для 30 чел. Обсудив программу курсов, решили готовить инструкторов по пчеловодству, плодоводству, кооперации и огородничеству [11, с. 78–79].

Первого июня 1918 г. состоялось заседание комитета Петроградских сельскохозяйственных курсов, на котором директор М. А. Сонгайло доложил, что в настоящее время условия благоприятны для того, чтобы достать средства для создания на Петроградских сельскохозяйственных курсах отделов по огородничеству, плодоводству и технической переработке плодов и овощей, по луговодству и культуре болот. На этом заседании было решено открыть отделы по селекции, земского (народного) хозяйства, а также учредить институт странствующих лекторов, т. е. выезд преподавателей на каникулярные месяцы в какие-либо пункты Северной области для распространения путем лекций сельскохозяйственных знаний [12, л. 23–26 об.].

Открывшиеся инструкторские курсы были рассчитаны на 30 вакансий. Обучение должно было быть бесплатным и длиться пять месяцев. От поступающих требовалось на-

личие среднего образовательного ценза, а по окончании им должно было выдаваться свидетельство на звание инструктора по огородничеству [10, л. 67].

Сельскохозяйственный культурно-просветительский отдел по внешкольному с/х образованию Комиссариата земледелия отчитывался в октябре 1918 г. перед Петроградским областным комитетом Всероссийского союза городов (СОГОР-ом) о том, что «по ходатайству от 15 июня 1918 г. за № 163 на расходы по устройству в имении «Николаевское» в 1918 г. Инструкторских курсов по огородничеству ассигновано 7 000 руб. в распоряжение Председателя Комиссии по огородам. За получением талона по ассигновке следует явиться в Финансовый отдел Комиссариата земледелия в присутственное время» [10, л. 8].

Ведомственная переписка содержит много интересных документов, каждый из которых приоткрывает историю формирования инструкторских курсов. Например, в копии ответа на отношение Комиссии по огородам от 20 июня 1918 г., пересланного транспортным отделом Северной областной продовольственной управы по месту требования с пометкой «срочно», сообщалось, что со станции Петроград Северо-Западной железной дороги 25 июня 1918 г. был отправлен один вагон с «семенным и земледобрытельным материалом, предметами продовольствия и учебными пособиями» на ж/д станцию Серебрянка Северо-Западной железной дороги [10, л. 6].

В архиве сохранились расписание и отчет о проведении занятий на инструкторских курсах на лето 1918 г. Лекции по физиологии растений на курсах читал О. А. Вальтер, прикладной зоологии – Н. Н. Богданов-Катков, ботанике – лектор С. С. Ганьшин; по почвоведению и подготовке почв под огороды – Б. Н. Одинцов, по экономике и кооперации огородничества – Б. Д. Бруцкус, по общему огородничеству – П. В. Будрин [13, л. 130–133 об.].

Первоначально предполагалось, что практические занятия по огородничеству (лектор Н. П. Спиченко) и ботанике (С. С. Ганьшин) будут проводиться на огородах Сельскохозяйственного музея на Крестовских островах и даче Белосельских-Белозерских во второй половине дня (после обеда) и выходные дни. А с 29 июня по 5 июля ситуация должна была

меняться и на огороды необходимо выходить уже с утра, а вторая половина дня посвящалась лекциям и экскурсиям [10, л. 59, 63, 65].

Занятия начались 21 мая, а 26 мая слушатели уже были переведены в имение «Николаевское» и занимались там до октября. Следовательно, они не нуждались в поездках на практику в город, а были в имении постоянно, без отрыва от обучения и практики, что, как отмечалось, «плодотворно сказалась на результатах учебной деятельности» [13, л. 130].

Под многими документами, упоминаемыми в данной статье, стоит подпись Петра Васильевича Будрина, знаменитого агронома, исследователя зеленого удобрения: он стал председателем Комиссии по огородам при Петроградском областном СОГОРе, возглавил по должности деятельность по организации инструкторских курсов, а потом стал их заведующим. Это был замечательный ученый, магистр сельскохозяйственных наук, начинавший свою карьеру еще в Горы-Горецком институте, превосходный лектор, замечательно преподававший свои дисциплины.

Другая подпись, стоящая под многими документами, секретаря Владислава Каэтановича Ловчиновского. В архиве сохранилось его заявление за 1918 г. в Комиссариат труда РСФСР с просьбой о разрешении совместительства в качестве секретаря Комиссии по огородам. Он ссылается на распоряжения правительства от 11 и 24 января 1918 г., в котором прописаны условия совместительства, и сообщал о себе то, что «я работаю в Каменноостровском сельскохозяйственном институте, где я состою преподавателем и, вместе с тем, членом Комитета заведования хозяйственной частью. Занятия со студентами протекают с 5 до 10 часов вечера, в пределах какого протекает и моя работа в нем. Оклад жалованья преподавателя и декана получаю в данное время по должности – 1800 руб. согласно ставкам, выработанным Комиссариатом народного просвещения применительно к опубликованному 27 декабря 1918 положению об оплате труда служащих по учено-учебной части, в ученых и научно-технических учреждениях, высших учебных заведениях, библиотеках и архивах».

Далее он писал о недостаточности этих денег для прожиточного минимума, а также несвоевременном получении го-

норара, что вынудило его занять с 1 апреля должность секретаря, а также помощника заведующего Комиссии по огородам, за что он получал еще 930 р. в месяц и пребывал в результате на работе с 10 ч утра до 10 ч вечера [10, л. 102–103]!!!

В материалах архива сохранился «Краткий отчет по ведению практических работ со слушателями инструкторских курсов на учебно-показательном огороде в имении Николаевском», подготовленный инструктором В. С. Харламповичем и использованный П. В. Будриным при составлении большого отчета о деятельности Комиссии по огородам, в который были включены составной частью и материалы из отчета о деятельности инструкторских курсов.

Инструктор писал, что к работам приступило 24 чел., которые столкнулись с немалыми трудностями, так как «за 4 года участок богато пророс пыреем, осотом, мелкими деревцами и усеян камнями. Участок попался бедный, и пришлось удобрять минеральными туками, так как навоза не было». Тем не менее работа проводилась в течение всех летних месяцев и даже ставились опыты, а также были засеяны и засажены грядки (всего около 560 саженей), в том числе: капустой – 80 кв. саж., картофелем – 21 кв. саж., морковью – 27 кв. саж., сахарной свеклой – 23 кв. саж., бобами – 22,5 кв. саж., горохом – 13,5 кв. саж. и столько же луком, а остальное другими культурами. Был устроен парник.

Для знакомства курсистов с полевой культурой огородных растений были использованы такие сельскохозяйственные орудия, как планер, еж, распашник. На посадочный материал было потрачено 534 р., а инвентаря купили на 165 р. 70 к. Инструктор пытается оценить возможный «приход», исходя из тогдашних цен, перечисляя количество снятого с опытных полей урожая:

- капусты – 50,5 пудов по 24 р.
- картофеля – 38, 5 пудов по 24 р.
- свеклы – 8 пудов (680 шт. по 10 к.)
- луку головками – 1100 шт. по 10 к. и 11 пудов по 18 р.
- моркови – 2915 шт. по 3 к. и 24 фунта по 1 р.
- брюквы – 117 шт. по 1 р.
- бобов – 69 фунтов по 33 р.
- гороху – 37 фунтов по 3 р.
- цикория – 30 фунтов по 3р.

Судя по отчету, с огорода можно было бы продать еще цветную капусту, кольраби, лук-порей, сельдерей, редьку. «Приход» от продажи овощей мог бы составить 3816 р. 33 к., но ... «весь урожай поступил в столовую курсистов безвозмездно» [10, л. 77–77 об.]!

Иллюстрирует данную ситуацию помеченное 11 августа уже 1920 г. ходатайство в Петроградский комитет профессионально-технического образования: «В ответ на отношение от 31 июня 1918 года за № 8475, в котором говорится о необходимости усиленного питания студентов по ускоренному выпуску в виду заболевания цингой, Президиум Каменноостровского сельскохозяйственного института¹ сообщает, что овощи с огородов института предложено распределить между студентами срочного выпуска, преподавателями и служащими такового, а также передать избыток в распоряжение организаций других высших учебных заведений. Для осуществления этого предложения необходимо теперь же, в срочном порядке, возбудить ходатайство перед Петроградским Комитетом по сельскому хозяйству, а равно перед Лужским исполкомом об освобождении овощей с указанных огородов от каких бы то ни было реквизиций и оставлении их в распоряжении института. Огороды находятся в Коломягах, Новой Деревне, Николаевском» [10, л. 3–3 об.]

В 1920 г. проблема голода была не менее актуальной, чем в 1918-м, и мы видим, как важно было оставить выращенные овощи на курсах. В распоряжении дирекции курсов в 1918 г. уже было отношение за № 8475: вот почему урожай целиком остался в столовой. В 1920 г., вероятно, реквизиции коснулись в том числе и урожая, собранного на курсах, поэтому пришлось возбуждать ходатайство, что является подтверждением предположения Е. Р. Ольховского о том, что одной из целей организации курсов была в том числе и возможность «подкормить» преподавателей и студентов.

«Список слушателей инструкторских курсов в имени "Николаевском" Лужского уезда Петроградской губернии, на которых испрашиваются продовольственные и хлебные карточки», состоит из 21 фамилии [13, л. 57]. Как минимум одна из них

¹ В сентябре 1918 г. Петроградские сельскохозяйственные курсы перешли по собственной инициативе из ведения Комиссариата земледелия в ведение Комиссариата просвещения и переименовались в Каменноостровский сельскохозяйственный институт.

автору знакома. Работая над статьей о женском образовании в Петербурге в начале XX в., мы натолкнулись на «Журнал заседаний Вознесенской женской гимназии о выборе стипендиатов Петербургской городской думы». В нем есть такая запись: «2. Краузе Елизавета, дочь бедного и притом постоянно больного настройщика Отто Краузе, который вследствие волнения в Западном крае должен был переселиться в Петербург. Две из дочерей г-на Краузе обучаются в Вознесенской гимназии, и Елизавета Краузе при отличном поведении оказывает очень хорошие успехи в науках» [14, л. 1–2 об.]. Имя Елена Оттовна Краузе (вероятно, сестра той самой Елизаветы) встречается и в списке из 15 чел. на субсидию в размере 720 р. в месяц [14, л. 58], и в списке на компенсацию расходов по передвижению (она жила на Широкой ул., д.15, кв. 5) [13, л. 33].

Каменноостровский институт закладывал в смету на июнь 1919 г. компенсацию на расходы по передвижению и перевозкам не только слушателей, но и преподавателей в общем размере 3000 р. На оплату труда преподавателей на июнь месяц предполагается потратить 12 000 р., включая стоимость лекций по 75 р. и стоимость практических занятий по 37 р. 50 к.

Пособие для слушателей было увеличено с 720 р. до 1080 р. в месяц, заведующий курсами и его заместитель получали по 2000 р. в месяц. На расходы по экскурсиям шло 3000 р., на покрытие хозяйственных расходов – 2500 р., на оплату удобренных – 5000 р. Итого: 42 000 р. [13, л. 39]. В смете на содержание инструкторских курсов на 1920 г. за подписью М. А. Сонгайло и В. К. Ловчиновского предполагалась уже сумма в 1068 110 р. [13, л. 20].

В список преподавателей, получавших компенсацию на проезд, включены все уже знакомые нам лица, о которых речь шла и в расписании на лето 1918 г. [13, л. 31].

Здесь указаны адреса преподавателей, и мы можем установить, что Петр Васильевич Будрин, помеченный в списке как заведующий курсами и преподаватель, жил на Каменном острове, на набережной Большой Невки, 18. Этот адрес позволяет предположить, что Петр Васильевич проживал при институте. При институте жило, вероятно, и семейство директора института М. А. Сонгайло. Мария Михайловна Сонгайло и Лев Михайлович Сонгайло, которые числились как

слушатели курсов, тоже жили по этому адресу (наб. Большой Невки, 18).

Преподаватель Н. П. Спиченко, который по расписанию 1918 г. вел практически занятия по огородничеству, жил на Крестовском острове на даче Белосельских-Белозерских. Лектор по ботанике Сергей Сергеевич Ганешин – на Съезжинской ул., д.19, кв. 44. Оскар Антонович Вальтер – на ул. Нижегородской, д. 5, а Николай Николаевич Богданов-Катъков – на 6-й линии Васильевского острова, д. 27, кв. 10 [13, л. 31].

Борис Давидович Бруцкус, известный экономист, возглавивший в 1921 г. факультет экономики сельского хозяйства Петроградской сельскохозяйственной академии им. Стебута (образовалась в результате слияния Петроградского и Каменноостровского с/х институтов), жил в то время на Большом проспекте Васильевского острова д. 11, кв. 14 и тоже получал субсидию на проезд [13, л. 31].

Эмилия Давидовна Бруцкус описала в эмиграции свою жизнь в Петрограде в «Дневнике матери-хозяйки в годы революции в России в 1917–1921 гг.». Перед нами история повседневности людей этого времени: мешочничество, облавы, обыски, болезни, смерти – вот постоянные темы дневника. В нем месяц за месяцем, год за годом течет «<...> серая, архибудничная жизнь, где хлеб, крупа и бревна составляют весь горизонт», «<...> где «порываются последние связи культурной жизни, люди редко видятся, и все уходят в свои берлоги сосать несчастный свой паек».

Мобилизованный «по сельскому хозяйству» профессор Бруцкус читал красноармейцам популярные лекции практического характера, ночевал в казармах, висел на подножках товарных поездов, разгружал бревна и колол их для растопки холодного жилища, размышляя над фундаментальными теоретическими проблемами русского социализма. Сын Б. Д. Бруцкуса – Леонид-Элиезер вспоминал, что академический паек состоял из семи свиных ушей и одного фунта хлеба, который приходилось делить на всю семью [15; 16].

О том, насколько востребованы были специалисты инструкторских курсов, дает представление просьба, поступившая в совет народного хозяйства Северного района (Северное сельскохозяйственное общество) из торфяного отдела секции по то-

пливу в октябре 1918 г.: «организуя огороды на своих торфяных разработках в районе Ириновской ж.д. и нуждаясь в опытном руководителе-огороднике по этой организации, (торфяной отдел – Е. Т.) просит сообщить в спешном порядке, можно ли рассчитывать на получение из Сельскохозяйственного Общества подходящего руководителя и на каких условиях». В приписке указано, что желательно, чтобы рекомендуемое лицо было знакомо с техникой огневой сушки овощей [13, л. 105]. Думается, что этот запрос был удовлетворен, учитывая, что выпуск на инструкторских курсах к этому времени уже состоялся.

Еще один интересный документ подтверждает предположение о востребованности выпускников. Написанная от руки на листочке из тетради просьба в Комиссию по огородам датирована 13 декабря 1918 г. и имеет штамп имени «Извары», находящегося на ж/д станции Волосово Сев. Западной железной дороги. Просьба поступила из колонии для малолетних преступников, которая как раз и находилась в этом имении. Дирекция колонии уведомяла, что «<...> в колонии ведется преподавание сельского хозяйства и есть отрасли (связанные с с/х – Е. Т.), которые должны служить не только доходными, но и показательными для преподавания – (поэтому – Е. Т.) необходимо заведование огородом поручить лицу, знакомому не только с техническим ведением дела, но и могущего преподавать теорию огородничества и плодовоовощеводства и, если возможно, то и другие отрасли естествознания и сельского хозяйства».

Далее речь шла о вознаграждении, которое предполагало не только 470 р. ежеквартально, но и паек, а также молоко «в том количестве, какое возможно». Автор (это управляющий имением, подпись неразборчива) просил сообщить, не найдется ли среди инструкторов желающих занять это место и уведомял кандидата, что до 1 февраля инструктору придется нести еще и обязанности воспитателя, возможно, несколько раз в неделю [13, л. 12–12 об.]. На просьбе есть пометка делопроизводителя (секретаря) Комиссии по огородам В. К. Ловчиновского, что позволяет предположить, что запрос был выполнен.

Обсуждение и выводы

Продовольственный кризис, назревавший в Петрограде еще с 1916 г., имел в своей основе немало причин, но мог бы не раз-

виться до столь чудовищных масштабов, если бы не революции 1917 г. и Гражданская война. Твердые закупочные цены на хлеб, а потом и реквизиции продовольствия привели к полному развалу снабжения в Петрограде и гибели населения от голода и болезней. Большевики тоже не смогли справиться с этой проблемой.

По некоторым данным, население Петрограда сократилось после 1917 г. с 2 млн 400 тыс. до 700 тыс. чел., и одной из причин, помимо войны и холеры, был чудовищный голод, поразивший многие группы населения. Особенно страдали представители интеллигенции, чьи продуктовые карточки отоваривались весьма скудно.

В марте 1917 г. при Петроградском областном комитете Всероссийского союза городов была создана Комиссия по огородам с целью снабжения Петрограда овощами и организации сбора грибов и ягод. Курировал ее деятельность Комиссариат земледелия. В ходе работы Комиссия обнаружила потребность в специалистах, которые могли бы консультировать и обучать население навыкам огородничества. По инициативе Комиссии при ней были организованы специальные инструкторские курсы, которые должны были не только обучать желающих получить для занятий огородничеством знания, но и дать им статус инструкторов по огородничеству.

Весной 1918 г. к деятельности по организации инструкторских курсов присоединился коллектив Петроградских сельскохозяйственных курсов (с сентября 1918 г. – Каменноостровского сельскохозяйственного института). Материалы исследования позволили сделать несколько важных предположений в связи с деятельностью курсов.

1. Огромное значение имел тот факт, что Комиссию и курсы возглавил один и тот же человек, известный агроном, специалист по зеленому удобрению П. В. Будрин, преподававший и в Каменноостровском сельскохозяйственном институте, и на инструкторских курсах. Благодаря этому обстоятельству не было рассогласованности в действиях, и все отчеты, сметы, платежки подписывались одним и тем же лицом.

2. Коллектив приглашенных П. В. Будриным на курсы преподавателей состоял из профессионалов, знающих толк в своем деле, среди которых Н. Н. Богданов-Катьков, В. Д. Бруцкус, О. А. Вальтер и др.

3. Инициатива по организации курсов была обоюдной и шла не только со стороны Комиссии, но и со стороны руководства Каменноостровского института, так как преподаватели очень нуждались в условиях кризиса в дополнительном заработке и продуктах.

4. Летом 1918 г. решено было перенести занятия в имение «Николаевское», где было обеспечено не только проживание, но и питание преподавателей и студентов. Администрация, получив на это соответствующие субсидии и разрешение, реализовывала урожай с огородов в пользу слушателей и преподавателей [13, л. 57].

5. Наконец, замечание известного историка, летописца СПбГАУ Е. Р. Ольховского о том, что одной из целей организации инструкторских курсов была возможность «подкормить» преподавателей и студентов, вполне обосновано и нашло свое подтверждение в материалах статьи.

Список литературы

1. Кузнецова О. Н. Деятельность Комиссии для обследования положения продовольственного дела в Петрограде в 1917 году // Новейшая история России. – 2017. – № 4 (21). – С. 22–31.
2. Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. 483 с.
3. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 655 с.
4. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России (1914 – октябрь 1917 г.)). Л., 1985. 384 с.
5. Николаев А. Б. Государственная Дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 г. // Первая мировая война и конец Российской империи: в 3 т. Т. 3. Февральская революция. СПб.: Лики России, 2014.
6. Емельянова Т. В. К истории Главного управления землеустройства и земледелия. (Очерки деятельности русской бюрократии). СПб.: СПбГАУ, 2020. 157 с.
7. Гиппиус З. Н. Дневники. RUGRAM, 2011. 190 с.
8. Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 512 с.
9. Центральный Государственный Исторический Архив. С.-Петербург (ЦГИА СПб). Ф. 453. Оп. 1. Д. 17.
10. ЦГИА СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 18.
11. Ольховский Е. Р. История Санкт-Петербургского аграрного университета. СПб.: Соларт, 2004. 468 с.
12. ЦГИА СПб. Ф. 449. Оп. 7. Д. 2487.
13. ЦГИА СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 19.
14. ЦГИА СПб. Ф. 246. Оп. 1. Д. 20.
15. Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 769–771.
16. Рогалина Н. Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. М.: АО Московские учебники и картолитография, 1998. 192 с.

Instructor courses of Gardening commission by Petrograd Regional Committee of the All-Russian Union of Cities (1917–1922)

Tatyana V. Emelyanova

The article attempts to examine the activities of Instructor courses that were organized in Petrograd in 1917 on the initiative of the leadership of the inter-departmental Gardening commission, which was supervised by both the Provisional Government (Department of Agriculture) and the Petrograd Regional All-Russian Union of Cities (the Commission's activities were continued under the Bolsheviks). The fact is that the food crisis that developed in Petrograd during the war and revolution forced the city's leadership to promote the involvement in the turnover of free lands located within the city limits, and not only the city proper, but also those in private land ownership. The organization of vegetable gardens required professional knowledge, and it was decided to create Courses for training instructors who would advise the population on various agronomic issues. Teachers of agricultural educational institutions were involved in the organization of the courses, in particular, the staff of the Petrograd Agricultural Courses (later renamed into the Kamennooostrovsky Agricultural Institute), which made the Nikolaevskoye estate in the Luga district of the Petrograd province its base. The article is based on previously unused documents of Central State Historical Archive of St. Petersburg, including reports of the Commission and Instructor Courses, departmental correspondence, information on the classes content, remuneration of teachers and provisioning of students and teachers, which was especially important in a starving city.

Key words: revolutionary crisis in Petrograd, Kamennooostrovsky Agricultural Institute, Instructor Courses, Gardening commission, Nikolaevskoye estate.

For citation: Emelyanova, T. V. (2023) Instruktorskiye kursy pri Komissii po ogorodam pri Petrogradskom oblastnom komitete Vserossiyskogo soyuza gorodov (1917–1922 gg.) [Instructor courses of Gardening commission by Petrograd Regional Committee of the All-Russian Union of Cities (1917–1922)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. № 1. Pp. 142–160. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_142

References

1. Kuznetsova O. N. (2017) *Deyatel'nost' Komissii dlya obsledovaniya polozheniya prodovol'stvennogo dela v Petrograde v 1917 godu* [The activities of the Commission to survey the situation of the food business in Petrograd in 1917] // *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia]. No. 4 (21). Pp. 22–31. (In Russ.)
2. Volobuev P. V. (1962) *Ehkonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Economic policy of the Provisional Government]. M. (In Russ.)
3. Sidorov A. L. (1973) *Ehkonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The economic situation in Russia during the First World War]. M. (In Russ.)

4. Kitanina T. M. (1985) *Voina, khleb i revolyutsiya (prodovol'stvennyi vopros v Rossii (1914–oktyabr' 1917 g.))* [War, bread and revolution (food issue in Russia (1914 – October 1917))]. L. (In Russ.)
5. Nikolaev A. B. (2014) *Gosudarstvennaya Duma i Fevral'skaya revolyutsiya: 27 fevralya – 3 marta 1917 g.* [The State Duma and the February Revolution: February 27 – March 3, 1917] // *Pervaya mirovaya voina i konets Rossiiskoi imperii: v 3 t. T. 3. Fevral'skaya revolyutsiya* [The First World War and the End of the Russian Empire: in 3 vols. Vol. 3. The February Revolution]. St. Petersburg: Faces of Russia. (In Russ.)
6. Emel'yanova T. V. (2020) *K istorii Glavnogo upravleniya zemleustroi stva i zemledeliya. (Ocherki deyatel'nosti russkoi byurokratii)* [To the history of the Main Directorate of Land Management and Agriculture. (Essays on the activities of the Russian bureaucracy)]. St. Petersburg: SPbGAU, (In Russ.)
7. Gippius Z. N. (2011) *Dnevniki* [Diaries]. RUGRAM. (In Russ.)
8. Vrangel' N. E. (2003) *Vospominaniya. Ot krepostnogo prava do bol'shevikov* [Memories. From serfdom to the Bolsheviks]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
9. *Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Istoricheskiy Arkhiv. S-Peterburg (TSGIA SPb)* [Central State Historical Archive. St. Petersburg (TsGIA SPb)]. F. 453. Op. 1. D. 17.
10. *TSGIA SPb*. F. 453. Op. 1. D. 18.
11. Ol'khovskii E. R. (2004) *Istoriya Sankt-Peterburgskogo agrarnogo universiteta* [History of St. Petersburg Agrarian University]. St. Petersburg: "Solart". (In Russ.)
12. *TSGIA SPb*. F. 449. Op. 7. D. 2487.
13. *TSGIA SPb*. F. 453. Op. 1. D. 19.
14. *TSGIA SPb*. F. 246. Op. 1. D. 20.
15. *Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation (GA RF)]. F. 5881. Op. 2. D. 769–771.
16. Rogalina N. L. (1998) *Boris Brutskus – Istorik narodnogo khozyaistva Rossii* [Boris Brutskus – historian of the national economy of Russia]. M.: AO Moskovskie uchebniki i kartolitografiya. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.11.2022

Одобрена после рецензирования 16.12.2022

Принята к публикации 10.01.2023

Труд, быт, досуг первостроителей Комсомольска-на-Амуре: повседневная жизнь жителей дальневосточного города в 1930-е гг.

С. А. Власов

В статье на основе широкого круга архивных материалов, вводимых в научный оборот впервые, исследованы основные составляющие повседневной жизни первостроителей г. Комсомольска-на-Амуре: трудовая деятельность, жилищно-бытовые условия, формы и виды досуга. Установлено, что кадровый состав первостроителей формировался не только на добровольной основе, но и под административным нажимом; помимо мобилизованных и добровольцев существенную долю первостроителей составили военные строители, заключенные. Выявлено, что жилищные условия жителей нового города были неудовлетворительными. Отмечено, что для закрепления квалифицированных и наиболее трудоспособных кадров в качестве поощрения предоставлялось жильё лучшего качества. Снабжение продовольственными и промышленными товарами осуществлялось на низком уровне. Наличие досугово-культурных учреждений не соответствовало численности населения и не позволяло проводить содержательный досуг, и для большинства горожан он сводился к пассивному времяпровождению (отдыху, общению со знакомыми). Сделан вывод, что тяжелая повседневная жизнь первостроителей была своеобразной платой за ускоренное форсированное возведение промышленных объектов города.

Ключевые слова: первостроители, мобилизация, бараки, общественное питание, продовольственные и промышленные товары, бани-прачечные, содержательный досуг.

Для цитирования: Власов С. А. Труд, быт, досуг первостроителей Комсомольска-на-Амуре: повседневная жизнь жителей дальневосточного города в 1930-е гг. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 161–176. DOI 10.35231/25422375_2023_1_161

Введение

Количество публикаций о разных аспектах повседневности достаточно обширно. Все, кто занимается исследованием этого важного направления социальной истории, осведомлены о приоритетном вкладе в изучение этих проблем зарубежных ученых [1–3]; о начале интенсивных исследований повседневности в отечественной историографии на рубеже XX–XXI вв. [4–6]; об отсутствии единого подхода к определению сущности повседневности [6; 7] и других историографических фактах, суждения и выводах. Поэтому мы не будем повторять кочующие из одной публикации в другую сентенции, они известны всем специалистам, и нет необходимости о них еще раз писать.

Отметим лишь, что история повседневной жизни первостроителей г. Комсомольска-на-Амуре не получила достаточной разработки в современной отечественной историографии. Публикации, специально освещающие данную проблему, единичны [8]. В отдельных работах данная тема затрагивается косвенно, не является главной, основной, а служит своеобразным дополнением к исследованию других проблем [9–12].

Данная статья призвана восполнить не рассмотренные ранее аспекты из истории повседневности первых строителей г. Комсомольска-на-Амуре, ее цель – реконструкция и выявление основных черт жизни первостроителей: трудовой деятельности, бытовых условий и досуга, своеобразной триады, из которой складывается каждодневная жизнь обычных людей.

Для выполнения поставленной цели решались следующие задачи:

- дана характеристика кадрового состава первостроителей: формы и методы их комплектования, численность, уровень профессиональной подготовки;
- изучена организация и условия труда на строящихся объектах;
- исследованы жилищно-бытовые условия первостроителей, обеспеченность их промышленными и продовольственными товарами, банно-прачечными услугами;
- выявлено состояние культурно-досуговой инфраструктуры, основные виды и формы досуга горожан.

Статья написана на основе материалов, найденных главным образом в государственном архиве Хабаровского края,

частично использовались документы из госархива Приморского края. Все материалы впервые вводятся в научный оборот и позволяют воссоздать реальную картину повседневной жизни горожан Комсомольска-на-Амуре.

Результаты

Место для начала стройки было выбрано в январе 1932 г. правительственной комиссией во главе с заместителем наркома обороны Я. Б. Гамарником. Выбор определялся удаленностью от границы, близостью сахалинской нефти и особенностью р. Амур, которая ближе к устью имела глубоководное русло с довольно высоким левым берегом, где на месте с. Пермское и было решено начать возводить город.

10 мая 1932 г. к месту строительства на пароходах «Коминтерн» и «Колумб» прибыл первый отряд мобилизованных в количестве 3747 чел., 1 июня – еще одна партия первостроителей. Общая численность рабочих, служащих и инженерно-технических работников, прибывших в 1932 г. из Москвы, Ленинграда, Горького, Одессы, Ростова-на-Дону и других городов, составила 6724 чел. [13, л. 15].

Состав первостроителей был разношерстным. Наибольшую часть составляли мобилизованные комсомольцы и несоюзная молодежь – те, кого послали на строительство по разнарядке, в порядке административного приказа. Помимо них были комсомольцы-добровольцы, завербованные квалифицированные рабочие-строители, инженерно-технические работники. Мобилизация проходила в сравнительно мягком режиме, людей не столько принуждали, сколько уговаривали, обещая высокие заработки и хорошие жилищно-бытовые условия по месту прибытия.

Так, отряду мобилизованных с Украины (1200 чел.) пообещали сразу по приезде к месту назначения предоставить квартиры и советовали не брать постельные принадлежности, белье, теплую одежду; говорили, что все это они получают по месту прибытия. Обещаниями о полном снабжении бельем, одеждой и всем другим необходимым обнадеживали мобилизованных из Центрально-Черноземной области (ЦЧО), Северного Кавказа и других регионов европейской части страны.

В Москве и городах ЦЧО с теми, кого направляли на строительство Комсомольска-на-Амуре, заключали срочные договоры (от шести месяцев до года) и говорили: «Езжайте, постройте завод, вернетесь обратно». Мобилизованных из г. Иваново заверяли, что дальше Хабаровска их не отправят [13, л. 15–16]. В общем использовался весь арсенал бюрократически-пропагандистских приёмов, главная цель которых – выполнить спущенную сверху норму по набору нужного количества людей.

Для выполнения разнарядки в число мобилизованных попали подростки в возрасте от 14 до 17 лет (всего свыше 200 чел.), больные хроническими заболеваниями (35 чел.) и даже один инвалид 2-й категории, не имеющий права работать [13, л. 17]. О качественном составе мобилизованных свидетельствуют также данные о том, что в пути за время следования до Хабаровска в эшелонах среди мобилизованных процветали карточные игры, пьянство, хулиганство. Еще в дороге началось бегство мобилизованных, оно продолжилось в Хабаровске, всего по дороге к месту назначения в с. Пермское сбежало 474 чел. [13, л. 19].

Попытки уклониться от работы с обвинениями в обмане, необоснованных обещаниях и требованиями отправить обратно продолжились и по месту прибытия в с. Пермское. Среди части прибывших началось хождение по врачам с предложениями найти причину отъезда, подделывались документы для того, чтобы получить освобождение от работы или перейти на легкий труд.

Тяжелые трудовые будни начались с первых дней. Приходилось без машин и механизмов с топорами, двуручными пилами, кирками и лопатами корчевать тайгу, расчищать и готовить площадки под будущие промышленные объекты. Трудовая деятельность первого года заключалась по преимуществу в земляных работах, кроме этого возводились объекты, без которых дальнейшее строительство и жизнедеятельность были невозможны: лесопильный завод, склады, хлебопекарня, столовая, бараки, баня-прачечная.

У многих не было никаких навыков рабочих-строителей, в том числе и у инженерно-технических работников, часть из которых не имела специального строительного образования, опыта работы. Тяжелые условия труда, бытовые труд-

ности, просчеты в комплектовании кадров – всё это привело к бегству из города-новостройки¹, к 1 января 1933 г. количество первостроителей сократилось до 4599 чел. Причем убежали не только рабочие, но и ИТР, и другие специалисты, в частности врачи [14, л. 191–193]. По оценке партийного руководства Дальневосточного края (ДВК), «в 1932 г. и первой половине 1933 г. мы имели толпы комсомольцев, удирающих с стройплощадки» [15, л. 50].

Поскольку численность работающих на стройке существенно сократилась, что поставило под угрозу сроки возведения промышленных объектов, было решено привлечь к работам военнотружеников, заключенных, спецпереселенцев.

Весной 1933 г. стали прибывать первые партии заключенных, которые использовали на строительстве автомобильных дорог, лесозаготовках, погрузочно-разгрузочных и других работах, без которых невозможно было построить промышленно-транспортные объекты города.

В январе 1934 г. в Комсомольск-на-Амуре прибыл первый батальон военных строителей из вновь созданного особого строительного корпуса (ОКС) при Наркомтяжпроме. В течение 1934 г. их численность была доведена до 4700 чел., а к 1937 г. возросла почти до 13 тыс. чел. Военные строители возводили все основные объекты: судостроительный, авиационный и металлургический заводы, жилые постройки, электростанцию, хлебозавод.

Примечательна оценка кадрового состава первостроителей, которую дал Далькрайком ВКП(б) на одном из своих пленумов. Партийные руководители ДВК условно разделили рабочих на три группы. Первая, самая надежная – это военные строители, «у них присутствует воинская дисциплина, организованность, это факты чрезвычайно положительные». Вторая – рабочие-комсомольцы, большинство из которых после завершения строительства должны были стать трудящимися будущих заводов. Третья – это рабочие Дальлага, которые «по качеству несколько ниже стоят, чем первая и вторая категории рабочих, однако плюс состоит в том, что у них сравнительно низкий процент текучести» [15, л. 2].

В последующие годы корпус первостроителей пополнялся за счет вольнонаемных (вербованных) и демобилизованных

¹ 10 декабря 1932 г. с. Пермское постановлением ЦИК РСФСР было переименовано в г. Комсомольск-на-Амуре.

военнослужащих РККА. По-прежнему, как и в первые два года, часть первостроителей, отработав непродолжительное время, покидали стройку. С 1 апреля 1936 г. по 14 апреля 1937 г. из Комсомольска-на-Амуре выехало более 6 тыс. чел. [16, л. 44]. Проблема кадров существовала на протяжении всех довоенных лет. В одной из докладных записок о ходе строительства промышленных объектов города отмечалось, что для выполнения производственной программы 1936 г. дополнительно требовалось 7560 рабочих, 400 ИТР и 265 служащих [17, л. 8].

Несмотря на нехватку рабочей силы, её использование на стройплощадках было на низком уровне. В марте 1934 г. начальник «Дальпромстроя» Викторов был вынужден самокритично признать: «наша стройка и сейчас представляет из себя непрерывный аврал, а попросту сказать, непрерывную суматоху из-за неумения расставить рабочую силу с одной стороны, а с другой – из-за отсутствия в нужный момент надлежащего количества материалов» [15, л. 3].

В последующем ситуация не изменилась. При дефиците в рабочей силе организация работ отличалась низким уровнем, даже стахановцам приходилось простаивать из-за отсутствия стройматериалов, нехватки инструментов и других организационных неурядиц. В зимнее время из-за сильных морозов производительность труда падала, для обогрева приходилось делать перерывы в работе. Зимой лишь треть рабочих выполняли нормы.

Крайне неэффективно использовались машины и механизмы. Из пяти имеющихся в наличии экскаваторов использовались только три, два находились в ремонте. Выработка экскаваторов на земляных работах на доке судостроительного завода составляла 32,5 % от нормы, на песчаном карьере – 89,5 % [16, л. 57].

К фактам трудовой повседневности следует отнести и задержки с выплатой заработной платы. На 1 января 1936 г. задолженность зарплаты по городу составила около 20 млн р., что несомненно отражалось на трудовом настрое рабочих, и производительности труда [18, л. 7]. Подобные явления были следствием не только просчетов руководства стройки, но и общего состояния экономики страны и наблюдались в других ее регионах [19, с. 163–164].

В качестве одного из главных направлений в исследовании повседневности, по мнению академика Ю. А. Полякова, следует выделить группу проблем, которую обобщенно можно назвать «жизненные условия». Это жилье, потребление продуктов питания и промышленных товаров (в первую очередь одежды и обуви), обеспеченность разными видами услуг (бытовыми, транспортными, медицинскими и т. д.) [5, с. 129].

По жилищным условиям первый год у первостроителей был самым трудным. В 49 домах с. Пермского не могли разместить всех приехавших, к тому же часть домов пришлось занять под административные, медицинские и прочие учреждения. Люди обживались в палатках, которых не хватало, частично в шалашах и землянках.

Отсутствие генерального плана города (он был утвержден только в 1939 г.) стало одной из причин, по которой все социально-бытовые объекты, включая жилье, строились как временные. Изначально было определено лишь место для судостроительного, авиационного и металлургического заводов. Их возводили три организации: трест «Дальпромстрой», отделы строительства № 125 и 126, каждая из которых вела работы по своим проектам, не согласованным и не увязанным в единое целое.

Отсутствие генплана и необходимость обеспечить рабочих и ИТР хотя бы примитивным, барачным жильём и минимальным набором бытовых объектов (пекарней, столовыми, баней-прачечной) привела к тому, что почти всё жилищно-гражданское строительство велось во временном исполнении. В городе к середине 1930-х гг. имелось не более 25–30 одно- и двухэтажных капитально выстроенных деревянных зданий. Большая часть жилья возводилось как временное, в виде бараков, но даже их не хватало.

Для нормального устройства рабочих требовалось 118 тыс. м² жилплощади, а имелось всего 42,2 тыс. м² (данные на середину 1930-х гг.). В бараки в первую очередь селили семейных, причем в одной комнате нередко проживали по две-три семьи. Часть первостроителей обитала в так называемом «копай-городе», где жилищами служили землянки и наспех сколоченные времянки из подручных стройматериалов [16, л. 45]. Отметим, что подобная ситуация с жильём была характерна

в годы индустриализации и для других городов-новостроек [20, с. 50–51].

Руководители строящихся промышленных объектов, пытаясь сохранить наиболее работоспособные кадры рабочих и квалифицированных ИТР, стремились по возможности создавать для них более-менее нормальные жилищные условия, насколько это было возможно в условиях жесточайшего жилищного кризиса. Начальник «Дальпромстроя» Викторов в докладе на пленуме Далькрайкома ВКП(б) (март 1934 г.) говорил о следующих мерах по закреплению кадров:

«До сих пор на строительстве существовало совершенно не нормальное положение – квалифицированные рабочие были в худших условиях, чем скажем пожарник, или комендант. < ... > Для того, чтобы закрепить инженерно-технический персонал надо создать хорошие жилищные условия. Вот почему я поставил первый вопрос на строительстве – это решение проблемы жилищ» [15, л. 14].

Жильё в городе строилось силами создаваемых промышленных предприятий, наркоматы выделяли им средства не только на производственное, но и на жилищное строительство. Этот вид строительства назывался «ведомственным» и получил широкое распространение на Дальнем Востоке в 1930-х гг., в том числе в Комсомольске-на-Амуре [21, с. 41]. Три крупных завода города (судостроительный, авиационный, металлургический) и другие предприятия помимо производственных объектов вели жилищное строительство.

Их руководители в первую очередь обеспечивали жильём нужные им категории работников: передовиков-стахановцев, наиболее квалифицированный управленческий персонал и тех рабочих, кто, приехав в первый год строительства, зарекомендовал себя с положительной стороны и готов был остаться на предприятии после пуска его в эксплуатацию. Так, в 1935–1936 гг. было построено несколько добротных рубленых двухэтажных домов с паровым отоплением, где комнаты и квартиры получили более 500 семей.

Для холостяков продолжали строить общежития, причем они подразделялись на «облегченного и улучшенного типа». В общежитиях «улучшенного типа» в каждой комнате уста-

навливалась плита, в них селили семейных и холостых рабочих, которые своим трудом заслужили проживания в более комфортных условиях. Если в обычные общежития в комнату заселяли по 10–14 и более чел., то в общежития «улучшенного типа» – по 4–5 чел. [15, л. 28; 18, л. 17].

И все же, несмотря на предпринимаемые меры, положение с жильём не улучшалось. В докладной записке от 25 апреля 1937 г. «О ходе строительных работ в Комсомольске-на-Амуре», представленной в Далькрайком ВКП(б), отмечалось, что жилищное строительство в городе является самым отстающим участком. «Жилищное строительство ведется очень плохо, качество низкое, дома сдаются с недоделками: незаконченное отопление, отсутствие уборных, водопровода и канализации, зачастую нет кухонь и т. д. Имеется много жалоб на плохое коммунальное обслуживание и высокие тарифы на коммунальные услуги (электроосвещение, вода, квартирная плата). Принимая в эксплуатацию такие объекты и заселяя их, рабочих и служащих ставят в невероятно тяжелые условия. Всё это как будто бы умышленно рассчитано на разжигание недовольства трудящихся и обострение отрицательных настроений» [16, л. 45].

К плохим жилищным условиям добавлялись проблемы с их обогревом в холодное время года. Рабочие мерзли в бараках, особенно те, кто жил в общежитиях. С них брали деньги за отопление, но дрова привозили нерегулярно и им приходилось обеспечивать себя топливом самостоятельно, часто за счет того, что они приносили со стройплощадок, причем не только отходы, но и вполне добротные стройматериалы [22, л. 21].

Недовольство первостроителей вызывали не только жилищные условия, но и снабжение продовольственными и промышленными товарами. Плохое продовольственное обеспечение воспринималось особенно болезненно. Тяжелый физический труд требовал восполнения растроченной энергии за счет хорошего, калорийного питания.

Помимо отделов рабочего снабжения (ОРС) для поставок продовольствия руководство стройки предпринимало попытки создания пригородного хозяйства, тем самым предполагалось обеспечить рабочие кадры в первое время не менее 30 % общей потребности, а в дальнейшем с учетом развития при-

городного хозяйства – до полного самообеспечения горожан овощами. Кроме этого, за счет так называемых самозаготовок – создания рыболовецких и охотничьих артелей – надеялись обеспечить рабочих и служащих такими местными продуктами питания, как рыба, дичь, кабанина и др. [23, л. 223].

Все эти нереализованные (по разным причинам) планы формировались не от хорошей жизни – в первой половине 1930-х гг. в стране была карточная система, и, хотя первостроителей первое время снабжали по так называемому «северному завозу», продуктов не хватало. В магазинах, кроме черного хлеба, других хлебобулочных изделий не продавали, не было мяса и овощей, даже картофеля, а торговля сахаром, солью, махоркой и табачными изделиями проводилась с большими перебоями [22, л. 3].

В 1937 г. в городе имели место проблемы с хлебом, его не хватало, наблюдались огромные очереди. При этом, как указывалось в отчетах о состоянии торговли, «качество хлеба исключительно скверное» [24, л. 91]. Из-за отсутствия нормального снабжения продовольственными товарами и полноценного питания часть первостроителей болела цингой [25, л. 36].

Обеспечение промтоварами также было на низком уровне. Промтовары в город завозились и поступали в торговую сеть нерегулярно, наблюдались перебои в поставках хлопчатобумажных тканей, мануфактуры, мужской, женской, детской одежды и обуви, хозяйственных товаров. Если они появлялись, за ними сразу выстраивались очереди [26, л. 74].

Уполномоченный контрольной партийной комиссии ЦК ВКП(б) по ДВК А. К. Жигалов в докладной записке от 5 августа 1937 г. на имя секретаря Далькрайкома ВКП(б) И. М. Варейкиса отмечал, что «систематические перебои в торговле продовольственными и промышленными товарами мешают закреплению квалифицированных кадров и создают среди отдельных групп рабочих нездоровые политические настроения» [24].

Особое значение для Комсомольска-на-Амуре имело общественное питание, так как в городе большинство рабочих составляли молодые, оторванные от семей мужчины. Они питались в столовых, сеть которых по городу и стройплощадкам была расположена неравномерно, их не хватало. Специ-

альных фондов по снабжению их продуктами не выделялось, они пользовались теми, что предназначались для продажи в магазинах. Поэтому выбор блюд был ограниченным и однообразным, качество пищи низким, а цены высокими и некоторые рабочие не могли себе позволить питаться в столовых [24, л. 91].

Для инженерно-технических работников действовали специальные столовые, но за обеды в них приходилось платить 500 р. в месяц за человека и качество не во всех было на должном уровне. Поэтому некоторые ИТР из-за высоких цен и низкого качества пищи кооперировались и готовили питание на несколько человек дома [22, л. 2].

Минимальный уровень бытовых удобств – жилье, сеть предприятий торговли и общественного питания – предполагало и наличие банно-прачечных услуг. В Комсомольске-на-Амуре к концу 1930-х гг. работало несколько бань и прачечных. Рабочие, проживавшие в общежитиях, обеспечивались постельными принадлежностями, которые регулярно менялись. Но такая практика сложилась не сразу, поначалу люди спали на голых нарах, без матрацев, одеял, подушек. Первое время работала одна баня, которая не могла обслужить всех первостроителей, люди не мылись неделями, как результат – завшивленность, в жилых помещениях завелись клопы.

Для устранения угрозы эпидемии каждую весну проводились месячники по санитарной обработке помещений и очистке города от мусора. К середине 1930-х гг. количество бань и прачечных увеличилось, угроза эпидемии была устранена [25, л. 36].

В Комсомольск-на-Амуре, как в новом советском городе, предполагались формы досуга в соответствии с установками и задачами социалистического общества. Досуг мыслился как организованный, коллективистский, способствующий формированию и развитию человека нового типа, отличающегося от «буржуазного, эгоистического». Для этого предназначались дома культуры, клубы, избы-читальни, библиотеки, красные уголки. Соответствующие объекты культурно-досуговой инфраструктуры возводились в Комсомольске-на-Амуре.

Одним из первых в ноябре 1932 г. начал работать клуб «Ударник», в 1934 г. – библиотека, в 1937 г. – городской драм-

театр, в 1939 г. открылся первый дом культуры «Строитель». В 1939 г. в городе и его окрестностях – на лесозаготовках, каменоломнях и других подсобных предприятиях – насчитывалось 12 клубных учреждений, 10 киноустановок, 10 библиотек на 62,5 тыс. книг [11, с. 152]. К этому времени в городе проживало 70 тыс. чел. [26, л. 74], и культурно-досуговых учреждений явно не хватало.

Одной из форм досуга был любительский спорт. Первые физкультурно-спортивные общества появились в 1933 г., в 1934 г. был построен простейший стадион с футбольным полем, в 1935 г. создан аэроклуб. По ведомственному принципу (при заводах) создавались футбольные команды, которые успешно соперничали с любительскими коллективами Дальневосточного края. Одна из них в 1937 г. стала победителем первенства РСФСР в Дальневосточной зоне, а другая в 1939 г. выиграла Кубок Хабаровского края по футболу [27, л. 16].

Наиболее популярным видом культурного досуга у горожан было кино. Они охотно посещали киносеансы, хотя нередко жаловались на холод, грязь в клубах и на то, что новые кинофильмы приходили с большим опозданием в сравнении с городами европейской части страны [28, с. 98]. В целом выбор проведения свободного времени у горожан был крайне ограничен. Оставшиеся от работы часы тратились на хозяйственно-бытовые хлопоты и пассивные виды досуга: отдых, общение с соседями по общежитию (дому).

Ограниченность культурно-досуговых учреждений Комсомольска-на-Амуре была одной из причин (далеко не главной), по которой многие (особенно в общежитиях) предавались выпивке, картежным играм, что вызывало озабоченность начальства, которое подобные формы досуга называло «нездоровыми явлениями» и считало, что для их искоренения «центр тяжести партийно-массовой работы нужно перенести в барак, < > ...путем читки и проведения бесед» [23, л. 6].

Скудность досуговой инфраструктуры побуждала партийно-хозяйственное руководство предпринимать меры по созданию недорогих в финансовом отношении объектов для массовых видов отдыха. Во второй половине 1930-х гг. были намерения открыть на Амуре водную и лодочную станции; создать на месте естественного лесного массива в пойме р. Си-

линки общегородской центральный парк культуры и отдыха [15, л. 30]. Но эти планы не были реализованы.

Обсуждение и выводы

История повседневной жизни первостроителей Комсомольска-на-Амуре наглядно демонстрирует особенность проведения сталинской форсированной индустриализации, при которой решение задачи создания промышленного потенциала достигалось за счет колоссальных трудовых усилий, бытовых лишений и жертв со стороны рядовых советских тружеников. «Героизм» первостроителей Комсомольска-на-Амуре во многом был вынужденной мерой, люди были поставлены в сложные условия на грани выживаемости. Тяжелые условия труда и быта не были какими-то исключительными для того времени, они были обыденным явлением, характерным и для других советских городов-новостроек.

Список литературы

1. Ипполитов Г. М., Репинецкий А. И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. № 3. – С. 154–161.
2. Жидченко А. В., Рыженко В. Г. История повседневности XX века в англоязычной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. – № 3. – С. 172–178.
3. Милешина Н. А., Меркушин А. В. История повседневности как научное направление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-3(61). – С. 103–105.
4. Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. 1997. Ежегодник. – М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия», 1998. – С. 287–332.
5. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 125–132.
6. Пушкарева Н.Л. Предмет и метод «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19.
7. Банникова Е. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7(13). Ч. II. – С. 21–24.
8. Кузина И. Л. Повседневный быт социалистической новостройки в 1930-е гг. (опыт г. Комсомольска-на-Амуре) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4–2. – С. 106–109.
9. Долгов Л. Н. Первый председатель Комсомольского-на-Амуре городского Совета и формирование социокультурной среды города // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре технического университета. – 2012. – Т. 2. № 10. – С. 13–18.

10. Иванов В. В. Развитие системы здравоохранения в г. Комсомольске-на-Амуре в 1930–1940-е гг. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 671–675.

11. Костюрина Н. Ю. Досуг и быт нового советского города 1930-х годов: проекты и действительность // Вестник ДВО РАН. – 2006. – № 3. – С. 148–155.

12. Филиппова А. В. Создание судостроительного комплекса на Амуре (1932–1941 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 10. – С. 39–46.

13. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 356.

14. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 367.

15. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 511.

16. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351.

17. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 601.

18. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 926.

19. Плохотников В. С. Заработная плата рабочих г. Тюмени в годы первых пятилеток (1928–1941) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12–1 (62). – С. 161–165.

20. Исаев В. И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. – 2020. – № 1(9). – С. 47–55.

21. Власов С. А. Ведомственное жилищное строительство на Дальнем Востоке в 1930-е гг. // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. – 2022. – № 9. – С. 39–52.

22. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 927.

23. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 13.

24. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1299.

25. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 701.

26. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 978.

27. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 6.

28. Кулинич Н. Г. Досуговая культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. 2011. 164 с.

Labor, life, leisure of the first builders of Komsomolsk-on-Amur – the daily life of residents of the Far Eastern city in the 1930s

Sergey A. Vlasov

In the article, based on a wide range of archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the main components of the daily life of the first builders of Komsomolsk-on-Amur are investigated – labor activity, living conditions, forms and types of leisure. It is established that the personnel of the first builders was formed not only on a voluntary basis, but also under administrative pressure; in addition to the mobilized and volunteers, a significant proportion of the first builders were military builders, prisoners. It was revealed that the housing condition of the residents of the new city were unsatisfactory. It was noted that in order to consolidate the qualified and most able-bodied personnel, better quality housing was provided as an incentive. The supply of food and industrial goods was carried out at a low level. The presence of leisure and cultural institutions did not correspond to the size of pop-

ulation and did not allow for meaningful leisure, and for most citizens it was reduced to passive (rest, communication with acquaintances). It is concluded, that the hard daily life of the first builders was a kind of payment for the accelerated forced construction of industrial facilities in the city.

Key words: First builders, mobilization, barracks, catering, food and industrial goods, bath-laundries, meaningful leisure.

For citation: Vlasov, S. A. (2023) Trud, byt, dosug pervostroiteley Komsomol'ska-na-Amure – povsednaya zhizn' zhitel'ey dal'nevostochnogo goroda v 1930-ye gg. [Labor, life, leisure of the first builders of Komsomolsk-on-Amur – the daily life of residents of the Far Eastern city in the 1930s]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 161–176. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_161

References

1. Ippolitov G. M., Repineskiy A. I. (2012) *Istoriya povsednevnosti: nekotorie aspekti genezisa i evolusii otrasli istoricheskoy nauki* [The history of everyday life: some aspects of the genesis and evolution of the branch of historical science] // *Izvestiya Samarского nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 14. № 3. Pp. 154–161. (In Russ.)
2. Zhidchenko A. V., Rizhenko V. G. (2012) *Istoriya povsednevnosti XX veka v angloyazichnoy istoriografii* [The History of everyday life of the twentieth century in English-language Historiography] // *Uchenie zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnie nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]. Vol. 154. № 3. Pp. 172–178. (In Russ.)
3. Mileshina N. A., Merkushin A. V. (2015) *Istoriya povsednevnosti kak nauchnoe napravlenie* [The history of everyday life as a scientific direction] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. № 11–3(61). Pp. 103–105. (In Russ.)
4. Zhuravlev S. V., Sokolov A. K. (1998) *Povsednaya zhizn' sovetskikh ludey v 1920-e gg.* [Everyday life of Soviet people in the 1920s.] // *Sotsialnaya istoriya. 1997. Ezhegodnik* [Social history. 1997. Yearbook]. M.: Rossiyskaya politicheskaya ensiklopediya. Pp. 287–332. (In Russ.)
5. Poliakov Y. A. (2000) *Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekti)* [Man in everyday life (historical aspects)] // *Otechestvenaya istoriya* [Domestic history]. № 3. Pp. 125–132. (In Russ.)
6. Pushkareva N. L. (2004) *Predmet i metod «istorii povsednevnosti»* [The subject and method of the "history of everyday life"] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. № 5. Pp. 3–19. (In Russ.)
7. Bannikova E. V. (2011) *Kriterii povsednevnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii povsednevnoy zhizni* [Criteria of everyday life: theoretical and methodological foundations of the history of everyday life] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. № 7 (13). Vol. II. Pp. 21–24. (In Russ.)
8. Kuzina I. L. (2015) *Povsednevnyy bit sotsialisticheskoy novostroyki v 1930-e gg. (opit g. Komsomolska-na-Amure)* [Everyday life of a socialist new building in the 1930s. (the experience of Komsomolsk-on-Amur)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. № 4–2. Pp. 106–109. (In Russ.)
9. Dolgov L. N. (2012) *Perviy predsedatel Komsomolskogo-na-Amure gorodskogo Soveta i formirovaniye sotsiokulturnoy sredi goroda* [The first chairman of the Komsomolsk-on-Amur City Council and the formation of the socio-cultural environment of the city] // *Uchenie zapiski Komsomolskogo-na-Amure tehnikeskogo universiteta* [Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur Technical University]. V. 2. № 10. Pp. 13–18. (In Russ.)

10. Ivanov V. V. (2017) *Razvitiye sistemy zdравоохранeniya v g. Komsomolske-na-Amure v 1930–1940-e gg.* [Development of the healthcare system in Komsomolsk-on-Amur in the 1930s – 1940s] // *Nauchno-metodicheskiy zhurnal «Konsept»* [Scientific and methodological journal "Concept"]. Vol. 39. Pp. 671–675. (In Russ.)
11. Kostiurina N. U. (2006) *Dosug i bit novogo sovetskogo goroda 1930-h godov: proekti i deystvitel'nost* [Leisure and life of the new Soviet city of the 1930s: projects and reality] // *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. № 3. Pp. 148–155. (In Russ.)
12. Filippova A. V. (2017) *Sozdanie sudostroitel'nogo kompleksa na Amure (1932–1941 gg.)* [Creation of a shipbuilding complex on the Amur (1932–1941)] // *Voenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Magazine]. № 10. Pp. 39–46. (In Russ.)
13. *Gosudarstvenniy arhiv Habarovskogo kraya* (GAHK) [The State Archive of the Khabarovsk Territory]. F. P-2. Op. 1. D. 356.
14. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 367.
15. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 511.
16. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 1351.
17. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 601.
18. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 926.
19. Plohotnikov V. S. (2015) *Zarabotnaya plata rabochih g. Tumeni v godi pervih piatiletok (1928–1941)* [Wages of Tyumen workers during the first five-year plans (1928–1941)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskvustvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. № 12–1 (62). Pp. 161–165. (In Russ.)
20. Isaev V. I. (2020) *Protsessy modernizatsii v sfere bita rabochih Sibiri v godi pervih piatiletok (1928–1937 godi)* [Modernization processes in the sphere of everyday life of Siberian workers during the first five-year plans (1928–1937)] // *Istoricheskiy kuryer* [Historical Courier]. № 1(9). Pp. 47–55. (In Russ.)
21. Vlasov S. A. (2022) *Vedomstvennoe zhilichnoe stroitel'stvo na Dalnem Vostoke v 1930-e gg.* [Departmental housing construction in the Far East in the 1930s.] // *Chetiya pamiati professora Aleksandra Aleksandrovicha Sidorenko* [Readings in memory of Professor Alexander Alexandrovich Sidorenko]. № 9. Pp. 39–52. (In Russ.)
22. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 927.
23. *Gosudarstvenniy arhiv Primorskogo kraya* (GAPK) [State Archive of Primorsky Krai] F. P-1. Op. 1. D. 13.
24. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 1299.
25. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 701.
26. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 978.
27. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 6.
28. Kulinich N. G. (2011) *Dosugovaya kultura gorozhan sovetskogo Dalnego Vostoka v 1920–1930-e godi* [Leisure culture of the citizens of the Soviet Far East in the 1920s – 1930s.] Khabarovsk: Tihookeanskiy gosuniversitet.

Статья поступила в редакцию 21.01.2023
Одобрена после рецензирования 31.01.2022
Принята к публикации 07.02.2023

**Андрей Васильевич Племянников,
дед автора воспоминаний (1850)**
Автор: Т. Г. Шевченко.
Бумага, акварель. 29,5 × 22,3 см.
Национальный музей Тараса Шевченко, Украина, Киев. Инв. № 2 – 284.

**Елизавета Андреевна Фридрихс
(урожденная Племянникова) –
мать автора воспоминаний. ИРЛИ
РАН. Ф. 321. Оп. 1. Д. 27.**

**Николай Федорович Карамзин, –
дворянский дед автора воспомина-
ний. ИРЛИ РАН. Ф. 321. Оп. 1. Д. 15.**

**Портрет Екатерины Ивановны
Новосильцевой с детьми. 1830 г. (?)**

Автор: К. И. Барду (?)

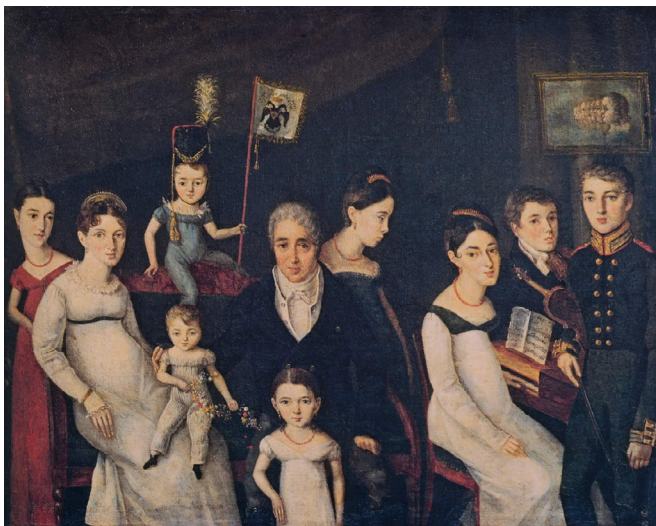
Орловский музей изобразительных
искусств

Портрет семьи Енатских (1839)

Неизвестный художник второй четверти
XIX века.

Холст на картоне, масло (71 × 67 см.)
Музей изобразительных искусств Респу-
блики Татарстан

Портрет семьи Бенуа (не позднее 1817)

Автор: Оливье (?)

Холст, масло. 68,5 × 88 см.

Государственный Русский музей

Портрет Лидии Николаевны Милюковой (1840-е)

Автор: Г. В. Сорока

Холст, масло. 43 × 33 см.

Государственный Эрмитаж

**Няни с детьми на руках в грудном
отделении Императорского
Воспитательного дома**
ЦГАКФФД СПб Е 15386.

**Работники пункта «Капля молока»
выдают молоко**
ЦГАКФФД СПб П. 327 сн. 14.

К статье Д. И. Гетьман

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация;
e-mail: rfnz25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2514-9421

Белова Анна Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация;
e-mail: Belova.AV@tversu.ru; anna.belova@iea.ras.ru; ORCID: 0000-0002-5741-9190

Власов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Российская Федерация;
e-mail: vlasov54@bk.ru

Гетьман Диана Игоревна, аспирант кафедры истории России, лаборант Научно-образовательного центра краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: dianagetman@internet.ru

Емельянова Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: t_krasovska@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7866-6449

Жукова Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация;
e-mail: nataliiuk@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5652-1636

Кабытов Петр Серафимович, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация;
e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2359-2155

Карпова Вероника Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: nika7676@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7632-2888

Козлов Николай Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: koznik49@yandex.ru; ORCID: 0000-001-9212-3144

Крюкова Анна Владимировна, кандидат исторических наук, методист научно-методического отдела, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар, Российская Федерация;
e-mail: AyutaKR@yandex.ru

Мицюк Наталья Александровна, доктор исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Российская Федерация;
e-mail: ochlokratia@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9862-1272

Паликова Татьяна Вадимовна, доктор исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация;
e-mail: Tatianap25@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2299-0343

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация;
e-mail: pushkarev@mail.ru; ORCID: 000-0001-6295-3331

ABOUT AUTHORS

Barinova Ekaterina P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History and Historiography, Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

e-mail: rfuz25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2514-9421

Belova Anna V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History, Tver State University, Tver, Russian Federation; Leading Researcher at the N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

e-mail: Belova.AV@tversu.ru; anna.belova@iea.ras.ru; ORCID: 0000-0002-5741-9190

Get'man Diana I., Postgraduate Student of the Department of Russian History, Laboratory assistant at the Scientific and Educational Center for Local History Studies, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: dianagetman@internet.ru

Emelyanova Tatyana V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State Agrarian University, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: t_krasovska@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7866-6449

Zhukova Natalia E., Candidate of Historical Sciences, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation;

e-mail: nataliiuuk@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5652-1636

Kabytov Petr Serafimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russian Federation, Head of Department of Russian History, Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru; ORCID 0000-0002-2359-2155

Karpova Veronika V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: nika7676@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7632-2888

Kozlov Nikolay D., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: koznik49@yandex.ru; ORCID: 0000-001-9212-3144

Kryukova Anna V., Candidate of Historical Sciences, Methodologist of the Scientific and Methodological Department, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: AyutaKR@yandex.ru

Mitsyuk Natalia A., Doctor of Historical Sciences, Senior Lecturer, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation;
e-mail: ochlokratia@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9862-1272

Palikova Tatiana V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: Tatianap25@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2299-0343

Pushkareva Natalia L., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: pushkarev@mail.ru; ORCID: 000-0001-6295-3331

Vlasov Sergey Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: vlasov54@bk.ru

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен двумя файлами:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120-150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно

рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.

• **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи.

• **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.

• **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещать в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).

• **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:

- ФИО (полностью);
- Ученая степень;
- Ученое звание;
- Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
- Город;
- Страна;
- Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
- E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Правила оформления библиографического списка

Настоящие правила оформления списков источников и литературы (примечательных библиографических списков) основаны на требованиях ГОСТ Р 7.0.5-2008, регламенте представления журналов в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), требованиях высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (ВАК).

Источники различных типов необходимо описывать следующим образом

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al.". Внимание!: запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «и др.» или «et al.» – обязательна.

Недопустимо сокращать (или иным способом изменять) названия статей и названия журналов. Названия англоязычных журналов можно приводить в официальном (!) сокращении. Для поиска правильного сокращенного названия журнала можно использовать CAS Source Index, библиотеку WorldCat или каталог Web of Science (ISI), каталог названий базы данных MedLine (NLM Catalog). Если официальное сокращение названия журнала найти не удалось – необходимо указывать его полное название.

Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* (Digital Object Identifier – DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие doi у источника следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название источника на английском языке. Подавляющее большинство зарубежных журнальных статей с 2000 года и многие русскоязычные статьи (опубликованные после 2013 года) зарегистрированы в системе CrossRef и имеют уникальный DOI.

МОНОГРАФИЯ

- Езерский Н. Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с.
- Веременко В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
- Сабенникова И. В., Гентшке В. Л., Ловцов А. С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Дегтярева М. И. Александр Стурдза: консервативный реформизм и критика католической доктрины Жозефа де Местра // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 101-114.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI

- Веременко В. А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 320–354. DOI 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Зайцева С. В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2-х т. / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. – М.: ИЭА РАН, 2018. – Т. 1. – С. 180–182.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ

- Вашева И. Ю. «Перковные истории» поздней античности: социальные функции, смысл и назначение // Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени: сб. науч. ст. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. – С. 5–18.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513. Л. 2

МОНОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Puar J. The Right to Maim: Debility, Capacity, Disability. – Durham; London: Duke University Press, 2017. 296 p.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Wenners C., Wold A. Nepotism and sexism in peer-review // Nature. – 1997. – Vol. 387. – No. 6631. – Pp. 341–343.

Примеры описания постраничных сносок

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- История протестов и самоорганизации в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/istoriya-protestov-i-samoorganizatsii-v-obrazovanii/> (дата обращения: 30.05.2022).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Historical Archives of the European Union. Available at: <https://www.eu.eu/en/academic-units/historical-archives-of-the-european-union> (accessed 20 June 2022).

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

- Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

- Идрисова Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 193 с.
- Идрисова Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 25 с.

Примеры оформления References

МОНОГРАФИЯ

- Abramov YA. V. (1900) *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday schools. Their past and present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva. (In Russ.)

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Sinova I. V. (2016) *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo второй половине XIX – nachale XX vv.* [Children of the working population in urban society in the second half of the 19th – early 20th centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 3 (52). Pp. 62–69. (In Russ.)

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Zajceva S. V. (2018) *(Sud'ba nezakonno-rozhdennykh detej i ih materej v rossijskikh gorodah vo второй половине XIX v. [The fate of illegitimate children and their mothers in Russian cities in the second half of the 19th century] // Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov [Urban women and citizens in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the 14th–21st centuries]. Materialy Odinnadcatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnij Novgorod. V 2-h tomah / Otv. redaktory: N. L. Pushkareva, N. A. Gronskaya, N. K. Radina. Moscow: IEA RAN. T. 1. Pp. 180–182. (In Russ.)*

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ

- Vashcheva I. Yu. (2011) «Tserkovnye istorii» pozdnei antichnosti: sotsial'nye funktsii, smysl i naznachenie ["Church Histories" of Late Antiquity: Social Functions, Origin and Purpose]. *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Almanac on the History of the Middle Ages and the Early Modern Era]. Nizhny Novgorod: UNN. Pp. 5–18. (In Russ.)

Обратите внимание!

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах. При обозначении интервала используется тире без пробелов (1941–1941 гг.; с. 1–10, но с поясняющими словами с пробелами: конец XIX – начало XX в.).

Кавычки должны быть внешние («...») и внутренние ("...").

Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами, при переводе на английский – арабскими. **Римские цифры** набираются с переклоением на латинскую клавиатуру: XIX –XX вв.

Буква ё/Ë заменяется буквой е/E, за исключением иноязычных имен и фамилий.

Сокращения в тексте используются общепринятые, например: тысячелетие – тыс., век – в.; века – вв.; год – г.; годы – гг. и др. Возможны сокращения: др. (другие), т. п. (тому подобное), т. д. (так далее), т. е. (то есть), чел. (человек).

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе "Авторы" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povsednevnosti/avtoram-6>

Статья и заявка, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала everyday.history@lengu.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (25)

2023

Редактор **Л. М. Григорьева**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 27.02.2023. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 12.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ №1844

На обложке размещена репродукция картины

К. В. Лемоха «Родительская радость», 1910 г.,

Калужский музей изобразительных искусств, Калуга

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru